Как Горбачёв «прорвался во власть»

Валерий Легостаев

Москва, 2011

Оглавление

Вместо предисловия....1
Часть 1. Тайна смерти Брежнева....2
Часть 2. Загадки Андропова....9
Часть 3. Горбачёв - «второй друг» Андропова....37
Часть 4. Горбачёв берётся за дело....50
Часть 5. Откровения английского посла....60
Часть 6. ГКЧП. Переворот Горбачёва и Ельцина....83
Вместо послесловия....94
Приложение. Кто и как готовил ГКЧП....95
Хронология событий I этапа «перестройки»....95
Хронология II этапа....99
Хронология III этапа «перестройки»....103

Автор этой книги В.М. Легостаев входил в ЦК КПСС, а в годы горбачёвской «перестройки» был первым помощником члена Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачёва. В своей книге, основанной на документах ЦК и личных дневниковых записях, В.М. Легостаев показывает, как развивались события в роковые для СССР 1980-е годы, какие процессы шли в это время в партии и стране, кто стоял за ними.

Автор подробно описывает и деятельность М. Горбачёва, начиная от смерти Л.И. Брежнева и заканчивая развалом СССР. В записках Легостаева приводятся многочисленные факты, которые открывают секреты проникновения Горбачва на место лидера самой влиятельной в мире политической партии, открывается тайна всей его фантастической карьеры. Главный вопрос, на который отвечает автор, «как Горбачёв прорвался во власть, учитывая, что он создавал впечатление довольно бесхребетного человека».

Данная книга В.М. Легостаева ранее никогда не

публиковалась, издаётся впервые.

Вместо предисловия

В истории России с древнейших времён насчитывают всего шесть генсеков. Самым первым был Сталин. Он был Генсек Великий или, если угодно, Грозный. Он рыл каналы и строил города, побеждал врагов и карал негодяев. Его сменил Хрущёв - Генсек Дурной. Он таскал мусор на могилу Великого и показывал кузькину мать. За ним пришёл Брежнев - Генсек Добрый. Он сделал свой народ снаружи сильным, а внутри слабым. Потом пришёл Андропов - Генсек Строгий. Он не велел уходить с работы в кино и хотел узнать, какое общество мы построили. Следующим стал Черненко - Генсек Бедный. Он был одиноким - и его сразу сожрали. Последним возник Горбачёв - Генсек Кровавый, очень похожий на бывшего у нас в начале прошлого века последнего императора.

Оба - и генсек, и император, больше всего на свете любили самих себя и тяготели к либерализму. Император писал манифесты и давал свободы. При нём возникло множество разнообразных союзов, которые вырабатывали наказы. Керенский даже сказал, будто Россия тогда «обсоюзилась». При генсеке вся страна тоже писала программы, а народ должен был выбирать лучшую, пока Гавриил Попов рылся у него в карманах.

Император проиграл две войны и тащился от немцев. Генсек проиграл всё до подштанников, тащился от немцев, американцев, евреев и всех других, - к западу от советской границы.

Император был подкаблучником, при нём государством правила его жена Алиса-Виктория-Елена-Бригитта-Луиза-Беатриса Гессенская. Генсек также был подкаблучником. Его супруга Раиса Максимовна членов Политбюро за чубы, конечно, не таскала, но работать учила. Об этом, между прочим, неплохо рассказал бывший политбюровец Лучинский.

У императора было своё ГКЧП, после которого в марте 17-го он сбежал со своего поста, бросив Россию на произвол судьбы. У генсека тоже было ГКЧП, после которого он сбежал со своего поста 25 декабря 1991 года.

После императора Россия умылась кровью и слезами так, что мало никому не показалось. После генсека Россия тоже умылась кровью и слезами, но кое-кому пока ещё кажется мало.

* * *

Если попытаться охватить мысленным взором весь жизненный путь, пройденный Горбачёвым, то станет сразу же видно, что пиковым моментом на этом пути стало избрание Михаила Горбачёва в марте 1985 года генсеком ЦК КПСС. В дальнейшем он всего лишь конвертировал у западных менял эту высокую должность на кучу вышеозначенных денежных премий, медалек и прочих малополезных для спасения души прибамбасов. Сдаётся мне поэтому, что тому, кто узнает секрет

проникновения Горбачёва на место лидера самой влиятельной в мире политической партии, откроется тайна и всей его фантастической карьеры.

Должен признаться, что на первых порах, т.е. в далекие теперь уже от нас 80-е, всё в истории прихода Горбачёва к власти представлялось мне предельно ясным. Ну как же, кто не знает: брежневское руководство впало в старческий маразм, после чего дружно вымерло. И тогда, под давлением всенародного недовольства, партийная верхушка была вынуждена призвать на царствие молодого, но тем не менее уже умудрённого жизненным и политическим опытом Горбачёва, чтобы он сделал перестройку. Было, было время, когда, подобно многим советским простакам, и я искренне верил в эту клюкву, радовался избранию Горбачёва генсеком.

Но с тех пор много воды утекло. Стали известны многочисленные факты, в совокупности которых просматривается совсем иная, загадочная и мрачная, по моим ощущениям, история проникновения Горбачёва к высшей власти в СССР, окрашенная местами в кроваво-чёрные тона воистину шекспировской трагедии.

Часть 1. Тайна смерти Брежнева

Политическая карьера Л.И. Брежнева на высших должностях в СССР была необычайно продолжительной. Впервые он стал секретарём ЦК КПСС ещё при Сталине, осенью 1952 года. Весной 1960-го занял главный государственный пост страны, став председателем Президиума Верховного Совета СССР. С октября 1964 года и до конца своих дней Брежнев был первым, а затем Генеральным секретарём ЦК КПСС. Таким образом, в общей сложности Брежнев входил в состав высшей политической и государственной элиты Советского Союза на протяжении трёх десятилетий.

Как и все его ближайшие соратники, Брежнев был человеком войны. Это значит, что его жизненный и политический опыт, его понимание важнейших государственных интересов сложились в основном в военные годы. Соответственно, занимая высшие посты в партии и государстве, он направлял свои главные усилия на укрепление оборонной мощи и международных позиций Союза ССР. И преуспел в этом благом деле.

В последние годы жизни Брежнев тяжело болел. Именно в этот период он превратился в объект огульной критики и ядовитых насмешек как внутри страны, так и за её рубежами. Больше всего Брежнева упрёкали за то, что он якобы цепляется из последних сил за власть, не хочет уступить своего места.

Однако сейчас, когда о тех временах опубликовано уже множество авторитетных документов, стало очевидно, что Брежнев неоднократно пытался решить проблему преемника, начиная ещё с середины 70-х. Тогда на эту роль предполагался первый секретарь Ленинградского обкома партии Романов. Позже появлялись и другие кандидатуры, и

всегда это было сопряжено с обострением подспудной политической борьбы вокруг фигуры Брежнева. Нельзя исключить, что одна из очередных вспышек подобного рода приблизила час кончины 75-летнего генсека.

На эту мысль наводят, в частности, появившиеся за последние годы свидетельства об обстоятельствах, сопутствовавших смерти Брежнева утром 10 ноября 1982 года на даче в Заречье. Наиболее близко оказались к событиям того ноябрьского утра три человека. Первый - полковник КГБ Владимир Медведев, состоявший в личной охране Генерального секретаря на протяжении почти полутора десятилетий. Именно Медведев первым обнаружил Брежнева мёртвым. Свои воспоминания об этом событии он подробно изложил в интересной книге «Человек за спиной».

Второй авторитетный свидетель - бывший начальник знаменитого 4-го Главного управления при Минздраве СССР, самый главный из всех кремлёвских врачей, академик Евгений Чазов. Первым из медиков он оказался у тела умершего Брежнева. Его перу принадлежит книга «Здоровье и власть». На её страницах он представил собственную версию обстоятельств смерти Брежнева. Третий человек, без участия которого трудно составить целостную картину событий, это - Юрий Андропов. Он не оставил после себя никаких свидетельств. Однако кое-что в этом плане сделали за него двое названных выше и ещё некоторые другие авторы.

Попробуем теперь, опираясь главным образом на поименованные выше издания, реконструировать последовательность и логику обстоятельств, сопутствовавших кончине Брежнева.

* * *

В самом начале 80-х годов, в своих поисках кандидатуры возможного преемника, Брежнев остановился на Андропове. К этому времени Юрий Владимирович был уже зрелым, многоопытным политиком. Полтора десятилетия он успешно возглавлял КГБ СССР. Его имя пользовалось известностью и авторитетом как в нашей стране, так и за рубежом. По своим качествам он был готов принять на свои плечи главную ответственность за судьбу великой державы и стремился к этой цели. О последнем свидетельствует Чазов, состоявший с Андроповым на протяжении многих лет в особо близких, доверительных отношениях: «он всегда мечтал встать во главе партии и государства».

Воспользовавшись скоропостижной кончиной в январе 1982 года второго секретаря ЦК Суслова, Брежнев провёл через Политбюро решение о переводе на его место Андропова. Этот шаг дался генсеку непросто. Судя по всему, в Политбюро существовала сильная оппозиция идеи продвижения вверх Андропова. Косвенно об этом свидетельствуют несколько фактов. В частности, возражения Юрия Владимировича не были приняты во внимание при назначении вместо него Председателем КГБ СССР руководителя украинского республиканского КГБ Федорчука.

Кроме того, перебравшись в кабинет Суслова на Старой площади, Андропов достаточно долго находился как бы не у дел, оказался в тени.

(1982 года) Пленуме ЦК КПСС он был избран секретарём ЦК, и только после этого формально определился его статус как второго лица в партии. Однако, немаловажная деталь, и после Пленума ему не было передано курирование одним из основных структурных подразделений аппарата ЦК - отделом организационно-партийной работы. Он остался по-прежнему за Черненко.

Трудно назвать персонально всех, кто составлял оппозицию Андропову. Открытая политическая борьба была не в традициях Политбюро. Ясно, что против его выдвижения возражал Черненко. Известно также, что ещё с конца 70-х у Андропова не сложились отношения с весьма близко стоявшим к Брежневу украинским лидером Щербицким. Не относился к числу сторонников Андропова первый секретарь МГК партии Гришин. Были, видимо, и другие оппоненты.

Тем не менее, начиная с лета 1982 года Андропов, обладавший несомненным ярким политическим талантом, постепенно укрепляет свои позиции в руководстве КПСС. Его акции как потенциального преемника Брежнева неуклонно идут вверх. И вдруг осенью того же года в аппарате ЦК начинают активно курсировать слухи, будто на предстоящем в ноябре Пленуме ЦК КПСС предполагается переход Брежнева на должность Председателя партии, а новым Генеральным секретарём будет рекомендован 64-летний Щербицкий. В своих политических мемуарах Гришин также говорит о слухах, согласно которым Брежнев «хотел на ближайшем Пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии. Осуществить это Л. И. Брежнев не успел». Есть на этот счёт и другие свидетельства подобного рода. В частности, у Горбачёва.

Что же послужило поводом для слухов? Ответ на этот вопрос лежит сверху: Брежнева убедили в том, что Андропов, при всех его несомненных достоинствах, уже много лет тяжело больной человек. Поэтому он не может принять на себя ответственность за страну. В конце октября, видимо, под впечатлением таких речей, Брежнев неожиданно позвонил Чазову: «Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Как у него дела? Мне сказали, что он тяжело болен и его дни сочтены... Понимаешь, вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать».

Накануне ноябрьских праздников у Чазова снова раздался звонок. Это был весьма встревоженный Андропов: «Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Сказал, что после праздников обязательно встретится с вами, чтобы обсудить, что ещё можно сделать для моего лечения. Видимо, кто-то играет на моей болезни. Я прошу вас успокоить Брежнева и развеять его сомнения и насторожённость в отношении моего будущего».

Думаю, вряд ли найдётся человек, способный позавидовать Чазову,

оказавшемуся таким образом между Брежневым и Андроповым.

* * *

Утром 7 ноября 1982 года Брежнев, как всегда, стоял на трибуне ленинского Мавзолея. День был холодный, стылый. Официальные торжества по этой причине свернули быстро. Однако Брежнев чувствовал себя вполне удовлетворительно. На следующий день, 8 ноября, в Завидове он даже принял участие в охоте. Но сам уже не стрелял. Сидел в машине и наблюдал за действиями охотников, азартно сопереживал им. Ещё через день, 9 ноября, отдохнувший, в хорошем настроении приехал, как оказалось, последний раз на работу в Кремль.

По линии охраны дежурил в этот раз Медведев. Он пишет о последних посетителях Брежнева: «Никто к нему не заходил в этот день, кроме помощников и референтов». Но есть на этот счёт и другое, не менее авторитетное свидетельство. В тот день дежурным секретарём в приёмной генсека работал Олег Захаров, с которым у меня, автора настоящих строк, были давние дружеские отношения. Олег Алексеевич проработал с Брежневым десять лет. После него был секретарём последовательно у Андропова и Черненко. Из трёх генсеков с особым уважением относился именно к Андропову. В 1991 году Захаров опубликовал в еженедельнике «Гласность» от 8.08. свои заметки «О Юрии Владимировиче Андропове». В них вспомнил между делом и о последнем рабочем дне Брежнева.

По словам Захарова, утром 9 ноября из Завидова ему позвонил Медведев, который сообщил, что генсек приедет в Кремль в районе 12 часов и просит пригласить к этому времени Андропова. Что и было сделано. Далее: «Брежнев прибыл в Кремль примерно в 12 часов дня в хорошем настроении, отдохнувшим от праздничной суеты. Как всегда, приветливо поздоровался, пошутил и тут же пригласил Андропова в кабинет. Они долго беседовали, судя по всему, встреча носила обычный деловой характер».

У меня нет ни малейших сомнений в том, что Захаров точно зафиксировал факт последней продолжительной встречи Брежнева и Андропова. Вместе с тем не могу допустить, что о ней мог запамятовать Медведев. Выходит, у него были причины для умолчания?

Скорее всего, теперь уже навсегда останется тайной, о чём накануне своей смерти Брежнев долго беседовал с Андроповым. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что речь шла о предстоящем Пленуме ЦК. Праздники остались позади, и подготовка к Пленуму превратилась в главную задачу дня. Будучи вторым секретарём, Андропов имел к ней прямое отношение. Если так, то столь же вероятно, что в беседе был затронут главный кадровый вопрос: о преемнике Генерального секретаря. Так или иначе, но днём 9 ноября Андропов стал, похоже, единственным обладателем какой-то важной информации о ближайших планах Брежнева.

Как пишет Медведев, вечером этого дня, за ужином в Заречье,

Брежнев, «человек большой выдержки и мужества, впервые пожаловался на боль в горле». Других жалоб не было. Не став смотреть свою любимую передачу «Время», он пожелал всем спокойной ночи и поднялся в спальню. Около одиннадцати вслед за ним поднялась его супруга Виктория Петровна.

...Утром 10 ноября полковник Медведев закончил своё суточное дежурство и собирался ехать домой отдыхать. Однако заступивший ему на смену Владимир Собаченков, которому предстояло идти будить Брежнева, попросил пойти вместе с ним: «разбудим, потом поедешь». Такие просьбы случались у него и раньше, но не часто. В этот раз вышло особенно удачно: всё остальное происходило при свидетелях. Как обычно, ровно без двух минут девять офицеры покинули служебное помещение. Вошли в дачу. На первом этаже в столовой завтракала Виктория Петровна. Супруга генсека страдала диабетом. Поэтому ежедневно в начале девятого приезжала медсестра, делала ей укол инсулина. После чего подавали завтрак. Факт важный для привязки во времени. Поприветствовав Викторию Петровну, офицеры поднялись в спальню.

Здесь Собаченков сразу направился к окну, с шумом отдёрнул штору. Брежнев не пошевелился. Тогда Мёдведев легко потрогал его за предплечье: пора вставать. Никакой реакции. После повторных, более энергичных попыток разбудить генсека, Медведев, потрясённый, ставит диагноз: Леонид Ильич готов...

Возникает естественная в такой ситуации паника. Собаченков бросается к телефонам. Но кому звонит, неизвестно. В комнату влетает комендант генсека Сторонов. Вдвоём с Медведевым они стаскивают тяжёлое тело Брежнева с кровати на пол и начинают делать искусственное дыхание. Выбиваясь из сил, телохранитель и комендант продолжают свои попытки примерно полчаса, пока в спальне не появляется...

Угадайте, кто? Взмыленные реаниматоры? Перепуганный Чазов? Ошалевший от страха ближайший участковый врач? Всё мимо. Правильный ответ: пока в спальне не появляется серый лицом секретарь ЦК по идеологии Андропов. «Ну что тут?» - спросил он. «Да вот...- засмущался при виде начальства полковник,- по-моему, умер». Как пишет Медведев, его удивило, что «Андропов не задавал лишних или неприятных для нас вопросов». Он просто констатировал, что ничем уже не поможешь, и спустился вниз к Виктории Петровне.

Тут возник начальник 4-го Управления Чазов. Простодушный читатель, наверное, полагает, что, увидев бездыханное тело своего наиважнейшего пациента, Чазов тут же выхватил стетоскоп, принялся прослушивать Брежнева, искать у него в отчаянной надежде пульс, заглядывать в зрачки, попутно причитая, дескать, беда-то какая, не оказалось врача рядом, потом затребовал для анализа все успокоительные таблетки, которые мог принимать в эту ночь генсек, и прочее, и прочее.

Если читатель так подумает, то будет действительно простодушным. На самом деле академик был так же спокоен и уравновешен. На слова Медведева: «Был ещё теплый»,- не реагировал. Но охранников похвалил, мол, сделали всё, как надо. Потом спросил: где Андропов? И пошёл вниз.

Наконец, приехали реаниматоры. Вместе с ними в спальню вернулся Чазов и с ним плачущая Виктория Петровна. Похоже, о случившемся ей сказал Андропов. Реаниматоры поинтересовались у Чазова: «Ну что? Делать?» Он согласился: «Делайте». Они поработали минут десять своими приборами для искусственного дыхания, потом сложили их в чемодан и уехали. После них грузное тело Брежнева подняли с пола на кровать. Связали руки. Эпоха закончилась.

Позже Виктория Петровна пеняла охране, что они не сообщили ей сразу. Медведев оправдывается: «Я ей сообщу, а потом приедут врачи, вдруг приведут Леонида Ильича в чувство, а Виктория Петровна уже будет лежать с сердечным приступом». Получается, Медведев допускал, что Брежнев может быть приведён в чувство.

* * *

Чазов утверждает, что 10 ноября, как обычно, к 8 утра приехал на работу. Не успел войти в кабинет, раздался звонок правительственной связи. Это был Собаченков. Он сказал, что Леониду Ильичу срочно нужна реанимация. Именно реанимация, не катафалк. Услышав такую новость о человеке, который совсем недавно намеревался разобраться с ним по поводу здоровья Андропова, Чазов поспешил на место происшествия. На ходу бросив секретарю в приёмной, чтобы следом выслали «скорую». Проскочив под вой сирены Кутузовский и часть Минки, через 12 минут прибыл в Заречье. Получается, что он оказался на месте примерно за 40 минут до того, как Медведев и Собаченков направились будить своего подопечного. Как помним, это произошло без двух минут девять.

Примчавшись на дачу и едва взглянув на Брежнева, Чазов сразу определил, что тот «скончался несколько часов назад». Видимо, поэтому он не стал осматривать Брежнева, чтобы официально констатировать факт его смерти. Вместо этого он дождался «скорую». Она приехала, и врачи принялись за «реанимационные мероприятия», хотя их начальнику Чазову и без того всё было ясно.

Дальше начинается самое интересное. Стоя над трупом Брежнева, Чазов решал две неотложные задачи. Первая: как сообщить о случившемся Виктории Петровне? Выходит, она, даже после прибытия «скорой», всё ещё ни о чём не догадывалась. Ну, это ладно. Вторая головоломка была потруднее: кому, а главное, - как сообщить в руководстве? По телефону опасно. Могут подслушать Федорчук или Щёлоков. Деталь любопытная. Напомню, что Федорчук был в те дни Председателем КГБ, а Щелоков - министром внутренних дел СССР. Они что, состояли в заговоре против Советской власти? И Чазову было об этом известно? Между прочим, и Медведев, и Собаченков как офицеры КГБ были, надо полагать, обязаны доложить о ЧП своему начальству «по

команде». Почему они этого не сделали - вопрос.

Как опытный политический деятель, в сложившейся ситуации Чазов принимает единственно правильное решение: звонить Андропову. Пусть он «как второй человек в партии и государстве» возьмёт в свои руки дальнейший ход событий. В интересах истины замечу, что Андропов тогда не занимал государственных постов, а значит, не был «вторым в государстве».

Впрочем, идём дальше. Поиски Андропова затягиваются. Задерживается где-то по пути на работу. Наконец, находят. Он появляется на даче, взволнованный и растерянный. Почему-то суетится и вдруг просит, «чтобы мы пригласили Черненко». Но тут вмешивается Виктория Петровна, которая всё уже знает и теперь тоже начинает делать политику. Она решительно возражает против приезда Черненко: мужа он ей не вернёт, а без этого «ему нечего делать на даче». Похоже, Андропов и Чазов обязались «мужа вернуть» и поэтому им позволили остаться. По ряду соображений, распространяться о которых здесь нет места, лично я сомневаюсь в том, что подобное заявление со стороны Виктории Петровны действительно имело место. По сути, имя Черненко используется в данном случае в качестве своеобразной подставки, призванной дать интересующимся людям, что называется, ложный след.

Наконец, ударная финальная сцена. Андропов просит своего друга Чазова проводить его в спальню генсека, чтобы попрощаться с покойным. И вот: «Андропов вздрогнул и побледнел, когда увидел мёртвого Брежнева». Чазов полагает, что это была реакция на посетившую Андропова идею: «все мы смертны, какое бы положение ни занимали». Со своей стороны, допускаю, что Андропов был достаточно закалённым человеком, чтобы не вздрагивать в ответ на подобные банальности. Скорее, всё-таки он вздрогнул при мысли, что примерно через час ему предстоит войти в эту спальню ещё раз, чтобы отработать свою роль теперь уже по варианту Медведева.

Таким образом, самые авторитетные свидетели сообщают публике две несовместимые между собой последовательности событий. Согласно Медведеву, порядок прибывавших на дачу был следующим: Андропов - Чазов - «скорая». По утверждению начальника 4-го управления, всё было с точностью до наоборот: Чазов - «скорая» - Андропов. Бесспорно, в нормальных условиях более естественной была бы вторая цепочка. Сначала - врач, за ним все остальные. Но это в нормальных условиях. У нас же, как всегда, первым появляется главный претендент на освободившееся место. За ним - не врач, но свидетель от медицины. Потом, если им позволят, все остальные.

В качестве ещё одного курьёза приведу частное свидетельство Горбачёва. В своём монументальном мемуарном сочинении «Жизнь и реформы», которое по праву можно назвать шедевром политической хлёстаковщины, он упоминает о своей встрече с Андроповым днём 10 ноября: «Ровным голосом он рассказал, что Виктория Петровна - жена Брежнева - попросила срочно сообщить ему о смерти Леонида Ильича и

передать, что его ждут на даче в Заречье. Никого другого видеть она не захотела».

Если теперь сложить все свидетельства, то получается следующая картина: сначала Чазов сообщил Андропову затем Андропов сообщил Виктории Петровне вслед за этим Виктория Петровна попросила уведомить Андропова, настаивая одновременно, чтобы больше никто не приезжал.

А в конце супруга Брежнева выговаривала охране за то, что ей не сказали сразу. Кстати, очень сомнительно и то, что Виктория Петровна могла ставить условия, кому приезжать на дачу, а кому нет. Брежнев не был частным лицом, и его супруга это понимала.

* * *

Из двух главных очевидцев, Медведева и Чазова, правду, по моему мнению, говорит Медведев. В подтверждение можно привести множество аргументов. Но главный в том, что, в отличие от Чазова, Медведев не занимался политикой и никому не подыгрывал. Вообще как автор упомянутой выше книги Медведев производит впечатление человека, способного сохранять верность памяти руководителя, доверием и привязанностью которого пользовался на протяжении полутора десятилетий. В наше время, когда бал правят люди с моралью лавочников и предателей, такое встретишь не часто.

Тогда возникает следующий вопрос: с какой целью искажает правду Чазов? Ответ напрашивается такой: для того, чтобы отвести тень малейших двусмысленностей от имени Андропова, а значит и от себя самого как ближайшего политического союзника будущего генсека в то загадочное утро. Как бы то ни было, но именно Андропов был последним из членов Политбюро, кто видел Брежнева живым, и первым, кто увидел его мёртвым. Между этими двумя встречами лежит тайна, а значит - повод для догадок и предположений.

Чазов настолько поглощён защитой Андропова, что не находит времени ответить на вопросы, которые могут быть обращены к нему самому. А их немало: как могло случиться, что на главной государственной даче СССР в критический момент не оказалось даже захудалого ветеринара, чтобы оказать неотложную помощь лидеру государства? Где была вся медицинская рать начальника 4-го управления, когда ещё тёплого Брежнева безуспешно пытались отходить сотрудники охраны? Почему был ликвидирован действовавший ранее на даче круглосуточный медицинский пункт? И так далее.

В прежние времена на правительственных трассах в Москве нередко можно было видеть кортежи правительственных «членовозов». Любопытствующим гражданам разъясняли, что в одном из автомобилей мчатся врачи-реаниматологи, готовые в любой миг оказать «оберегаемому государственному лицу» медицинскую помощь. Вот, думалось тогда, какая замечательная у нас медицина. Но оказалось, как и во многих других случаях, что это всего лишь фасад, за которым нет ничего, кроме

равнодушия, безответственности, цинизма, чиновного политиканства. Тому, кто не догадывался об этом, смерть Брежнева, безобразная с точки зрения организации любой приличной медицинской помощи, открыла глаза. В большой политике, как в высоких горах, падение одного камня может вызвать всеобщий обвал.

Трудно избавиться от мысли, что проживи тогда Брежнев ещё хотя бы месяц, судьба Советского Союза могла бы быть совсем иной. Может быть, сейчас на бескрайних просторах загубленного Союза не мыкали бы тяжкое горе миллионы бывших советских граждан, обращенные, неведомо за какие грехи, своим собственные государством в бесправных бездомных беженцев, изгоев общества.

Что касается Андропова, то, в свете опубликованных свидетельств, его роль в те ноябрьские дни действительно оставляет место для вопросов. Видимо, данное обстоятельство сказывалось и на взаимоотношениях между членами Политбюро после того, как он занял пост генсека. Во всяком случае, хорошо известно, что за всё время, пока Андропов был Генеральным секретарем, Щербицкий ни разу не переступил порога его служебного кабинета.

* * *

Хоронили Брежнева в понедельник, 15 ноября. Навсегда прощаясь с мужем на Красной площади, Виктория Петровна, склонившись, мелко перекрестила его гроб. Вечером в банкетном зале в Ново-Огарёве устроили что-то вроде поминок по усопшему. Собрались родственники, друзья бывшего лидера, члены Политбюро, секретари ЦК. Кто мог думать тогда, что совсем скоро в этом же самом зале, под председательством Горбачёва, соберутся молодые, жадные до почестей и власти наследники Брежнева, чтобы справить свои последние поминки. На этот раз по Советскому Союзу.

P.S. Когда на страницах «Правды» я впервые опубликовал материал о некоторых неясных обстоятельствах, сопутствовавших смерти Генерального секретаря Черненко и, в частности, упомянул, что в момент кончины Чернёнко упомянутый выше Чазов снова активно занимался политикой, правда, теперь в пользу Горбачёва, - то в ответ на публикацию высокое медицинское начальство сделало в печати заявление, в котором упрекнуло меня за то, что будто бы я пытаюсь возродить «дело врачей».

Хочу сказать, что не имею ни возможностей, ни намерений заводить какие бы то ни было «дела». Вместе с тем придерживаюсь мнения, что если автор издаёт книгу, претендующую на ранг документального свидетельства, то он непременно предполагает за своим будущим читателем право задавать вопросы. Поэтому исключительно на правах любознательного читателя спрашиваю: как же всё-таки умер Брежнев? Ведь прошло много лет, и, может быть, теперь уже позволительно сказать правду?..

Часть 2. Загадки Андропова

Я глубоко убеждён, что тайну смерти Брежнева надо искать в архиве Андропова. До сих пор ещё никто не имел полного доступа к этим бумагам. Между тем, тайн у Андропова было много и личностью он до сих пор остается загадочной.

Свой рассказ о нём я начну, как это ни покажется странным, с похорон Андропова. Итак, 9 февраля 1984 года в Кремлёвской больнице в Москве скончался, не дотянув совсем немного до своего 70-летия, Юрий Владимирович Андропов, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, «выдающийся деятель ленинской партии и Советского государства, пламенный патриот социалистической Родины, неутомимый борец за мир и коммунизм». Слова, что в кавычках, заимствованы мной из Обращения ЦК КПСС, Президиума ВС СССР и Совмина СССР к Коммунистической партии, к советскому народу в связи с кончиной Андропова.

Смерть Андропова повлекла за собой для советского общества далеко идущие негативные последствия. В конечном счёте она явилась одной из главных, если не главной причиной постигшей Россию в облике СССР всего лишь через несколько лет после 9 февраля крупнейшей за всю её историю геополитической катастрофы. Дальше я попытаюсь обосновать это своё утверждение, которое сейчас многие читатели воспримут, наверное, как преувеличение.

Помимо масштаба эпохального, смерть Андропова, в силу сопутствовавших ей некоторых побочных обстоятельств, явилась значительным фактом и моей собственной биографии. Суть в том, что, став генсеком, Андропов перевёл из Томского обкома в Москву Егора Кузьмича Лигачёва, возвысил его до уровня секретаря ЦК по оргпартработе и приблизил к себе. Лигачёв, в свою очередь, пригласил меня на роль одного из своих помощников. Таким образом, пребывание Юрия Владимировича на посту генсека принесло мне заметное и, как тогда думалось, перспективное продвижение по служебной лестнице. Может быть, по этой причине неожиданная кончина Андропова воспринималась мною как серьёзная личная утрата.

Кроме этого в ту пору я считал - как, впрочем, продолжаю считать и сейчас - безусловно правильными действия Андропов на посту Генерального секретаря. Смерть генсека вызывала опасения, что начатый им политический курс не будет продолжен. Словом, в те невесёлые дни я искренне разделял скорбь абсолютного большинства советских граждан по поводу кончины Андропова, тревожно размышляя вместе со всеми над вопросом: «Что же теперь будет?». Но это - только одна сторона моего жизненного опыта той поры.

Вторая, намного более существенная с точки зрения корректировки моего понимания окружающей политичёской реальности, состояла в том, что именно в дни похорон Андропова я впервые столкнулся с фактами, которые не укладывались в сложившуюся до этого в голове привычную и,

как мне тогда казалось, абсолютно бесспорную картину событий. Отсюда в душе с годами стали прорастать побеги многочисленных сомнений и подозрений касательно как личности Юрия Владимировича, так и его подлинной роли в судьбе советских народов.

Первое поразительное откровение выпало на мою долю при прощании с телом покойного генсека в Колонном зале Дома союзов. Для широкой публики доступ к телу открывали 11 февраля с 15 часов. За полчаса до этого прощались работники аппарата ЦК КПСС. Разобравшись перед входом в Дом Союзов по два, мы стали подниматься по лестнице, увитой гирляндами из хвои, в Колонный зал. Вся церемония и внутреннее убранство были всем нам хорошо известны, поскольку чуть более года назад сотрудники аппарата точно так же прощались с телом Брежнева. Та же драпировка красными и чёрными полотнищами стен Колонного зала, выстуженного уличным морозом; так же затянуты чёрным крепом люстры и зеркала; тот же густой тошнотворный похоронный аромат от несметного количества прощальных венков из хвои и живых цветов; та же тихая надрывная музыка симфонического оркестра, расположившегося в левой стороне зала; так же склонены боевые знамёна родов войск в изголовье покойного.

Гроб установлен слева по ходу зрителей на закамуфлированном венками постаменте с наклоном от головы к ногам и ярко освещён электрическим светом, так что лицо покойного хорошо просматривается идущими вместе мимо. У передней стенки постамента сделана специальная подставка, на которой укреплены подушечки с государственными наградами покойного. Их было на удивление немного. Позже я узнал, что у Андропова, как ни удивительно, не было военных наград, хотя в пропаганде он слыл одним из организаторов партизанского движения в Карелии в годы войны. Почему его военные заслуги, если они действительно имели место, правительство не вознаградило - лишь одна из множества других загадок его в целом загадочной биографии...

В одутловатом, водянистом лице покойного Юрия Владимировича меня больно зацепила сочувствием к умершему тень жестокого, неутолённого даже смертью страдания, которая проступала, несмотря ни на что, сквозь косметический грим. Мелькнула мысль, что врачи слишком долго не позволяли душе изнурённого болезнями генсека освободиться от земных уз. Но вслед за этим в мозгу вдруг вспыхнула удивительная догадка, что человек, чьё лицо в круге яркого света лежало сейчас передо мной на гробовой подушке, при жизни, вне всяких сомнений, был евреем. Это показалось мне тогда настолько неправдоподобным, что я невольно замедлил перед гробом шаг, стараясь получше рассмотреть открывшуюся взору картину. И тут же чья-то твердая рука взяла меня под локоть, и аккуратный мужской голос проговорил над ухом: «Не задерживайтесь...».

* * *

Надо сказать, что вживую я видел Андропова только один раз, в декабре 1982 года на Торжественном заседании в Кремле по случаю 60-

летия образования СССР. Однако лицо Юрия Владимировича, стоявшего за трибуной, из глубины зала было не разглядеть в деталях, да у меня и не было причин стараться его разглядывать. Никаких вопросов по поводу национальности преемника Брежнева тогда у меня просто-напросто не возникало. Собственно, и в Колонном зале при прощании поразила не сама возможность того, что умерший генсек и глава Советского государства мог быть евреем. Почему бы и нет? Советские законы не запрещали гражданам СССР любой национальности занимать любые руководящие посты в партии и органах государственной власти. Однако поразило то, что за все 15 лет, когда Андропов возглавлял КГБ СССР, а затем 15 месяцев, когда он был генсеком ЦК партии, я ни разу, нигде, ни при каких обстоятельствах, ни в каких социальных средах не слышал никаких комментариев, домыслов, анекдотов, сплетен по поводу национальной принадлежности человека, длительный срок находившегося на столь мощно обрабатываемых антисоветской пропагандой постах в системе высшей власти в СССР.

Позже, размышляя над этим феноменом, частично объяснил его самому себе изначальным отсутствием со своей стороны какого-либо интереса ко всякого рода национальным дрязгам и пересудам. Судьба сложилась так, что учился я в русской провинции, работал на рудниках на Украине, потом снова учился в Московском университете. Всегда вокруг были представители самых разных национальностей. Однако за время вплоть до окончания МГУ не могу вспомнить ни одного национального конфликта между окружавшими меня людьми. Может быть, по этой причине тема национальностей никогда не пробуждала во мне интереса.

Когда в 1981 году я пришёл на работу в ЦК, то увидел, что и здесь среди работников аппарата так же не принято педалировать тему национальных различий. Но зато из внешнего мира, из-за стен ЦК по разным информационным каналам до аппаратных служб доходило в то смутное время перемены власти чудовищное количество самых невероятных сплетен, слухов, анекдотов, фальшивок, имеющих своей целью дискредитацию высшего руководства партии по признакам физического здоровья и национальной принадлежности.

Скрыться от этого не было никакой возможности. Особенно доставалось Брежневу. Его супруга Виктория Петровна была ославлена этими потоками информационного мусора как «стопроцентная жидовка», которая манипулирует своим «впавшим в маразм» супругом в интересах мирового еврейства. Фамилия «Суслов» разоблачалась как псевдоним еврея и русофоба. Еврейские корни обнаруживались в родословных Щербицкого и Черненко. Само собой были заклеймены как тайные евреи Гришин, Кириленко и Устинов…

Невероятно и удивительно, но только Андропову чудесным образом удавалось избежать анонимных обвинений со стороны доходившей до аппаратных коридоров «народной молвы» в тайной принадлежности к еврейской расе. Ну, может быть, не были ославлены «евреями» ещё только казахстанский лидер Кунаев и свежеиспеченный член Политбюро

сельхозник Горбачёв.

Вот, собственно, почему, возникшее у меня в Колонном зале подозрение, что на самом деле единственным реальным евреем в составе тогдашнего Политбюро был именно Андропов, так сильно озадачило и ввергло в соблазн многочисленных сомнений. Но это оказалось не единственным открытием.

* * *

В Москву для прощания с телом Юрия Владимировича, а затем и участия в его похоронах, съехались со всех концов света великое множество высоких делегаций. Были, естественно, представлены едва ли не все существующие в мире коммунистические, рабочие и другие левые партии и движения. Но прибыли и правительственные делегации западных капстран, причём большинство первым составом. Вчерашние враги и шумные критики дружно простили Андропову и то, что он 15 лет возглавлял ненавистный Западу КГБ; и то, что, будучи в 1983 году лидером СССР, он вёл чрезвычайно острую полемику с США по проблемам ядерного разоружения, что, впрочем, не помешало Штатам разместить в Западной Европе свои «першинги»; простили и то, что при Андропове советские ПВО сбили южнокорейский авиалайнер, вторгшийся в закрытое воздушное пространство СССР.

Это было, в общем-то, удивительно хотя бы потому, что в те дни в памяти ещё не стёрся грубый инцидент, имевший место в 1975 году во время визита в Англию делегации советских профсоюзов во главе с председателем ВЦСПС Шелепиным. В 1958-1961 гг. Шелепин работал председателем КГБ. Несмотря на то, что с той поры и до момента визита прошло без малого полтора десятка лет, в Англии были инициированы шумные протесты против приезда в страну «ищейки КГБ и душителя свободы». Получился большой скандал, положивший конец политической карьере Шелепина.

И вот теперь не кто иной, как сама английский премьер Маргарет Тэтчер прибыла в Москву, чтобы лично воздать дань уважения и присутствовать на похоронах человека, который прослужил в роли председателя КГБ в пять раз дольше Шелепина. Разве не удивительно?..

В это же время на разворотах центральных газет публиковались послания от зарубежных и советских органов и организаций с выражениями скорби по поводу кончины Андропова. Естественно, появилось и заявление «От Комитета государственной безопасности СССР». В нём недавние коллеги и подчинённые Юрия Владимировича сообщали, что связывают с его именем «творческое развитие ленинских принципов в деятельности органов и войск КГБ», и что под его руководством «была разработана и успешно осуществляется научно обоснованная, выверенная жизнью программа деятельности по обеспечению государственной безопасности страны в условиях развитого социализма».

Заканчивалось послание следующими торжественными словами:

«Глубоко скорбя по поводу тяжёлой утраты, мы заверяем Центральный Комитет родной Коммунистической партии, Советское правительство в том, что коммунисты, весь личный состав органов и войск КГБ будут и впредь верным боевым отрядом партии, сделают всё для того, чтобы надёжно обеспечить государственную безопасность нашей великой Отчизны». Красиво! Сейчас так писать, увы, уже не умеют.

Легко представить себе, с каким большим внутренним волнением и вместе с тем с одобрением читали эти скорбные и одновременно полные мужества слова своего московского начальства сотрудники всех штатных и нештатных ячеек КГБ, разбросанных, словно пчелиные соты, по всей территории СССР, а также на территориях зарубежных государств.

Несомненно, вчитывались в них и сотрудники Ленинградского УКГБ, в одном из отделов которого скромно занимался «нудной бюрократической работой» майор Путин. Ей-ей, не думал он и не гадал, что именно ему в недалёком будущем выпадет карма добить во имя интересов капитала и опять же для блага «великой Отчизны» истерзанные в предыдущих политических склоках последние упрямые отряды «родной Коммунистической партии», чей былой организационный и политический монолит источили в труху, на глазах и не без участия КГБ, а затем распылили на бескрайних постсоветских пространствах крысы предательства.

* * *

В понедельник 13 февраля (мрачное совпадение!) Пленум ЦК КПСС, заседавший в Свердловском зале Кремля, назвал имя нового Генерального секретаря. Им стал Константин Устинович Черненко, 1911 года рождения.

Известие об этом имело шокирующий эффект как для аппарата ЦК, так и для всей партии. Как, впрочем, и для страны в целом. Сам по себе Черненко был достойным человеком, безупречным в нравственном отношении. Однако в силу ряда причин он не пользовался авторитетом ни в партии, ни в обществе. За ним не было никакого потенциала, который позволял бы ему претендовать на столь высокий пост - ни административного, ни политического, ни силового. И вдобавок он был крайне слаб физически, что хорошо просматривалось по телевизору.

Демонстрационная часть избрания Черненко генсеком была срежиссирована умными людьми так, что от имени Политбюро его кандидатуру предложил Пленуму 79-летний предсовмина Тихонов, слывший ещё одним «верным брежневцем». Явление двух этих слабых старых людей на политической вершине страны, и без того измученной многолетним зрелищем брежневского увядания, произвело гнетущее впечатление. Как будто бы сам Брежнев вдруг встал из могилы, отряхнул с пиджака землю со снегом и пошёл на своё прежнее рабочее место.

В обществе возникло состояние, похожее на то, которое психологи обозначают словом «фрустрация»: в душе крушение всех надежд, тревога, подавленность, и вместе с тем весёлая отчаянная злоба - дать бы

кому-нибудь в морду, а там будь что будет. По моим впечатлениям, именно в такое состояние привело общество избрание Черненко генсеком. Врезать хотелось и самому новому генсеку, и Пленуму, да и всей 18-миллионной на тот момент КПСС, не способной родить из себя нормального лидера. В общем и целом ущерб авторитету партии в глазах народа был нанесён невосполнимый.

Лишь немногие люди в руководстве партии и, конечно же, в КГБ знали подлинный смысл произошедшего. Знали, что Черненко слаб не от возраста, а по причине тяжелейшего отравления, чудом пережитого им за полгода до смерти Андропова. Знали, что идея назначить Черненко своей марионеткой на посту генсека пришла в голову министру обороны СССР маршалу Устинову, и была реализована им при поддержке первого заместителя предсовмина СССР, министра иностранных дел СССР Громыко.

Знали, что безвольное решение Пленума ЦК означало в сути своей согласие на сосредоточение всех основных рычагов политической и государственной власти в СССР в руках маршала Устинова, который как член Политбюро контролировал наряду с Вооружёнными Силами СССР также и отрасли ВПК. То есть был военным «суперминистром», продвинутым в своё время на министерский пост Андроповым. С февраля и до момента смерти в декабре 1984 г. маршал Устинов был в СССР одновременно и ЦК, и Совмин, хотя официальная политическая пропаганда продолжала жонглировать словами о «руководящей и вдохновляющей роли КПСС».

Но, конечно, в дни похорон Андропова только особо посвящённые знали или догадывались об этих раскладах. Остальная масса, включая и меня самого, в душе изливала негодование на бедного Черненко.

* * *

...В человеческом сообществе, наверное, трудно придумать ситуацию, в которой было бы так же мало подлинно человеческих чувств, как мало присутствует их на всякого рода государственных похоронах. На тех похоронах лидеров брежневской эпохи, которые мне довелось наблюдать собственными глазами, таких чувств, по-моему, не было вообще.

Лишённым малейших признаков таинства и трагизма был сам ритуал похорон. Открытый гроб с телом покойного устанавливали перед входом в ленинский Мавзолей, ногами в сторону Кремля, а головой к армейским коробкам, выстроенным под знамёнами родов войск вдоль стен ГУМа. В изголовье гроба, пред ликом отчужденно взирающего на них со всех сторон великого Государства, смущённо жмутся несколько ближайших родственников умершего. И вот большие начальники, в надвинутых глубоко на уши меховых шапках, медленно появляются на трибуне Мавзолея; кремлёвские куранты бьют двенадцать, и вслед за этим начальники принимаются бросать в гроб сверху вниз свои тусклые, словно свинцовые чушки, слова. Именно так всё и происходило 14 февраля 1984 года, на похоронах Андропова.

День тогда выдался солнечным, почти весенним, с лёгким свежим морозцем. Небо было чистым, синим. Мне по пропуску досталось место на левой гостевой трибуне, тесно заполненной иностранными гостями, представителями московских коллективов и организаций, работниками аппаратов ЦК и столичных парткомов, военными. Рядом со мной стоял, зябко втянув голову в плечи и подняв воротник тёплой куртки, мой коллега из Отдела науки ЦК. В структуре отдела имелся сектор, который занимался партийными организациями учреждений здравоохранения. Он так и назывался - сектор здравоохранения. Мой сосед на трибуне был давним работником этого сектора и по долгу службы неплохо разбирался в закулисной жизни советских медицинских кругов. Мы с ним вполголоса обменивались комментариями по поводу разворачивавшегося перед нашими взорами похоронного действа. Честно сказать, для меня явилось тогда сюрпризом, что, судя по его отдельным сдержанным репликам и мимолётным гримасам лица, он, в отличие от меня, явно не был поклонником политических талантов Андропова.

Между тем с трибуны Мавзолея слабым голосом, задыхаясь и всхлипывая, перечислял высокие достоинства «безвременно ушедшего от нас» новый генсек Черненко. Много лет, ещё с войны, он страдал эмфиземой лёгких, вдобавок был заядлым курильщиком. Поэтому лёгкие были самым слабым местом его сибирского организма. Не помню точно, то ли в своей речи на митинге, то ли накануне, выступая на Пленуме, Черненко обронил об Андропове фразу: «Нам всем будет его не хватать». Увы, он и не предполагал, сколь непродолжительными окажутся его страдания, вызванные «нехваткой Андропова». Осенью того же 1984 года служба личной охраны и кремлёвские врачи вынудят Черненко отправиться в очередной отпуск в сырой холодный воздух горного санатория в Кисловодске. Там он окончательно сляжет. Через десять дней после ухода в отпуск врачи в экстренном порядке вывезут его обратно в Москву, но уже на носилках. Спустя несколько месяцев больничных мук, 13 марта 1985 года мёртвое тело бедного генсека Черненко уложат в промёрзшую землю рядом с тем, кого, как он надеялся, ему ещё долго будет не хватать.

...Следом за Черненко заговорил низким голосом с чуть заметным белорусским акцентом корифей советской дипломатии, ставший при Андропове ещё и первым заместителем предсовмина СССР Громыко: «Жизненный путь Юрия Владимировича - яркий образец беззаветной преданности великому делу коммунизма. Он был верным сыном своего народа...». В марте 1985 года, предварительно проводив в последний путь маршала Устинова, а вслед за ним и генсека Черненко, 76-летний Громыко по своему реальному политическому весу на момент окажется «номером 1» в составе Политбюро. Он использует этот шанс, чтобы выторговать себе пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР ценой продвижения в новые генсеки партийного прожектёра и звонаря Горбачёва.

Сделка состоится, в чём Громыко будет горько каяться и за что будет казнить сам себя до своего последнего часа. «Это какой-то звонок, а не

мужчина, к тому же злопамятный»,- скажет он о своём выдвиженце. Оплёванным и униженным горбачёвской кодлой умрёт 2 июля 1989 года. Андрей Андреевич Громыко, последний мининдел СССР высокой сталинской пробы, с великим трудом, почти уже из небытия, прошептав склонившемуся к его изголовью сыну прощальных два слова: «осторожнее... хорошо?».

* * *

После Громыко к микрофонам подошёл Малин, Герой Социалистического Труда, кузнец-штамповщик Московского автозавода им. И.А. Лихачёва. Громко, не сбиваясь, он рассказал, что «вся жизнь Юрия Владимировича Андропова служит примером классового, подлинно ленинского подхода к решению важнейших общественных проблем».

Затем над площадью забубнил старческий с хрипотцой голос 74-летнего маршала Устинова. С моего места не было видно, какую позицию он занимает на трибуне Мавзолея. Однако завтра на газетных снимках с похорон он располагался рядом по правую руку от Чернёнко, ясно обозначив тем самым свою роль главной опоры нового генсека. «Советские Вооружённые Силы, - бубнил Устинов, - склоняют свои, овеянные героической славой, боевые знамёна пред гробом Юрия Владимировича Андропова - видного сына Коммунистической партии, пламенного советского патриота и интернационалиста, нашего боевого друга и товарища».

Недолго, совсем недолго оставалось многомудрому маршалу Устинову держать в своих руках овеянные героической славой знамёна. Самым первым из всех, кто взирал 14 февраля с трибуны Мавзолея вниз на покойного Андропова, отправится маршал в гробу вслед за своим «боевым другом и товарищем».

В декабре 1984 года, вскоре после проведения маневров вооружённых сил стран-участниц Варшавского Договора, смерть таинственным образом настигнет сразу четырёх министров обороны. В считанные дни между 2 и 20 декабря скончаются: министр национальной обороны ГДР, генерал армии Гофман; министр обороны ВНР, генерал армии Олах; министр национальной обороны ЧССР, генерал армии Дзур; и последним 20 декабря - министр обороны СССР, маршал Советского Союза Устинов.

Смерть маршала будет столь неожиданной и трудно объяснимой, что в своих воспоминаниях даже такой искусный составитель медицинских заключений о болезни и причинах смерти большой группы высших советских руководителей, как начальник Четвёртого главка при Минздраве СССР дважды академик Чазов, вынужден будет развести бессильно руками: «смерть Устинова была в определённой степени нелепой и оставила много вопросов в отношении причин и характера заболевания». Общественность эти вопросы не озаботят.

...Когда Устинов завершил чтение своей речи, над Красной площадью как бы пролетел едва ощутимый ветёрок всеобщего расслабления. Словно

бы кто-то незримый скомандовал, едва шевельнув губами, но тем не менее понятно для всякого и каждого: «Вольно!». Стало ясно, что митинг перевалил за высшую точку, и дальше церемония пойдёт резвее. Зрители задвигались, оживились. Лёгкая рябь осторожной телесной разминки пробежала по воинским шеренгам у стен ГУМа.

Нетерпеливо вполуха прослушали сообщение первого секретаря Правления Союза писателей СССР Маркова о том, что «уму и таланту Юрия Владимировича были подвластны глубинное проникновение в суть сложнейших процессов современности, их подлинно научный анализ». Последним, торопливо, чтобы не задерживать публику, выступил с информацией о глубокой скорби своих земляков лидер карельских коммунистов Сенькин.

На этом словесная часть церемонии закончилась, и люди с главной трибуны потекли тёмной чередой вниз, к гробу. Там возникла некоторая сутолока, появилось много военных. Что они делали, с нашего места было не разглядеть. Кремлёвские куранты ударили час дня, грохнул залп ружейного и тут же, издали, орудийного прощального салюта. Стало быть, гроб опустили в могилу.

Военный оркестр заиграл Гимн Советского Союза. В это же время по всей стране остановили на пять минут свою работу все предприятия и организации, за исключением предприятий непрерывного производства. На три минуты прощально загудели гудки на фабриках, заводах, на судах морского и речного флота. И вот Гимн стих. В минутную паузу тишины раздались красивые, полные жизни и силы звуки военной команды. Снова грянул оркестр, но теперь уже маршем, и под развернутыми боевыми знамёнами, бодро, с хорошим настроением пошли перед Мавзолеем застоявшиеся на морозце, ладно сбитые воинские коробки.

Прости, видный сын Коммунистической партии Юрий Владимирович, и прощай навсегда...

* * *

На работу в ЦК мы с коллегой из сектора здравоохранения возвращались с Красной площади вместе. Хорошая погода, пережитые впечатления располагали к неспешной прогулке и философским размышлениям. Под настроение я принялся рассуждать о том, что смерть Андропова явилась для основной массы населения страны в общем-то неожиданностью. Конечно, в последнее время генсек не появлялся на людях, было ясно, что он болен, но всё-таки мало кто думал, что его болезнь смертельна. Странно. Взять того же Брежнева. О том, что он не жилец, вся Москва принялась судачить лет за пять до того, как он и в самом деле умер. Ходила острота, будто он рулит страной, не приходя в сознание. А с Андроповым вышло не так: всё как бы ничего, и вдруг - на тебе.

- Чепуха всё это, - возразил мне мой спутник. - Если уж кто и пробовал рулить без сознания, так это как раз Юрий Владимирович. Он уже с конца 60-х почти официально числился инвалидом. Брежнев по части здоровья в

ту пору был орёл. Между прочим, слышал от врачей, за день до смерти Брежнев у себя в Завидове выезжал на охоту. Вот так! Охотился, а не лежал мокрой тряпкой в ЦКБ, как Андропов. Неожиданно умер, на самом деле, Брежнев. По крайней мере, для медиков. А с Андроповым было давно всё ясно.

- Про охоту враньё, - возразил я, - все знают, что Брежнев последнее время был совсем плохой.

- Плохой не плохой, но на охоту выезжал. Факт. Ну, наверное, не бегал с карабином за зайцами, однако же... И на Торжественном был на Октябрьскую. Ты же сам видел.

Действительно, последний раз я видел Брежнева вживую за несколько дней до его смерти, 5 ноября 1982 года на Торжественном заседании в Кремлёвском Дворце съездов по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Тогда он мне показался человеком грузным, по-стариковски медлительным, сильно уставшим от власти и жизни. Но далеко не такой развалиной, какой его рисовала народная молва. Вообще, на крупных мероприятиях в аппарате ЦК мне доводилось наблюдать и некоторых других секретарей ЦК, о физическом состоянии которых по Москве бродили в изобилии самые невероятные истории: Кириленко, Суслова, Черненко... На самом деле, они выглядели людьми, хотя и немолодыми, но в общем-то адекватными их положению и роли в обществе.

- Тогда откуда же все эти слухи, будто Брежнев выжил из ума, и в ответ на стук в дверь читает по бумажке: «Кто там?»; будто Кириленко без помощи охранника не может слезть с унитаза; будто Суслов от старости забывает перед сном снять галоши. Откуда всё это? - загадал я своему спутнику загадку.

- Это не слухи,- ответил он,- это пропаганда. И это нормально. В политике все друг друга мажут. По-настоящему здесь интересно только одно: почему мажут всех, кроме Андропова? Ведь по здоровью он всегда был самым больным в ПБ.

Пару минут мы шли молча, потом мой опытный в аппаратной жизни товарищ подрессорил свои слова: «Впрочем, это не наш с тобой вопрос, давай сменим тему».

Вот так я получил ещё один повод для размышлений о загадочном характере личности Андропова. Выходило, что хотя по роду службы я был достаточно близок к руководящим верхам КПСС, мои представления о ключевых фигурах этих верхов не соответствовали действительности. Похоже, где-то рядом существовали силы, которые активно формировали для широкой публики образы советских лидеров в нужном для этих сил ключе. И делали это весьма успешно. Если уж достали меня, во всяком случае, не самого несведущего по части партийных секретов человека, то что же говорить о простодушных гражданах, живущих вдали от коридоров Старой площади.

Вернувшись в свой рабочий кабинет, я раскрыл лежавшую на столе

папку с утренней порцией служебной информации. Сверху попался на глаза листок с записью выступления на зарубежном радио писателя Андрея Битова. Беглый «инженер человеческих душ» излагал свои или, может быть, чьи-то ещё мысли о положении в СССР.

Следующей шла информация ТАСС о передаче «Голоса Америки», посвящённой Андропову. Кто-то, кто просматривал текст до меня, жирно отчеркнул красным фломастером фразу зарубежного комментатора об Андропове как о «наиболее умном и культурном советском лидере со времён Ленина». «Ну надо же, - подумалось,- как быстро разобрались. Всего-то и поработал человек несколько месяцев, а уже стоит рядом с Лениным».

Много воды утекло с тех пор, много чего было опубликовано в печати и выяснилось из разговоров со знающими людьми, отчего моё отношение к былому кумиру изменилось с точностью до наоборот. Если раньше Андропов представлялся мне политическим деятелем наивысших достоинств, которому лишь злой рок помешал принести великую пользу на службе советскому народу, то теперь считаю его главным, хотя, может быть, и невольным виновником постигшей Советский Союз исторической катастрофы. Все это прояснило для меня время. Однако хорошо помню, что впервые был ввергнут в сомнения относительно привычного понимания Андропова как политика именно в дни его государственных похорон.

* * *

В нынешней антикоммунистической России Андропов имеет хорошую прессу. Причём в большинстве случаев комплиментарную. О нём пишут лестные книжки и статьи, его расхваливают на интернетовских сайтах и по телевизору, объявляют духовным и политическим предшественником Владимира Путина.

В общем, это удивительно, поскольку сегодня в России бал вроде бы правят идейные и политические антагонисты Юрия Владимировича. Скажем, при жизни он слыл истовым коммунистом, то есть убеждённым противником частной собственности как главного источника всех зол, существующих в отношениях между людьми. Однако сегодня в России интересы частного собственника, разбогатевшего на грабеже национальных богатств СССР, поставлены во главу угла, а уровень эксплуатации бывших советских трудящихся в разы превосходит уровень эксплуатации, существующий в европейских капстранах.

Далее, полтора десятилетия Андропов возглавлял службу Государственной безопасности СССР. Между тем, сегодня в России власть и богатства принадлежат людям, так или иначе содействовавшим уничтожению СССР, хищническому, то есть без учёта интересов народа, разделу территории страны, и повторному, после 1917 года, экономическому закабалению основной массы его населения.

Или ещё. На посту председателя КГБ Андропов шумно, хотя и малоэффективно, боролся с так называемым «диссидентским движением

в СССР», обвиняя его немногочисленных участников в том, что они находятся на содержании западных спецслужб. Сегодня бывшие «диссиденты», живые и преуспевающие, издают книжки, в которых, не стыдясь, откровенно льстят политическим талантам и деяниям своего былого гонителя. Среди творений подобного рода претендует на роль серьёзного исторического исследования книга Роя Медведева «Неизвестный Андропов», изданная московским издательством «Права человека». Явно, а чаще неявно, она используется российской пропагандой как основной теоретический источник современной политической апологетики Андропова. Поэтому в дальнейшем я приведу при случае несколько примеров, когда Рой Медведев откровенно манипулирует фактами в интересах освобождения Андропова от исторической ответственности за некоторые из его действий в большой политике.

Вообще в политической биографии Андропова есть несколько вопросов или тем, вокруг которых нынешними почитателями Юрия Владимировича сознательно создаётся особо густая путаница всевозможных теорий, догадок, объяснений, предположений, или напротив - возводится непробиваемая стена умолчаний. Так что до истины, кажется, никогда и не добраться.

Во-первых, это, конечно, родословная Андропова. Во-вторых, его образование. Здесь фишка в том, что «наиболее умный и культурный советский лидер» не имел сколь-нибудь серьёзного образования. В-третьих, никак не комментируются и даже целенаправленно окутываются плотной пеленой умолчаний отнюдь не беспочвенные подозрения, что Андропов использовал оперативные возможности КГБ СССР в интересах личной политической карьеры. В том числе - для политической дискредитации либо физического устранения ряда высших партийных и государственных руководителей СССР.

Это, в частности: политическая дискредитация члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя ВЦСПС СССР Шелепина (1975 год), а также члена ПБ, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Романова (1976 год); смерть при сомнительных обстоятельствах члена ПБ ЦК КПСС, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Гречко (апрель 1976 года); труднообъяснимый несчастный случай с членом ПБ, Председателем Совмина СССР Косыгиным, необратимо подорвавший его здоровье (август 1976 года); смерть при сомнительных обстоятельствах члена ПБ, Секретаря ЦК КПСС Кулакова (июль 1978 года); трагическая гибель в обстоятельствах неправдоподобной халатности со стороны служб КГБ кандидата в члены ПБ, Первого секретаря ЦК КП Белоруссии Машерова (октябрь 1980 года); смерть в ходе плановой диспансеризации члена ПБ, Секретаря ЦК КПСС Суслова (январь 1982 года); смерть при сомнительных обстоятельствах в ночь после утренней личной встречи с Андроповым Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева (ноябрь 1982 года); тяжёлое отравление при невыясненных обстоятельствах члена ПБ, второго Секретаря ЦК КПСС Черненко.

Симптоматично и, с точки зрения серьёзной истории крушения СССР, требует правдоподобных объяснений то обстоятельство, что все перечисленные выше случаи, факты и происшествия неизменно имели своим результатом качественное усиление личных политических позиций Андропова.

В-четвёртых, заступниками и апологетами Юрия Владимировича всячески затушёвывается его как Председателя КГБ и самого влиятельного на тот момент из всех членов ПБ решающая роль во втягивании Советского Союза в военные действия в Афганистане в нестабильных условиях процесса смены власти в СССР.

В-пятых, сочиняются самые невероятные истории о якобы бившей ключом до последних мгновений жизни кипучей энергии Андропова. Тем самым пытаются завуалировать, скрыть от суда истории тот бесспорный факт, что, будучи смертельно больным человеком, Андропов, тем не менее, на протяжении многих лет всячески домогался высшей политической власти в СССР, и что в ноябре 1982 года, опираясь на силовые возможности КГБ и советской военной бюрократии, он фактически узурпировал эту власть, будучи чисто физически не в состоянии удержать её в своих руках.

Есть, конечно, немало и других вопросов, над которыми имеет смысл хорошенько поразмышлять каждому, кто лелеет надежду неконъюнктурно определиться в своём отношении к личности Юрия Владимировича и его действительной роли в судьбе СССР.

* * *

В качестве иллюстрации того, о чём говорилось выше, и одной из загадок, связанной с именем Андропова, хочу подробнее остановиться на таинственных обстоятельствах смерти первого секретаря ЦК КП Белоруссии Машерова. Об этом пишет, в частности, историк Д. Веселовский, чья статья попалась мне на глаза в Интернете. К сожалению, у меня не сохранились точные ссылки на неё, но текст я привожу в точности:

«4 октября 1980 года в 14 часов 35 минут от здания ЦК Компартии Белоруссии в Минске отъехала автомашина «Чайка». На переднем сиденье, рядом с водителем, находился Машеров, на сиденье сзади - офицер охраны. Впереди и следом за «Чайкой» пристроились две «Волги» - машины сопровождения. Пётр Миронович, как обычно, отправился в ближайшие колхозы, чтобы самому оценить состояние озимых всходов. Однако на этот раз сделать это суждено не было…

Через 29 минут на Московском шоссе произошло дорожно-транспортное происшествие: в мчавшуюся на большой скорости «Чайку» врезался грузовик, внезапно выскочивший на встречную полосу. Так трагически оборвалась жизнь Машерова, кандидата в члены Политбюро ЦК партии, руководителя белорусских коммунистов. За всю историю Советского Союза не было случая, когда в подобных обстоятельствах погибал руководитель столь высокого ранга. Проведённое на самом

высоком уровне расследование сделало заключение: гибель Машерова - результат несчастного случая. Виновным был признан, а затем и осуждён водитель грузовика.

Петру Мироновичу Машерову было 62 года. В минувшую войну он командовал партизанским отрядом, умело нанося удары по фашистам и вовремя уводя товарищей от преследования карателей. Машеров 15 лет руководил делами в Белоруссии, возглавляя коммунистов республики. При нём Белоруссия по всем показателям шла впереди остальных советских республик. Жители республики любили Петра Мироновича, потом они говорили, что лучшее время их жизни прошло при нём. Трагическая гибель Машерова была воспринята в республике как большое горе.

Сочувствуя белорусам, многие долгое время все же считали гибель Машерова, если можно так выразиться, трагедией не союзного, а все же республиканского масштаба. Однако позже, в свете дальнейших событий - разрушения Советского Союза и реставрации в стране капитализма, - уход Машерова с политической арены предстал в ином ракурсе. Дело в том, что Машеров должён был со дня на день выехать в Москву, где на предстоящем пленуме ЦК партии должен был рассматриваться вопрос о назначении его на пост главы советского правительства. Многие стали задаваться вопросом: а что было бы со страной, если бы в её высшем руководстве появился такой человек, как Машеров? Многих не оставлял вопрос: гибель Машерова - это несчастный случай или политическое убийство?

Те, кто занимался собственным расследованием, разделились на два лагеря: одни в конце концов соглашались с официальной версией, другие же считали, что гибель Машерова специально подстроена и за ней кто-то стоит в Москве: то ли Брежнев, то ли Андропов. Сторонником последней версии является, в частности, Валерий Легостаев, помощник члена Политбюро ЦК КПСС Е. Лигачёва.

Есть и другие «расследователи», которые стремятся развеять подозрения в отношении Андропова. На центральном телевидении прошла передача «Следствие вели...» с Леонидом Каневским, в которой была предпринята такая попытка. В передаче, в частности, утверждалось, что Машерова в Москву якобы пригласил Андропов. Это не соответствует действительности. Брежнев завёл разговор с Машеровым о переходе на работу в Москву ещё летом 1980 года, во время Олимпийских игр. Говорят, что глава советского правительства Косыгин высоко отзывался о деловых качествах Машерова и поддерживал перевод Машерова на работу в Москву.

В указанной телепередаче также утверждалось, что «Андропов, придя к власти, собирался вызвать Машерова в Москву». Подобное утверждение звучит, по меньшей мере, странно: Андропов «пришёл к власти», т.е. стал генсеком партии, лишь через два года после гибели Машерова. Авторы передачи делают вывод: смерть Машерова - несчастный случай, и Андропов к ней не имеет отношения.

Утех, кто считает Андропова причастным к гибели Машерова, есть немало довольно убедительных аргументов, не хватает только одного: доказать, что случившаяся автокатастрофа была действительно подстроена по указанию Андропова. Мы попытаемся устранить этот пробел...

Когда расследуется загадочное убийство, прежде всего ищут ответ на вопрос: кому это выгодно? Попробуем и мы ответить на этот вопрос.

Машеров переезжает в Москву и возглавляет правительство. Со временем в связи с преклонным возрастом и болезнями Брежнева встанет вопрос об избрании нового генсека партии. Первым и несомненным кандидатом на этот пост стал бы Машеров. Амбиции Брежнева были бы удовлетворены появлением нового поста в партийной структуре - председателя КПСС. В этом случае путь к вершине партийной власти для Андропова был бы закрыт наглухо. Перед Андроповым, рвущимся к власти, встал бы гамлетовский вопрос: быть или не быть? И он решает, возможно, и не только он: быть! Но для этого необходимо избавиться от конкурента. Дискредитировать Машерова невозможно, его репутация безупречна. Остаётся единственный способ - устранить Машерова физически. Тем более что у всесильного шефа КГБ есть необъятная власть, надёжные люди и необходимые средства. О подобных намерениях свидетельствуют и следующие события:

1. За две недели до гибели Машерова заменяется руководство КГБ в Минске.

2. Руководитель личной охраны Машерова, который 13 лет успешно обеспечивал безопасность Машерова, переводится на другую работу.

3. Мощный машеровский автомобиль «ЗИЛ», который мог выдержать столкновение с любым транспортным средством, в те дни отправили в ремонт.

4. О выезде Машерова в область не сообщили в службу ГАИ и, в нарушение существующего правила, милицейские посты на трассе не были выставлены.

5. Головная машина сопровождения была обычной белой «Волгой», т.е. не в милицейском оформлении, не была оборудована проблесковыми маячками и звуковой сиреной оповещения.

Эти явно преднамеренные нарушения установленных правил безопасности свидетельствуют о том, что создавались условия, при которых дорожно-транспортное происшествие становилось более вероятным.

А теперь рассмотрим, что непосредственно привело к автокатастрофе и гибели Машерова.

1. «Чайка» Машерова в сопровождении двух машин «Волга» на большой скорости движется по Московскому шоссе в сторону области. Интервал между ними 60-70 метров.

2. Навстречу кортежу один за другим следуют два грузовика. Обозначим впереди идущую машину грузовик №1, а следующую за ней - грузовик №2.

3. Кортеж Машерова и грузовики приближаются друг к другу. Внезапно головная «Волга» сопровождения выезжает на встречную полосу, а затем быстро возвращается во главу кортежа.

4. Грузовик №1 резко тормозит. Водитель грузовика №2, пытаясь избежать столкновения, тормозит и резко крутит руль влево и оказывается на встречной полосе. Мгновение - и раздаётся страшный грохот: «Чайка» Машерова врезается в грузовик. Все, кто был в «Чайке», погибают. Водитель грузовика чудом остаётся жив.

В ходе допроса водителю грузовика был задан вопрос, почему он выехал на встречную полосу? Водитель объяснил: пытаясь избежать столкновения с грузовиком, он не повернул вправо, так как там были деревья, и он боялся разбить машину. Шофёр повернул влево, т.к. полагал, что встречная полоса свободна. Он также заявил, что не видел никакой «Волги» с сигнальными огнями и не слышал звука сигнальной сирены.

Дотошный читатель, прочитав вышеизложенное, может возразить: да, несомненно, всё, что вы здесь рассказываете, довольно интересно и даёт пищу для размышления. Но откуда следует, что эта трагическая автокатастрофа - действительно результат спланированного убийства?

Сказанному трудно возразить. Действительно, в этой цепи доказательств недостаёт последнего, завершающего звена. Найдём ли мы его когда-нибудь? Но дело в том, что искать его не надо, оно уже найдено. Возможно, кто-то обнаружил его, но не придал ему значения, возможно, другие поняли его значение, но предпочитают по каким-то причинам не распространяться о нём.

Возьмём книгу Н. Зеньковича «Покушения и инсценировки от Ленина до Ельцина» (Москва, 2004) и откроем на 420-й странице. Здесь приводится часть протокола допроса водителя грузовика №2 Пустовита. Следователь спрашивает: «Почему вы сели на хвост впереди шедшему грузовику?». Пустовит отвечает: «Перед этим я обогнал кран, который потом растаскивал наши машины. Я вообще никогда никому на хвост не садился (а теперь - внимание!), но этот ехал больно странно - то 60, то 80. Никак не мог его обогнать...».

Итак, что же мы узнали? А узнали мы то, что водитель грузовика №1 вёл себя как-то странно. Он не позволял грузовику №2 обогнать себя, но держал его как бы на привязи и ждал только сигнала, чтобы резко затормозить и вынудить его выскочить на встречную полосу. Другим соучастником преступления был водитель белой «Волги» сопровождения. Его задача как раз и заключалась в том, чтобы сообщить водителю грузовика №1 о приближении «Чайки» Машерова. Таким сигналом и стал выезд белой «Волги» на встречную полосу, а затем возвращение во главу кортежа. И ещё одна деталь: почему белая «Волга» не была оснащена

световой и звуковой сигнализацией? А для того, чтобы водитель грузовика №2 не узнал, что на трассе появилась правительственная машина и не предпринял необходимых мер предосторожности. Таков сценарий убийства Машерова, разработанный на Лубянке.

Итак, как же следует ответить на вопрос: гибель Машерова - это несчастный случай или политическое убийство? Все говорит о том, что гибель Машерова - это, несомненно, политическое убийство, замаскированное под несчастный случай...

Сегодня многие задаются вопросом: а что бы было, если бы Машеров, став генсеком партии, возглавил руководство Советским Союзом? Как известно, история не любит таких вопросов. Но все же?

Можно предположить, что Андропову пришлось бы покинуть партийный олимп - хотя бы по состоянию здоровья. Горбачёв никогда бы не появился со своей лжеперестройкой. На политической арене страны не было бы и Ельцина с его предательством в Беловежской Пуще, с его разрушением Советского Союза. Преодолев политический кризис, наша страна при таком руководителе, как Машеров, получила бы новый импульс для своего развития. Не исключено, что удалось бы сохранить и содружество социалистических стран, к разрушению которого приложил руку Горби. Разумеется, враги Советского Союза как внешние, так и внутренние, видели в лице Машерова угрозу своим замыслам, тем самым, которые, к нашему несчастью, им удалось осуществить. И во многом потому, что они смогли - путём убийства - устранить с политической арены Машерова.

Возможно, некоторые читатели подумают: а не хватил ли автор через край, приписывая гибели Машерова столь далеко идущие последствия? Что ж, сомнения - хорошая штука.

Но я не исключаю, что статья может породить не только сомнения, но и праведный гнев тех, кто в юбилейные дни приходит к зданию ФСБ (в прошлом - КГБ, НКВД, ОГПУ и ЧК), чтобы возложить цветы к мемориальной доске, на которой бронзовыми буквами сообщается, что здесь 15 лет работал на посту председателя КГБ СССР «выдающийся политический деятель Советского Союза» Ю.В. Андропов.

Правда, есть и другие сомневающиеся, которые задают вопрос: а не внёс ли этот «выдающийся политический деятель Советского Союза» свой посильный вклад в разрушение этого самого Советского Союза? Откуда такие сомнения? Ну вот, например. Не так давно наши официальные власти объявили генерала Олега Калугина предателем, который работал на иностранную разведку. Но также известно, что Андропов, ещё будучи председателем КГБ, был осведомлён о том, что его подчинённый работает «налево». И что же? Калугин был схвачен за руку и понёс заслуженное наказание? Ничуть! Андропов переводит Калугина в Ленинград на должность заместителя руководителя Ленинградского управления КГБ. Но и там Калугин не остепенился: было установлено, что он пытался выйти на связь с высокопоставленным сотрудником ЦРУ США, прибывшим в

Ленинград.

Подобную любовь Андропова к Калугину кое-кто пытается объяснить тем, что вынесение сора из кагэбэшной избы стало бы «проколом» для первого чекиста и серьёзно повредило бы его имиджу. Но даёт ли такой странный поступок основание считать Андропова «выдающимся политическим деятелем Советского Союза»? Некоторые задаются вопросом: а не следует ли внести поправку в текст мемориальной доски, а, может быть, и вовсе снять её, чтобы не вызывать иронических улыбок у проходящих?

Чтобы положить конец всякого рода сомнениям, возникает необходимость прежде всего вновь расследовать обстоятельства гибели в автокатастрофе Петра Мироновича Машерова, действительно замечательного советского руководителя. И хотя после этой трагедии прошло 27 лет, есть и юридическое основание, чтобы вернуться к этому делу - пересмотреть ранее вынесенное решение по вновь открывшимся обстоятельствам...» (Конец цитаты).

* * *

Возвращаюсь к личности Ю.В. Андропова. Разное пишут и говорят о его родословной. Самое разное. Вот, к примеру, в одном из номеров глянцевого журнала для истинных джентльменов «Gentlemen's Quarterly» пересказали якобы популярную в кругах джентльменов легенду, согласно которой Юрий Андропов был на самом деле классиком американского диксиленда Гленом Миллером. По официальной версии, тот погиб в 1944 году в авиакатастрофе, но в действительности, гласит легенда, перебрался в СССР, где стал сначала вторым секретарём Карельского обкома партии, потом послом в Венгрии, потом председателем КГБ и так далее. В подтверждение автор заметки ссылается на якобы имевшее место удивительное внешнее сходство Андропова и американского джазиста, а также на будто бы необычайно хорошее знание Андроповым английского языка. В общем нормальное развлекательное чтиво. Есть в нём, однако, и серьёзная подоплёка. Она в том, что шутки подобного рода создают у читателя ощущение абсолютной непроницаемости, непостижимой таинственности ранних этапов жизненного пути Юрия Владимировича. Уж если он мог быть Гленом Миллером, то куда же дальше?

По сути, в том же духе непостижимой тайны сочиняет о происхождении Андропова бывший диссидент Рой Медведев. Его труд «Неизвестный Андропов» открывается интригующей фразой: «Мало что известно о детстве и юности Юрия Андропова и о его родителях». Ну как же так?! Читателя хотят убедить, будто в СССР власть принадлежала вахлакам до такой степени, что некто, родившийся в дореволюционном 1914 году в казачьей (!) станице Нагутская, смог подняться с самых низов общества на высшие посты в органах государственной безопасности и в Коммунистической партии так, что при этом никто ни разу не заинтересовался вопросом, кто он есть и откуда взялся. Сомневаюсь, чтобы кто-то нормальный смог в это поверить.

В действительности, проблема, скорее всего, в том, что и в современной России, и на Западе есть немало влиятельных людей и группировок, кровно заинтересованных в сокрытии от широкой публики того бесспорного факта, что многолетний председатель брежневского КГБ по национальности был евреем. Мотивы такой секретности, скажу честно, мне не вполне понятны. Хотя, конечно, в плане демократической трактовки некоторых эпизодов поздней истории СССР признание упомянутого выше факта может создать определённые неудобства. Например, не всем, по-видимому, хотелось бы согласиться с тем, что трудности в отношениях властей с гражданами еврейской национальности, имевшие место в СССР в 70-е годы, провоцировались и подогревались госбезопасностью, во главе которой стоял еврей. Но ведь это не более чем частность на долгом пути Юрия Владимировича в большой политике.

Сейчас обнародовано, что матерью Андропова была учительница музыки Евгения Карловна Файнштейн. С отцом дело сложнее. По некоторым данным, им был телеграфист железнодорожной станции Владимир Либерман, сменивший после революции свою фамилию на Андропов. Но, конечно, и здесь, при желании, нетрудно добраться до истины. Бывший первый секретарь Краснодарского крайкома партии Сергей Фёдорович Медунов в одном из своих интервью рассказал, что его собственный отец работал на железнодорожной станции вместе с отцом Андропова и хорошо знал того. По свидетельству Медунова, отец Андропова по национальности был польским евреем. Как у Жириновского.

Увы, самому Сергею Фёдоровичу знание тонкостей родословной Андропова не принесло в жизни ничего, кроме неприятностей. Летом 1978 года, когда он как первый секретарь крайкома был в полной силе, мне довелось встретиться с Медуновым в качестве сотрудника одного из журналов ЦК. Так совпало, что в моём присутствии Медунов по аппарату ВЧ поздравлял маршала Устинова с присвоением тому звания Героя Советского Союза. Изюминка поздравления заключалась в том, что печать ещё не дала официального сообщения о награждении. Это дало собеседникам повод для шуток о неограниченных возможностях «партийной разведки».

Разговор продолжался минут 15, был почти приятельским, с остротами и смешками. Интересовались, как дела у членов семьи с той и другой стороны. Маршал расспрашивал о здоровье внучки Медунова, страдавшей, если не ошибаюсь, тяжёлым костным заболеванием. Меня вся эта сцена убедила, что за спиной партийного лидера Краснодарского края стоит мощная сила. Поэтому я был озадачен, когда спустя некоторое время по Москве вдруг стали гулять слухи, будто сотрудники КГБ вскрыли в крае большие злоупотребления, а у самого Медунова при обыске на квартире изъяли «4 контейнера ценностей», и что теперь Андропов требует примерно наказать виновного, а Брежнев не выдаёт «своего». Тогда я ещё, конечно, ни в коей мере не догадывался, что это был типичный метод подготовки к устранению с политической арены человека, который мешал Андропову. И даже могущества маршала

Устинова оказалось недостаточно, чтобы предотвратить расправу.

Сергея Фёдоровича переместили в Москву на малозначительную должность заместителя министра сельского хозяйства РСФСР. В июне 1983 г. наступила наконец развязка. Пленум ЦК КПСС под председательством генсека Андропова вывел Медунова из состава ЦК и исключил из партии. По линии Президиума Верховного Совета СССР, где председательствовал опять же Андропов, его лишили всех государственных наград, а по линии правительства освободили от работы. Как в таких случаях заведено, на газетных полосах появились хлёсткие разоблачительные статьи и запестрел приговор «медуновщина». Думаю, что жизнь Медунову спасло только то, что через пару месяцев после пленума Андропов сам отправился навсегда в больницу. Годы спустя, на закате лет, Медунов скажет о себе: «Я человек со сладкой фамилией и горькой судьбой».

На каком-то этапе своей биографии Юрий Владимирович решил почему-то отмежеваться от собственных родителей. В анкетах в графе «национальность» он стал писать о себе «русский», а в графе «родители» - «сирота». Однако в силу характерной внешности Андропова его действительная национальная принадлежность не являлась секретом для людей, знавших его близко.

Вот, например, что пишет на этот счёт применительно к Горбачёву автор превосходной книжки «Крушение пьедестала» Валерий Болдин. Став генсеком, Горбачёв чрезвычайно раздражался по поводу преувеличенного, как он справедливо полагал, внимания прессы к личности Андропова. Однажды, сорвавшись, пожаловался Болдину: «Да что Андропов особенного сделал для страны. Знаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересажавшего в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают».

Примечательно, что будучи в большой политике от макушки до пят творением рук, чтобы не сказать выкормышем Андропова, Горбачёв тем не менее на первых порах своего генсекства демонстрировал обострённую чувствительность ко всему, в чём ему мерещился еврейский след. В отношении своего помощника по международным делам Черняева, по-собачьи ему преданного, указал Болдину: «У него в семье пятый пункт не в порядке, так что ты строго секретную информацию не посылай, может далеко «убежать». Лишь когда дела у него пошли совсем худо, Горбачёв сумел преодолеть в себе эту постыдную подозрительность, даже с лихвой.

Наряду с активным пропагандистским мухляжом вокруг вопроса о национальности Андропова, много чего насочиняли ушлые знатоки темы о якобы необычайно широкой образованности и культуре Юрия Владимировича. И впрямь, уж если сам «Голос Америки» поставил его по уму и культуре в один ряд с Лениным, то что же ещё можно добавить? Однако по сугубо формальным признакам Андропов был

малообразованным человеком. Виноваты в этом тяжёлые условия его жизни в детстве и в молодые годы.

Сначала он пошёл по стопам отца, стал в 16 лет рабочим телеграфа. Однако потом судьба увлекла его в ином направлении. Он поступил в Рыбинский техникум водного транспорта, где и учился в 1932-1936 гг., одновременно работая на волжских судах матросом. По большому счёту, это и было все его реальное образование. Неоднократно он пытался найти возможность его пополнить, но в силу объективных обстоятельств безуспешно.

Однако певцы Андропова не могут смириться с фактом слабого образования их кумира, поэтому пытаются в этой части заморочить головы своим читателям, слушателям и зрителям разными туманными предложениями. Вот, например, каким ловким изгибом обходит эту скользкую тему Рой Медведев: «Вскоре (это 1944 год, когда Андропов стал вторым секретарём Петрозаводского горкома партии. - В.Л.) он начал учиться в Петрозаводском государственном университете, а затем и в Высшей партийной школе при ЦК КПСС». Секрет этой блудливой фразы в том, что Андропов как начал учиться в университете, так же успешно и бросил. Работа секретаря горкома партии в военные годы не оставляла шансов на совместительство. Что касается ВПШ, то Андропов действительно закончил это заведение, но не «затем», а уже будучи председателем КГБ. Причём закончил экстерном. Ей-ей, вот были времена!

Сейчас любой плюгавый начальник, едва получит под свою руку аппарат в десяток штатных сотрудников, тут же усаживает половину из них писать ему диссертацию. Андропову в зените собственного могущества было достаточно просто диплома ВПШ. А для чего, собственно, ему нужна была корочка ВПШ? Ответ очевиден: она нужна была как важное условие продолжения политической карьеры. На переломе 70-х и 80-х годов, когда Советский Союз находился на передней линии мировой науки и образования, - а в СССР, напомню, проживало более четверти от общего числа научных работников всего мира,- претендовать на политический пост максимального уровня, не имея при этом высшего образования, было бы, в отличие от послевоенных лет, мягко говоря, неразумно. Диплом ВПШ какой-никакой давал его обладателю право на строчку о высшем образовании в официальной биографии. Хотя, будем реалистами, не давал самого образования.

* * *

Но удивляет, конечно, не отсутствие у Андропова приличного образования, а беспросветная наглость, с которой его апологеты фабрикуют в массовом сознании сказку о якобы выдающихся интеллектуальных способностях, необычайно высокой культуре, широте образования и раскрепощенности политических взглядов Юрия Владимировича. При этом, что примечательно, Андропову в этой части сплошь и рядом противопоставляют Брежнева как деятеля малограмотного, косного, падкого на лесть, любителя выпить, ленивого,

всеми силами цепляющегося за власть, несмотря на физическую немощь.

Вот, например, как сопоставляет Брежнева и Андропова не какой-нибудь низкооплачиваемый газетный отморозок, а академик медицинских наук Чучалин. В своём труде Рой Медведев рекомендует его «одним из участников лечебного процесса Андропова». По свидетельству академика: «О Брежневе и Черненко рассказывать нечего. В последние месяцы своей жизни они уже не могли ни говорить, ни думать. Андропов же в больнице сохранял ясный ум, хотя у него отказали печень, почки, лёгкие, и мы применяли внутривенное питание. Двое охранников ухаживали за ним, как за малым ребёнком: перестилали кровать, переносили Генсека с места на место. Видеть Андропов мог только одним глазом, но читал много - около четырёхсот страниц в день. В последние дни охранники переворачивали ему страницы - сам не мог...». Читаешь этот бред и невольно думаешь: до какой же немыслимой степени испаскудилась, истаскалась по рукам власти верхушка отечественной интеллигенции.

Ещё раз напомню о последнем дне жизни Л.И. Брежнева, 9 ноября 1982 года. Как я уже писал, Брежнев приехал из Завидова в Кремль на работу. Встретил Генсека Владимир Медведев. Он свидетельствует:

«Леонид Ильич появился на работе минут двадцать одиннадцатого. Я встретил его, как обычно, у лифта на третьем этаже. Вышел, пальто осеннее тёмно-серое - распахнуто, шапка ондатровая - в руках. Улыбается, руку протянул:

- Здравствуй, Володя.

Я сразу на любимую тему:

- Как охота?

- Хорошо».

И вот через год мы видим иную картину. Новый Генсек Андропов способен перемещаться по больничной палате только на руках двух своих охранников. У него отказали почки, печень, не работают лёгкие, он видит только одним глазом, надо полагать, тоже не очень острым. Всё равно, упрямится академик Чучалин, он был более дееспособен, чем Брежнев, и мог читать по 400 страниц в день, пусть даже и не имел сил самостоятельно перевернуть страницу. Ну и ну! Правда, у Чучалина в данном случае есть всё-таки одно смягчающее обстоятельство. Оно в том, что впервые его безумные откровения обнародовали в феврале 1991 г. сиротские «Московские новости». Не исключено, что редакционные умельцы «помогли» академику правильно изложить его воспоминания. Но вот уж для кого точно не придумаешь никаких оправданий, так это для «учёного» Роя Медведева, поместившего весь этот параноидальный продукт вульгарной демопропаганды в свой труд об Андропове в качестве особо авторитетного медицинского свидетельства.

Неугомонные поклонники говорят ещё про Андропова: «Будучи аскетом, он чурался любимых Брежневым развлечений типа роскошного застолья, царской охоты, красивых женщин, страсти к подаркам и

наградам», и «постоянно занимаясь самоподготовкой, он стал одним из самых теоретически подкованных и эрудированных руководителей партии». Это фрагменты развесистой клюквы с интернет-сайта «bolshe.ru». Дело в общем представляется так, что ежели вдруг Андропов и прекращал на миг ковать себя теоретически, то разве лишь для того, чтобы немного развлечься игрой на клавесине.

С Брежневым, конечно, не сравнишь, тот действительно был не чужд земных человеческих страстей. Бывший замначальника 9-го Управления КГБ СССР генерал-майор Докучаев, в частности, свидетельствует: «Слабостью Леонида Ильича были шахматы. Он играл хорошо и азартно. Играл до тех пор, пока не выигрывал. Обычно играли на отдыхе, начинали с 22.00 вечера и кончали далеко за полночь, а то и к утру». А ведь и в самом деле, припоминаю, в брежневские времена шахматы были едва ли не всенародным увлечением.

Но документы говорят, что и Юрий Владимирович на отдыхе иногда позволял себе расслабиться. В хвастливой книжке Горбачёва «Жизнь и реформы» можно видеть примечательный снимок. На нём Андропов и Горбачёв, в компании ещё двух интеллектуалов, в густой благодатной тени южных растений, наслаждаясь законным отпуском, «забивают козла». Юрий Владимирович в белой тенниске с распахнутым воротом. Лёгкая белая шляпа чуть сдвинута на затылок. Он приятно разгорячён игрой, на лице довольная улыбка. Сразу видно - человек в своей стихии, даром что не на «царской охоте».

Справедливости ради, надо, однако, признать, что наряду с восторженными описаниями необычайно широких культурных горизонтов Андропова, попадаются на этот счёт и более сдержанные оценки. Тот же Рой Медведев цитирует слова Ивана Клемашева, который сам себя рекомендует «личным врачом семьи Андропова». «Никогда не видел, - пишет Клемашев, - чтобы Андропов читал художественную литературу, и не слышал от него ни слова о литературе, поэзии, философии, религии. Эта область была ему просто незнакома. Он жил не реальным, а искусственным миром кремлёвских интриг, а плохое физическое здоровье и отсутствие духовности позволяли тратить остатки сил лишь на удержание своей власти».

Рой Медведев энергично дезавуирует слова Клемашева, утверждая, будто никакого «личного врача» у семьи Андропова не было. Это вряд ли, поскольку в семьях других членов ПБ таковые непременно имелись. С чего бы это семью Андропова вдруг подвергли по медицинской части дискриминации? Впрочем, оценки, близкие тому, что сказал Клемашев, мне доводилось слышать и от некоторых других людей из аппарата ЦК, также неплохо знавших Юрия Владимировича по долгу службы.

* * *

В аппарат ЦК ВКП(б) Андропов попал в 1951 г. на роль инспектора по парторганизациям лесной и целлюлозной промышленности с должности второго секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. Помог ему в этом

замечательный человек Отто Куусинен - в 1940-1956 гг. Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, а с 1957 г. и до кончины в 1964 г. Секретарь ЦК КПСС. Политическая судьба Куусинена была сложной. Сначала он был финским социал-демократом, потом большевиком, приверженцем Сталина, а при Хрущёве стал снова немножко социал-демократом.

В Москве партийная карьера Юрия Владимировича перешла в дипломатическую плоскость. В 1953 г. его направили в распоряжение МИД СССР, а ещё через год назначили Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгрии. Думаю, что данное назначение было сделано с учётом опыта работы Андропова на территориях, прилегающих к Финляндии, поскольку венгерский язык относится к группе финно-угорских языков.

В октябре 1956 г., на волне хрущёвских «разоблачений» культа личности Сталина, в Будапеште вспыхнул кровавый контрреволюционный мятеж. Андропов сыграл важную роль в его подавлении и последующем урегулировании политической ситуации в Венгрии. При этом он взаимодействовал с ведущими представителями партийной и государственной власти СССР, видными советскими маршалами, руководством КГБ, а также с партийной элитой охваченной мятежом Венгрии.

События тех дней впервые выдвинули Андропова в мир действительно большой политики, где он смог продемонстрировать свои несомненные таланты дипломата, решительного, умного политического стратега, не боящегося вида крови и личной ответственности за неё. В политической судьбе Андропова подавление венгерского мятежа 1956 г. сыграло точно такую же роль, какую в 1793 г. в судьбе мало кому известного на тот момент капитана Бонапарта сыграл организованный им штурм мятежной крепости Тулон.

Для Бонапарта Тулон, а для Андропова Будапешт стали символами резкого стремительного поворота их судеб. До конца его дней то, что одни называли мрачной тенью, а другие - славным ореолом венгерских событий, будет сопровождать трудное восхождение Андропова к высшей власти.

В 1957 г. его отзывают из Венгрии и доверяют руководство отделом, осуществлявшим рабочие контакты КПСС с братскими партиями всех социалистических стран. В 1962 г. он уже Секретарь ЦК по соцстранам и перед ним неплохие виды на будущее. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в апреле 1964 г. Андропову доверили чтение от имени ЦК доклада на Торжественном заседании в Москве. Это были многообещающие всепартийные и всесоюзные смотрины. Но получилось так, что спустя полгода Хрущёва, при полном соблюдении норм внутрипартийной жизни и демократических процедур того времени, освободили от всех постов и проводили на пенсию за «волюнтаризм». Новым Первым секретарём ЦК КПСС стал Председатель Президиума ВС СССР Брежнев, его место в Президиуме занял Подгорный, работавший до

этого вместе с Андроповым Секретарём ЦК. Совет Министров возглавил Косыгин. Брежнев, Подгорный и Косыгин олицетворяли новую коллективную власть в СССР. В газетах того времени их часто изображали идущими вместе.

С отставкой Хрущёва в карьере Юрия Владимировича наступил момент, когда он имел реальный шанс навсегда выпасть из обоймы высшей власти. Как водится, грянула зачистка партийных и государственных учреждений от людей, пользовавшихся ранее расположением со стороны «волюнтариста». Для Андропова дело существенно осложнялось тем, что новый премьер Косыгин, набравший тогда большую силу, относился к нему с явным предубеждением. Не многим лучше, с учётом национального пункта, складывались отношения Юрия Владимировича и с нахрапистым украинским специалистом пищевой промышленности Николаем Подгорным.

Под грузом свалившихся на него неприятностей Андропов тяжело заболел, несколько месяцев пролежал в больнице. Его здоровье стало таковым, что в 1966 г. врачи поставили вопрос о переходе Андропова на инвалидность. Созвали консилиум, со стороны для участия в нём пригласили восходящую звезду советской кардиологии Чазова. Говорят, голос Чазова склонил чашу весов консилиума в пользу того, чтобы позволить Андропову ещё какое-то время поработать. Не думаю, однако, чтобы для нового руководства проблема Андропова имела в ту пору только медицинское содержание. Был в ней, наверное, и некий политический смысл, в противном случае никакой консилиум не помешал бы Брежневу как прямому партийному начальнику Юрия Владимировича проводить его на пенсию.

Так или иначе, но в мае 1967 г. Юрия Владимировича, вместо того, чтобы с почётом проводить на пенсию по инвалидности, назначили Председателем КГБ СССР. Его предшественнику Владимиру Семичастному подобрали менее хлопотную работу, благо для этого подвернулся повод. В день 6 марта 1967 г. в посольстве США в Индии объявилась Светлана Иосифовна Аллилуева, дочь Сталина. Больше месяца американцы не могли прийти в себя после такой удачи. Лишь 22 апреля они позволили несчастной жертве идеологической войны ступить на землю их аэропорта им. Дж. Кеннеди.

* * *

В этом месте, принеся читателю свои извинения, позволю себе на время отклониться от темы, чтобы, воспользовавшись оказией, рассказать немного об истории Аллилуевой С.И., 1926 г. рождения. Прожив на западе 16 лет, она обратилась осенью 1984 г. к советским властям за разрешением на возвращение. Соответствующее письмо писала с большим напором, видимо, готовилась к шуму и долгой борьбе за право вернуться. Но тогда уже были другие времена. Генсеком сидел, вернее, в ту пору уже лежал, Черненко. Ей ответили: нет проблем, приезжайте. Она приехала со своей американской дочерью Ольгой Питерс. Советский МИД попытался извлечь из этого факта какую-нибудь политическую выгоду,

но, кажется, не получилось.

В Москве с Аллилуевой в дружеской неформальной обстановке побеседовали компетентные товарищи, которым она пространно поведала много чего интересного о том, как с ней работали западные спецслужбы. Я читал запись этого рассказа. Он впечатляет изобретательностью, с которой спецслужбы США выжимали из бедной искательницы свободы всё, что могло бы принести им хотя бы какую-нибудь политическую выгоду.

В Москве Аллилуева не нашла взаимопонимания с родными детьми, от которых она тайно бежала в 1967 г. По её словам, они были разочарованы, узнав, что за 16 лет жизни на Западе она не разбогатела, а лишь обзавелась ещё одной дочкой. В ноябре того же 1984 г. Аллилуева прислала очередное письмо на имя Черненко с просьбой разрешить им с дочерью «навсегда поселиться» в Грузии. «Мне не нужны популярность и шумиха, - говорилось в письме. - Мне нужны старые камни моей Родины». Завершали послание следующие слова: «Я обязуюсь - и обещаю ещё раз - встретить с полным пониманием все рекомендации, которые мне предъявят грузинские и центральные руководители, и обещаю моё полнейшее содействие во всех направлениях». Текст был отпечатан на старой портативной пишущей машинке, с провалами шрифта, грамматическими ошибками и исправлениями от руки.

Ей ответили: нет проблем, поезжайте. В Грузии возвращенцев приняли без суеты, но радушно. На двоих им предоставили трёхкомнатную квартиру в новом доме ЦК КП Грузии, дачу в пригороде Тбилиси, приобрели мебель, предоставили право бесплатного пользования лёгковым автомобилем по вызову из гаража ЦК. Также предоставили возможность пользоваться лучшими медицинскими учреждениями и санаториями республики. С Ольгой, чтобы помочь ей быстрее войти в новую для неё жизнь, занимались преподаватели русского и грузинского языков, математики. По собственному выбору американская внучка Сталина начала также заниматься музыкой и рисованием, а в республиканской конноспортивной школе - верховой ездой. По слухам, у неё появился друг, сын одного из секретарей горкома партии.

Остаётся добавить, что за недолгий срок пребывания на родине предков Аллилуеву дважды принимал Шеварднадзе, а после его убытия в Москву её так же дважды принимал новый первый секретарь ЦК КП республики Джумбер Патиашвили.

Быстро, однако, выяснилось, что Светлана Иосифовна не создана для жизни без «популярности и шумихи». Осмотревшись, она пошла войной на местных родственников и хранителей сталинского наследия, принялась обстреливать из Тбилиси своими посланиями МИД, Верховный Совет СССР и ЦК КПСС, настаивая на своём исключительном праве представлять интересы семьи Сталина, трактовать в том или ином духе отдельные фрагменты семейной истории, а также требуя объективного расследования подлинных обстоятельств смерти И.В. Сталина в 1953 г. и

её брата Василия Сталина в 1962 г.

Внутри сообщества людей, претендующих на своё родство с великим вождём, возникли противоречия и склоки. Но Аллилуева слишком долго прожила за границей, чтобы преодолеть дружное сопротивление её поползновениям со стороны сталинской родни, никогда не покидавшей Родину. Тогда, все на той же убогой портативной пишущей машинке, она написала раздражённое грубое письмо Горбачёву, заявив, что в СССР её заманил сын, который сам «пал жертвой старого чекистского трюка, именуемого «заманиваем через родных». Кроме этого она сообщала в письме, что в Грузии за ней ведётся тотальная слежка, что ей с дочерью запретили ходить по улицам, и что их для общения окружили «лично подобранными фрейлинами». Свою жизнь на «старых камнях Родины» она красиво сравнила с жизнью птицы в золотой клетке. По совокупности претензий она потребовала встречи с консулом или послом США в Москве для обсуждения возможности их с Ольгой повторного выезда на Запад.

Увы, но и в этот раз скандал не получился. Ей ответили: нет проблем, уезжайте. Перед отъездом она обратилась к Горбачёву с просьбой о личной встрече. Почему-то он от этого удовольствия уклонился, поручив встретиться Лигачёву. Примерно дней десять я готовил для Лигачёва необходимые материалы, перечитал все бумаги, связанные с путешествиями Аллилуевой, а заодно просмотрел и её книжки, начиная с «Двадцати писем к другу». Написаны они, за исключением «Писем», не очень тщательно, поскольку хорошо заметно, что именно сочиняла сама Светлана Иосифовна, а что ей вставили государственные «писатели» из американских спецслужб.

Член Политбюро, Секретарь ЦК КПСС Лигачёв принял Аллилуеву в своём рабочем кабинете на Старой площади. Разговор был очень тёплым, дружеским, продолжался минут 40. Я вёл его рабочую запись. Поначалу Аллилуева пожаловалась на своих детей, которые её не понимают. Потом Лигачёв поинтересовался, изменилось ли, по её наблюдениям, что-нибудь в СССР с той поры, как она уехала? Она ответила: «У вас очень сильно вырос кинематограф. Советский кинематограф сейчас лучший в мире. А в остальном все по-старому. Вы хотя и открещиваетесь от Сталина, но идёте по сталинскому пути». Затем принялась объяснять, как, по её мнению, следует преобразовать СССР.

Это был по-своему забавный монолог. Особенно, когда выяснилось, что за всю свою жизнь в Союзе Аллилуева практически никуда не выезжала за пределы Москвы. Лигачёв по этому поводу развёл руками: «Ну это - наша ошибка, это мы виноваты. Вам надо было бы по стране поездить, побывать в хозяйствах, с людьми поговорить. Вам было бы интересно, а то ведь у вас, наверное, определённый круг общения, и вы из него редко выходите...». С этим Аллилуева согласилась.

В заключение Лигачёв спросил, есть ли у неё просьбы к советскому руководству. Она назвала две. Первая - опубликовать в стране её «Двадцать писем к другу», а то многие думают, будто Аллилуева уехала за границу только из-за денег. Подумав, Лигачёв ответил: «Сейчас,

наверное, рановато, но опубликуем обязательно». Вторая просьба заключалась в том, чтобы разрешить Ольге приезжать в Грузию на каникулы, поскольку в Тбилиси у неё появились друзья, с которыми она хотела бы продолжать встречаться. Снова подумав, Лигачёв сказал, что лично он не видит препятствий для таких поездок: Но, возможно, они будут привлекать к себе внимание прессы. Поэтому для окончательного ответа ему нужно сначала посоветоваться с Михаилом Сергеевичем.

После этого собеседники встали из-за стола и стали прощаться. Светлана Иосифовна подобралась, сделалась официальной, и заявила то, что я записал за ней буквально: «Отныне я намерена вести за границей жизнь частного лица, не встречаться с репортёрами и не публиковать никаких материалов, которые могли бы нанёсти ущерб престижу Советского Союза. Это моё твёрдое решение, я устала от политики и прошу передать мои слова Михаилу Сергеевичу. Прошу также передать извинения за хлопоты, которые мы с дочерью причинили невольно Советскому правительству».

Вечером того же дня Лигачёв лично позвонил в номер 408 гостиницы «Советская», где остановились Аллилуева с дочерью, и сообщил им от имени советского руководства, что Светлана Иосифовна и Ольга могут приезжать в СССР в любое удобное для них время, вместе или порознь, на любой срок.

Вскоре после очередного выезда Аллилуевой на ПМЖ за рубеж в информациях промелькнуло сообщение о каком-то её интервью с нападками на Советский Союз. Затем все надолго стихло, словно бы Светлана Иосифовна и в самом деле, как обещала, угомонилась. Ан нет, в октябре 1990 г. «Московские новости» опубликовали фрагмент её новой книги, исполненный в стиле махровой антисоветчины с надрывными пассажами о «бедном талантливейшем народе» и «тяжком бремени бесстыдной ленинской партии».

Помню, что, прочитав этот фрагмент, почувствовал в душе глубокое сострадание к Светлане Иосифовне. Видно, на Западе ей жилось совсем туго. Может быть, даже не всегда было что покушать. А иначе зачем она в 64 года вновь принялась за ремесло, от которого по собственной воле торжественно отреклась в Москве.

На свете есть немало женщин, которые зарабатывают тем, что продают своё тело. Светлана Иосифовна нашла иной путь. Она сбежала от своих детей, и прожила большую часть жизни, торгуя на мировом политическом рынке именем своего великого несчастного отца. Интересно, что скажет ей на это при личной встрече её бог.

* * *

Вернёмся, однако, к новому назначению Андропова. Весной 1966 г. состоялся XXIII съезд КПСС, по итогам которого герои октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК окончательно утвердились в качестве носителей высшей политической власти в СССР. После съезда, на гнилых принципах консенсуса внутри руководящего триумвирата в лице Брежнева, Косыгина

и Подгорного, последовала серия важных кадровых назначений. Вот тогда-то в мае 1967 г. и была совершена роковая для страны кадровая ошибка в форме назначения 53-летнего несостоявшегося инвалида Андропова председателем КГБ СССР.

Почему это произошло, догадаться трудно, но можно. Очевиден мотив, по которому был лишён удовольствия охранять государственную безопасность СССР 43-летний Владимир Семичастный. В октябре 1964 г. он сыграл важную роль в отстранении от власти Хрущёва и на этом основании претендовал на особые отношения с новым руководством. Для начальника главной спецслужбы страны это, безусловно, грех. Поэтому решение вернуть Семичастного на Украину было политически оправданным.

Что и говорить, для любого государства надёжный присмотр за работой собственных спецслужб жизненно важен. Малейшее послабление в этом деле чревато опасностью превращения органов государственной безопасности в независимую политическую силу. А уж дальше непременно найдутся желающие использовать её неограниченные возможности в интересах, не совпадающих с политикой государства.

От нынешних толкователей советской истории часто можно слышать, будто Брежнев снял Семичастного потому, что его «боялся». Разумеется, боялся, ведь генсек не был идиотом. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ все боялись. Боялся даже Ленин, когда в декабре 1917 г. декретом СНК сам создавал этот замечательный инструмент диктатуры пролетариата. И это при том, что во главе ВЧК тогда поставили проверенного царскими каторгами Дзержинского. И всё равно Ленин «боялся», настаивал так и этак, что деятельность Комиссии должна осуществляться не иначе как под надёжным контролем большевистской партии, ибо в противном случае «меч революции» способен превратиться в угрозу для самой революции.

Следуя ленинскому наказу, великий русский вождь Сталин держал своих чекистов на строгом поводке. Опираясь на силы РККА, он безжалостно пресекал малейшие поползновения деятелей госбезопасности на самостоятельную политическую роль. После чего, для равновесия, средствами НКВД столь же сурово и столь же действенно лечил от подобной болезни размечтавшихся о мировой славе краскомов. В результате органы НКВД верой и правдой служили своему народу, а за границу их люди если и выезжали, то не за импортным шмотьем и поисками, кому бы подороже продаться, а чтобы изучать во имя грядущих побед пролетариата коварные повадки мировой буржуазии непосредственно по месту её дислокации. Вот это были прометеи! Их ещё долго после войны в народе называли «чекистами», хотя ЧК уже не было.

Увы, много позже от сытой ленивой жизни, словоблудия, вранья, интриг и от отсутствия строгого партийного поводка былые чекисты постепенно переродились в «гебистов» с мутным водянистым взором генерала Калугина, необычайно размножились и стали быть сами для себя, забыв о народе...

Короче говоря, во всех странах политические и государственные лидеры боятся своих спецслужб, в оба присматривают за ними, - но решение о выдвижении Андропова на КГБ было изначально политически порочным, поскольку не было продиктовано реальными нуждами обеспечения государственной безопасности СССР, но явилось результатом политического торга участников триумвирата друг с другом. При этом главный выигрыш в форме передвижки Андропова из аппарата ЦК получил вроде бы совсем и не Брежнев, а Косыгин: в те годы КГБ формально существовал «при Совете Министров СССР».

Об истинном отношении Косыгина к Андропову знаток этой темы Владимир Крючков пишет: «Не следует думать, что в основе конфликта Косыгина с Андроповым лежали лишь политические разногласия. По наблюдениям многих товарищей, для их отношений была характерна и какая-то личная несовместимость». И ещё он же: «Назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР в мае 1967 г. Брежнев, с одной стороны, как бы сделал уступку Косыгину, а с другой, значительно укрепил свои позиции, сделав этот важнейший участок полностью безопасным для себя». Но эта «безопасность», как дальше увидим, оказалась опасной иллюзией.

В ходе торга был принят во внимание «венгерский опыт» Юрия Владимировича и его осведомлённость о положение дел в социалистических странах. Время было неспокойное, назревали события в Чехословакии. Определённые пропагандистские выгоды сулила и национальность Андропова. Во-первых, она страховала нового шефа КГБ от слишком лютых нападок со стороны западных СМИ, поскольку, как справедливо подметил Горбачёв, «они своих в обиду не дают». И правда, в пору Андропова Запад вёл рутинную пропагандистскую войну против КГБ, но личность самого Андропова затрагивалась при этом крайне редко. Во-вторых, национальная принадлежность Андропова, в силу определённых российских традиций, вроде бы не давала ему поводов для особо рисковых амбиций на будущее, и потому упрощала проблему партийного контроля за деятельностью КГБ. Вот эта иллюзия оказалась самой катастрофичёской. Со временем она вышла боком и триумвирату Брежнев - Косыгин - Подгорный, и всему советскому обществу.

И, наконец, факт, что Андропов становился во главе КГБ, будучи при этом без пяти минут инвалидом, придавал его назначению временный характер. В любой момент, как полагали, его можно будет проводить на пенсию, заменив в КГБ другим человеком.

* * *

Юрий Владимирович, однако, оказавшись во главе КГБ, опроверг все расчёты простодушных участников сделки. Будучи от природы человеком далеко не глупым и не робким, он не стал пассивно ожидать момента, когда другие сочтут для себя полезным проводить его на покой. Вместо этого в той большой политической игре, участником которой волею судеб стал, он сделал свою ставку - на Брежнева.

Сейчас российская пропаганда всячески опускает Брежнева и возвеличивает Андропова, пытаясь таким способом отделить их друг от друга. Но в жизни, имею в виду, конечно, политической, они не могли существовать порознь. Без покровительства и содействия со стороны Брежнева Андропов ещё до начала 70-х непременно оказался бы в отставке. Такой оборот был однозначно предрешён тогдашним составом Политбюро, на 100% не принимавшим Андропова «за своего»: Воронов, Кириленко, Косыгин, Мазуров, Пельше, Подгорный, Полянский, Суслов, Шелепин, Шелест. Но и Брежнев без поддержки, которую ему оказывала служба Андропова, имел мало шансов контролировать ситуацию под неуклонно нараставшим совместным давлением на него со стороны Косыгина, Подгорного, Полянского, Шелепина...

Из других важных назначений той поры отмечу ещё два. В апреле, после кончины маршала Малиновского, новым министром обороны СССР стал Маршал Советского Союза Гречко. До этого он был с 1960 г. Главнокомандующим Объединёнными вооружёнными силами государств - участников Варшавского Договора. Выдвижениями Гречко и Андропова было усилено восточно-европейское направление политики СССР. Однако Андропов одновременно с назначением в КГБ стал ещё и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Это было беспрецедентно для руководителя госбезопасности со времён Сталина. В то же время маршал Гречко равной чести удостоен не был.

Это была серьёзная политическая ошибка Брежнева, демонстративно обозначившего КГБ в качестве главной опоры своей власти. В результате до 1973 г., когда Гречко ввели наконец в ПБ, Андропов получил перед бюрократией СА значительную позиционную фору. Несмотря на всяческое противодействие со стороны военных, он в полной мере использовал её для колоссального наращивания силового и политического потенциала своего ведомства. Эти детали важны для понимания причин, по которым именно маршал Гречко открыл своей необъяснимой смертью в апреле 1976 г. череду событий, выкосивших за считанные годы под ноль руководящую верхушку СССР.

Самым первым в 1967 г. получил новое высокое назначение 37-летний и.о. директора НИИ терапии АМН СССР Чазов, тот самый, который помог Андропову избежать проводов на пенсию. В январе он был посажен в кресло начальника 4-го Главка при Минздраве СССР, то есть стал командовать кремлёвской медициной. По-видимому, с их исторической встречи на консилиуме Чазов был навсегда покорён личностью Юрия Владимировича. Между ними завязалась дружба, вследствие которой Чазов вскоре стал совмещать преданное служение Гиппократу с ролью фактического тайного агента шефа КГБ Андропова в кругах руководителей СССР и членов их семей.

В роли агента Чазов контактировал с Андроповым на конспиративных квартирах КГБ, где они вместе искали развязки особо тугих политических узлов. А в роли главного правительственного медика он ставил свой автограф, подкреплённый автографами дюжины подчиненных ему

академических чучалиных, на официальных медицинских заключениях о болезни и причинах смерти всех советских руководителей брежневской волны, включая Черненко. Меня в этих медицинских бумажках всегда забавляла финальная фраза: «При вскрытии диагноз полностью подтвердился». Чёрт возьми, попробовал бы он не подтвердиться!

Вообще в пору Чазова в Кремлёвской больнице умели хранить самые большие тайны и подтверждать самые неожиданные диагнозы. Об этом говорит, в частности, замечательный врач-хирург Прасковья Николаевна Мошенцева, проработавшая в правительственной медицине более 30 лет. Среди её пациентов была и супруга Андропова, которую она пыталась избавить от наркотической зависимости. Уйдя на покой, Прасковья Николаевна сочинила интересную книжку: «Тайны кремлевской больницы». В ней есть такая многозначительная фраза: «В истории кремлёвской больницы много неизвестного, загадочного и даже трагичного». Автор оставила нетронутыми почти все трагические загадки. За исключением одной, видимо, особо поразившей женское воображение. Оказывается, актриса Яблочкина умерла от старости в возрасте около ста лет. И - вы не поверите: «Она действительно была девственницей. В этом мы убедились при вскрытии». Любознательные вы наши!..

* * *

Похоже, Член ПБ Воротников был прав, утверждая, что Андропов обладал даром магнетического воздействия на людей. Многие из тех, кто встречались или работали с Юрием Владимировичем, оставили о нём свои воспоминания, исполненные в возвышенных тонах. Конечно, вне конкуренции здесь бывшие гебистские коллеги Андропова. После госпереворота 1991 г. особо предприимчивые из них, используя капризную конъюнктуру, бросились наполнять книжный рынок «совершенных секретов» и «секретных миссий» собственной продукцией. И это разумно, ведь соответствующий сектор общественного любопытства быстро усыхает. Нынешнее поколение гостей на празднике жизни имеет своих скользких тайн столько, что хоть отбавляй. На кой им труха малокровных гебистских откровений о былом, посвящённых в основном восхвалению Андропова; выдумкам о том, как все они, молодые образованные и очень талантливые, боролись рука об руку с Юрием Владимировичем за демократию; и как старые противные партийные дядьки из ПБ во главе с Брежневым чинили им в этом всяческие помехи.

В этом потоке литературной халтуры попадаются иной раз и работы серьёзных авторов, своей жизнью заслуживших доверия и уважения, а также внимательного отношения к их мнению об Андропове. Одна из лучших в их числе, хотя, на мой взгляд, по ряду содержащихся в ней оценок не бесспорная, - книга первого заместителя председателя КГБ СССР, генерал-полковника Грушко «Судьба разведчика». Её автор пишет, что «с профессиональной и человеческой точки зрения» Андропов был лучшим из всех руководителей, при которых ему, Грушко, пришлось работать за 34 года службы, и что у всех честных работников Комитета память о нём светла.

Дальше, в целях экономии места, просто перечислю характеристики, которыми генерал-полковник награждает «лучшего из всех». Итак, он: не относился к ближайшему окружению Брежнева; ни на кого не опирался и ни к кому не приспосабливался; был на голову выше других руководителей; имел искренние социалистические убеждения, решимость осуществить назревшие реформы и дар предвидения; разговаривал со специалистами на профессиональном языке; умел слушать и слышать, видеть связи между явлениями; своим отеческим тоном напоминал Шолохова; глубоко вникал в суть всех крупных операций по линии разведки; испытывал известную обособленность и отчуждённость в высшем руководстве страны; готов был пойти дальше других в расширении личных свобод и демократии в нашем обществе; неподкупный и аскетичный активно вступил в борьбу с коррупцией; находился под контролем и известным нажимом идеологического отдела ЦК; его голова работала, как компьютер; обладал глубиной знаний и представлений; был пунктуальным, умел чётко и по-деловому формулировать свои мысли устно и письмённо; увлечённо перечитывал все идущие на сцене пьесы и вообще очень много читал; писал стихи лирические и политические. Из других источников можно узнать, что Андропов так же глубоко разбирался в живописи и музыке, при этом фанатично любил джаз. У него в квартире после смерти будто бы обнаружили абсолютно все прижизненные и посмертные издания американского джазиста Гленна Миллера.

В общем, из мировой истории известна ещё только одна личность, столь же щедро одарённая от природы разнообразными достоинствами. Это был Леонардо да Винчи, правда, тот не занимался политическим сыском и внешней разведкой.

В отличие от Виктора Фёдоровича Грушко, я ни одного дня не работал вместе с Андроповым, и потому, конечно, не в праве оспаривать мнение генерал-полковника. Но, с другой стороны, чисто умозрительно меня всё-таки гложет сомнение: возможен ли в принципе где бы то ни было руководитель органов государственной безопасности, который бы «ни на кого не опирался и ни к кому не приспосабливался». В жизни такой был бы похож на одинокого горного орла в бездонной синеве неба, и - «Кавказ подо мною». Но в этой роли нужен ли он государству?..

* * *

Чиновники служб безопасности, как и прочие смертные, также ходят под этим законом. Вот почему восторженное отношение определённой части гебистского сообщества к личности Андропова имеет под собой материальную основу. Время Андропова во всех отношениях было «золотым веком» органов КГБ. При Сталине их постоянно держали в боевой форме, заставляли много работать, строго спрашивали за ошибки. При Хрущёве их унижали, дважды сокращали, глупо обвиняли в смертных грехах, по большей части надуманных.

При Брежневе и Андропове настал час отдохновения. На органы снизошла манна небесная в виде обилия новых генеральских должностей,

назначений, кабинетов, заграничных командировок, штаб-квартир, резидентур, особых отделов в ведомстве маршала Гречко и проч., и проч. Совокупным показателем выдающихся материальных заслуг Андропова перед народом КГБ можно считать фантастическое увеличение при нём численности личного состава органов госбезопасности. По фигурирующим в печати данным, эта численность была доведена Андроповым при содействии Брежнева до 480 тыс. человек, а с учётом внештатных сотрудников и работающих по совместительству она превышала и, надо полагать, существенно 1 млн. чел.

Чтобы в полной мере оценить величие этого достижения «золотого века», сравним его с двумя аналогичными характеристиками. В 1940 г. НКВД СССР имел в своих штатах чуть более 32 тыс. оперативных сотрудников. При этом НКВД был единственной спецслужбой в стране, занимаясь наряду с борьбой со шпионами и врагами народа, также пожарной охраной и регулировкой уличного движения.

Второй сравнительный показатель численности спецслужб возьмём из нашего времени. По сообщениям прессы, в США создано Министерство национальной безопасности, в организационном отношении аналог КГБ СССР. Общественность напугана астрономической численностью новой спецслужбы - 170 тыс. чел. Это при том, что сегодня США умудряются обнаруживать собственные национальные интересы даже в самых забытых богом уголках земного шара.

Теперь перенесём американский стандарт на КГБ «золотого века», т.е. сделаем смелое предположение, что и в том, андроповском, КГБ 170 тыс. чел. могли быть заняты действительно полезным для страны делом. Но тогда закономерно возникает вопрос: что делали остальные 310 тысяч? С точки зрения исторической науки, это очень важный вопрос, поскольку правильный ответ на него позволяет раскрыть единый источник множества неприятностей, обрушившихся на СССР в эпоху андроповской тотальной бюрократизации органов государственной безопасности. А ответ, между прочим, очевиден. Они занимались тем, чем на генетическом уровне предписано заниматься любому чиновничьему сообществу, т.е. создавали сами для себя и для других людей проблемы, и при этом по экспоненте размножались.

Где есть чиновники, там есть проблемы. Жизнь каждого из нас от младых ногтей и до последнего вздоха есть не что иное, как непрерывное разрешение проблем, которые с опережением непрерывно придумывают для нас чиновники. Это как восход и заход солнца: не переступишь. Чем больше чиновников - тем больше проблем. Где много чиновников в белых халатах - там много больных; где много чиновников в рясах - там много грешников; где много пузатых чиновников в погонах и с полосатыми жезлами в руках - там больше всего нарушений ПДД; где много чиновников от государственной безопасности - там непременно будет много всякого рода шпионов, террористов и других злодеев.

Обратите внимание, сейчас на земном шаре плотность спецслужб на единицу территории максимальна за всю историю человечества. И что,

разве мир стал более безопасным? Отнюдь. При посадке на авиалайнер служба безопасности изымает ныне у пассажиров даже миниатюрные пилки для ногтей. Конечно, не потому, что пилкой будто бы можно завалить авиалайнер. Просто где-то есть чиновник, который, возможно, получил за эту идею повышение в классе. Чиновник в любой ситуации придумает, чем отчитаться о проделанной работе перед начальством и кассиром.

Пожалуй, за всю предшествующую историю, начиная с тех далёких послереволюционных лет, когда на молодую Советскую Россию навалились скопом в поисках территориальной халявы войска США, Великобритании, Франции, Италии, Турции, Японии, Китая, Греции, Румынии и Югославии, органы государственной безопасности не выявили столько врагов Советской власти, сколько выявили их подчинённые Андропова. Согласно регулярно поступавшим от них сведениям, враги в стране просто кишели. За каждым кухонным окошком, под каждым тенистым кустиком прятался некто, кто писал статейку, опубликование которой, по оценкам КГБ, грозило непоправимо подорвать международный авторитет СССР, а в перспективе обрушить всю советскую политическую систему...

Часть 3. Горбачёв - «второй друг» Андропова

Пора перейти к главному делу жизни Андропова. В чём он, безусловно, преуспел, так это в выборе преемника, который сумел обрушить Советский Союз. Михаил Сергеевич Горбачёв прошёл долгий путь, прежде чем встретиться со своим благодетелем.

Михаил Горбачёв родился, если кто подзабыл, 2 марта 1931 года в селе с красивым названием Привольное на Ставропольщине. На фронт по молодости он, понятное дело, не попал. Горбачёву вообще было суждено стать первым и единственным политическим лидером СССР, сформировавшимся как личность и действовавшим в мирных условиях. Все другие, от Ленина до Черненко, вдоволь вкусили тяготы государственной работы в условиях войны и послевоенной реабилитации.

Отец Миши, Сергей Андреевич, уходя в августе 1941 года на фронт, купил сыну на прощание мороженое и балалайку. На, мол, сынок, кушай и веселись, а уж мы тебя в обиду не дадим. Но не всё получилось так гладко, как надеялись. Через год, в августе 42-го, в Привольном появились немецкие мотоциклисты. Миша (неизвестно, был ли он в этот момент при балалайке) стоял как раз ещё с двумя пацанами у хаты. Один из них, по фамилии Мягких, увидев вражеских солдат, проявил трусость, крикнув: «Бежим!». Но тут Миша скомандовал: «Стоять! Мы их не боимся».

Этот самоотверженный поступок скрупулёзно зафиксирован в двухтомном мемуарном блокбастере Горбачёва «Жизнь и реформы». Двухтомник по-своему уникалён необычайной плотностью содержащегося в нём хвастливого вранья в пересчёте на одну страницу тёкста. Прочтёшь,

зевнёшь, подумаешь: Горбачёв - это Мюнхгаузен сегодня. Тем не менее пытливый читатель сможет обнаружить в нём кое-какие правдоподобные факты, дающие пищу для размышлений не только о личности номинального автора этого фантастического мемуара, но и более широко - об удивительных превратностях исторических судеб народов и государств.

Ну в самом деле, разве смог бы немецкий мотоциклист представить себе, пусть на мгновение, что один из трёх деревенских пацанов, наблюдающих за ним со стороны, есть не кто иной, как будущий «лучший немец», что он с годами вырастет в мордастенького, плешивого партийного демагога и в одиночку совершит то, что оказалось не по силам самому Гитлеру со всеми его мотоциклистами. При этом Германия оплатит услуги демагога не жизнями своих доблестных солдат, а всего лишь обычными немецкими марками. Ничего подобного мотоциклист вообразить себе, конечно же, не смог бы. И был бы в этом отношении, как показало время, не прав...

Хотя Миша прожил в оккупации менее полугода, тем не менее, похоже, именно в этот период в его чувствительной душе проклюнулись первые ростки признательности германскому государству. Позже, когда Миша стал советским генсеком, он сделал на этом высоком посту для Германии много полезного, во много раз больше, чем для собственной страны.

Истины ради следует отметить, что германское государство, со своей стороны, неизменно отвечало взаимностью на добрые чувства Горбачёва. А когда того требовали обстоятельства, без колебаний приходило ему на выручку. Наиболее широко известен случай этого рода - прилёт в Москву на Красную площадь 28 мая 1987 г. юного западного немца Матиаса Руста на лёгком спортивном самолётике.

Как теперь известно, это была специальная операция, организованная с целью дать терявшему почву под ногами Горбачёву повод для расправы над строптивым руководством Вооружённых Сил СССР. Своё таинственное появление на Красной площади в обход советской системы ПВО Руст объяснил тогда желанием поговорить с Горбачёвым о мире. Забавно, что сам генсек находился в это время в Берлине, и почему бы Русту не отправиться для беседы туда?

Под этот западногерманский подарок, свалившийся с неба, Горбачёв и его клика разгромили верхушку Советской Армии так основательно, что вскоре после этого бывшим советским войскам не осталось ничего иного, как спешно ретироваться из Германии под позорными знамёнами своего заклятого врага генерала Власова (бесики - белые, синие, красные), распевая при этом какую-то дурацкую песню про вечную дружбу с немцами и на фоне отвратительных ужимок упившегося немецким шнапсом до полускотского состояния нового главковерха Ельцина. Очевидцы говорят, будто бы в те дни земля шевелилась от стыда на братских могилах сталинских воинов в Европе.

* * *

Известно немало и других примеров скрытой материальной, пропагандистской и политической помощи Горбачёву в его работе по уничтожению СССР со стороны западногерманского правительства. Но, конечно же, в полном объёме её масштабы проявятся, возможно, только в будущем, когда придёт время рассекретить особо важные архивы германских спецслужб, имеющие отношение к предательской деятельности Горбачёва на посту генсека и президента. Ясно, однако, что помощь была отнюдь не бескорыстной. Горбачёв, как и в случае с Рустом, всегда отдаривал западных немцев, говоря рыночным языком, с большим походом.

Один мой добрый знакомый, многие годы проживший в Германии и имевший широкие связи в кругах тамошней интеллигенции, рассказывал, что и сами немцы в частных беседах нередко удивляются рвению, с которым последний советский лидер служил интересам иностранного государства в ущерб собственной стране. У них на этот счёт имеется даже достаточно ходовая версия. Будто бы в период оккупации Миша Горбачёв, тогда отрок двенадцати лет от роду, дал германским властям письменное обязательство о сотрудничестве. Говорят, будто бы получение таких подписок являлось рутинной формой работы немцев с подростками старше 11 лет на оккупированных советских территориях.

После капитуляции Германии её военные архивы оказались большей частью в руках западных союзников и были подвергнуты изучению на предмет выявления в них документов, пригодных для шантажа или компрометации советских партийных и государственных кадров. Именно в эти силки, согласно этой версии, попал и Горбачёв. В подходящий момент ему якобы напомнили о данном в далёком 1942 г. обещании.

Могло ли так быть на самом деле? А почему бы и нет? То, что Запад использовал немецкие военные архивы в интересах «холодной войны» против СССР, общеизвестно. Коснулось ли это Горбачёва? Не мне об этом судить, но версия такая, повторюсь, хождение имеет. Сточки зрения исследователей феномена Горбачёва она интересна тем, что в общем-то даёт ключ к пониманию логики государственной измены, совершённой этим деятелем тогда, когда для этого у него не было, казалось бы, никаких причин.

Видимо, зная об этих слухах, Горбачёв в своих мемуарах рассказывает, не исключено, что врёт, будто оккупанты намеревались расправиться с ним и его семьёей как с коммунистами, и даже наметили для этого конкретный день 26 января 1943 года. Но 21-го, похоже, сам чёрт принёс, прости господи, наших. Привольное освободили, спасли и Горбачёвых. Выходит, припозднись советские войска хотя бы на недельку, глядишь, немцы и сохранили бы нам наш адрес: Советский Союз. Вот вам живая диалектика истории во всей её загадочности.

В 1950 г., окончив школу и стремясь избежать призыва в армию, Горбачёв подал документы на юрфак Московского госуниверситета. Его

зачислили без экзаменов и даже без собеседования. Приняли во внимание, как полагает сам бывший студент, его «рабоче-крестьянское происхождение», школьную серебряную медаль, трудовой стаж (работал на комбайне с отцом, «комбайнёр» - прозвище, прилипшее в нему сразу после прибытия в Москву на Старую площадь) и то, что он к тому времени был уже кандидатом в члены партии. Быстрый, видно, был паренёк. Но в общем-то и без упомянутых формальных признаков Горбачёв, скорее всего, прошёл бы в МГУ, ибо жизнь тогда складывалась в пользу таких, как он.

Целые поколения великолепной, неповторимой советской молодёжи легли в сырую землю на полях сражений. Почти в то же самое время, когда Мишу Горбачёва вызволяли из оккупации, другой советский мальчик, воистину святая душа, Саша Матросов закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, чтобы уберечь от смерти «други своя». Близкие по возрасту поколения, но какие разные люди, разные судьбы!

Бывший фронтовик, философ Александр Зиновьев как-то сказал, что Германию «победил советский десятиклассник». В этом нет большого преувеличения. Бывая в Европе на кладбищах, где захоронены останки советских воинов, обратите внимание на возраст тех, кто лежит под могильными плитами! В массе своей 18-19 лет, редко 20. Когда началась война, все они были ещё школьниками. Ценой своих жизней они защитили Советскую Родину, спасли мир от фашизма, и вместе с тем дали свободную дорогу для карьерного роста уцелевшему поколению горбачёвых и ельциных. А уже за этими - поднялся из земли, сочно политой кровью советского солдата и прогретой нежарким солнцем мирной брежневской эпохи, густой подлесок гайдаров, чубайсов, кохов, березовских...

В университете Миша Горбачёв был нормальным студентом, хорошо учился, занимался общественной работой. В те годы впервые пересеклись жизненные пути Горбачёва и Анатолия Лукьянова, которому было суждено стать много лет спустя его самым верным и эффективным соратником в деле сокрушения политической системы СССР. В августе 1991 года Горбачёв предаст и продаст его, как перед этим предавал и продавал многих, кто изо всех сил служил лично ему, наступив на глотку собственной совести.

Тогда же в университете Горбачёв вступил в брачный союз с Раисой Максимовной, будущей популярной и нелюбимой в народе последней первой леди СССР, чьей душе было суждено обрести вечный покой опять же в любезной сердцу Михаила Сергеевича Германии.

* * *

Горбачёв окончил МГУ в 1955 году. Это было время политических и нравственных отречений, в высшей степени благодатное для разного рода политических конъюнктурщиков, перевёртышей и прохиндеев. В Москве набирала размах кампания по разоблачению и обливанию грязью предыдущей руководящей команды, - трагической и победоносной

сталинской. Почти за полтораста лет до этого наблюдательный Чаадаев удивлялся: «Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперёд прошедший миг исчезает для нас безвозвратно». У нас многие не любят Чаадаева, но разве в данном случае он не прав?

Горбачёв в студенческие годы и сразу после них прошёл полный курс промывки мозгов в антисталинском духе, что подготовило его к измене. Примерно, в это же самое время в престижном Колумбийском университете в США оттачивал свои таланты прирождённого брехуна и провокатора ещё один будущий соратник Горбачёва, будущий «Геббельс перестройки», Сашка Яковлев. Именно так, Сашкой, называли между собой этого старца с вынутой совестью аппаратные люди из близкого окружения Горбачёва в конце 80-х.

После окончания МГУ Горбачёву по разным причинам не удалось зацепиться в Москве и пришлось довольствоваться направлением «в распоряжение прокуратуры Ставропольского края». Однако, приехав на место, он быстро уловил крестьянским чутьём, что в прокуратуре ему лёгкая карьера не светит. Раскинул ума палатой и, освежив тряпочкой университетский значок на пиджаке, направил свои стопы единственно верным для него путём: «вступил в контакт с крайкомом комсомола». В крайкоме нашлись кое-какие знакомые по прошлой жизни. Они закрыли глаза на отдельные пятна в биографии Горбачёва: находился в оккупации; один из дедов в 30-е был наказан властью «как саботажник», и дали несостоявшемуся юристу место заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды крайкома ВЛКСМ. То есть крайкомовские приятели в данном случае «недоглядели».

Человеку разумному трудно, не впадая в смятение чувств, читать те страницы биографического сочинения Горбачёва, на которых тот фантазирует на тему своей деятельности в ставропольский период. Разумеется, я понимаю, что написаны эти страницы не самим Горбачёвым, а его борзыми седовласыми ребятами. Но даже им, работающим по найму, не пристало, по-моему, до такой степени утрачивать сугубо профессиональное ощущение меры. Ведь в каждом буквально абзаце хвастовство, самолюбование и обязательно ложечка гадости в адрес тех, с кем Горбачёв тогда сталкивался по работе, либо в адрес советской власти. На этих страницах Горбачёв предстаёт перед читателем невероятным умником, поучающим всех и всякого, открывающим перед замшелыми доктринёрами новые горизонты, смело, невзирая на лица, критикующим недостатки в работе руководства. Скользишь взглядом по этой словесной белиберде и думаешь: Боже, за кого же они нас-то, своих читателей, держат?

Мне в пору работы в аппарате ЦК КПСС доводилось в разных обстоятельствах встречаться и откровенно говорить с людьми, хорошо знавшими Горбачёва по ставропольским годам. По их воспоминаниям, он был тогда действительно приметной фигурой, выделялся на общем фоне партийных и комсомольских кадров демократизмом, общительностью, столичным образованием, склонностью к нестандартным действиям,

величайшим усердием в работе, ловкостью в отношениях с начальством, умением быть душою дружеского застолья.

Вместе с тем все отмечали в один голос легковесность Горбачёва в конкретных делах («попрыгунчик какой-то»), его неспособность довести до конца ни одного серьёзного начинания. Особенно резко проступила эта черта личности Горбачёва, когда он достиг уровня первого секретаря крайкома партии, что предполагало его самостоятельную роль, в частности, в развитии сельского хозяйства края. Близкий помощник Горбачёва в те годы А. Коробейников написал о нём книжку, одну из глав которой назвал характерно: «Ни одного завершенного дела». Вот пара строк из этой главы: «Прогремел ипатовский метод - и лопнул; «петушился» над созданием межхозяйственных предприятий - МХП (в народе быстро и по-своему «расшифровали» эту аббревиатуру: Михаил х... придумал) - и бросил; настроил сотни животноводческих комплексов - и забыл о них... И так практически во всём».

Удивительно всё-таки талантливы у нас люди по части характеристик для начальства! Ну что ещё можно сказать более ёмкое о всех делах Горбачёва, чем всего три буквы МХП в их народной интерпретации? «Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то пойдёт оно в род и потомство...» (Н. Гоголь)

* * *

После всего сказанного возникает закономерный вопрос: как же мог человек, страдающий столь серьёзными недостатками как руководитель, добраться до самой верхней ступени на лестнице власти в СССР? Это хороший вопрос, и теперь мы подошли к тому, чтобы заняться им вплотную.

На партийную стезю перевёл Горбачёва из комсомола Фёдор Давыдович Кулаков, который летом 1960 года стал первым секретарём Ставропольского крайкома КПСС. Последний его пост до этого - министр хлебопродуктов РСФСР. Кулаков был жизнерадостным, сильным, ярким человеком, знатоком сельскохозяйственного производства. Горбачёв, к этому времени уже лидер комсомольской организации края, пришёлся ему по душе.

По рекомендации Кулакова Горбачёв заочно закончил Ставропольский сельхозинститут, что дало ему формальное право считать себя выдающимся специалистом в области экономики сельского хозяйства. Что же касается действительного уровня его образования, то об этом трудно сказать лучше, чем это сделал упомянутый выше А. Коробейников: «Университетский диплом не сделал Горбачёва юристом, а диплом экономиста сельского хозяйства, как я мог убедиться, мало что прибавил к знаниям, полученным им в «сельскохозяйственной академии жизни». Словом, его крестьянские корни стали «вещью для себя», а юридические знания так и остались «вещью в себе». Добавить к этой блистательной характеристике общеизвестного нахрапистого дилетантизма Горбачёва мне лично нечего...

В 1964 г. Кулаков переходит на работу в ЦК КПСС, где постепенно достигает высокого положения, входит в круг ближайших соратников Брежнева. Место первого секретаря крайкома занимает известный в партии в те времена Леонид Николаевич Ефремов, отправленный в Ставрополь из Москвы по итогам политической разборки, связанной с отставкой Хрущёва. В августе 1968 г. Горбачёв, не без протекции со стороны Кулакова, становится у Ефремова вторым секретарём.

Вскоре после этого, в апреле 1969 года, наступила первая встреча Горбачёва с Ю.В. Андроповым, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, председателем КГБ СССР. Приехав в Железноводск на отдых, Андропов отклонил традиционный в таких случаях визит вежливости Ефремова: всё-таки тот слыл человеком Хрущёва. И тогда пред очами главного гэбиста страны предстал как посланец крайкома 38-летний баловень судьбы Горбачёв в полном расцвете своих молодых сил.

После 1969 года Андропов стал исподволь пробовать Горбачёва на роль своего второго «друга», - первым был, если помните, академик Чазов. Почему именно Горбачёва? Чужая душа потёмки, мы можем только попытаться угадать наиболее правдоподобный ответ. Наверное, как профессионал политического сыска Андропов прежде всего досконально изучил всё, что имелось в КГБ в отношении Горбачёва. И, похоже, что-то нашёл. Что-то такое, что давало ему шанс контролировать поведение бойкого ставропольца в сложных ситуациях.

Но и без того о Горбачёве ходили слухи, будто он слаб по части левых доходов и вообще не очень чист на руку. Виктор Казначеев, работавший в Ставропольском крайкоме «вторым», когда Горбачёв был «первым», написал о нём книжку: «Последний генсек». В ней есть примечательная строчка о Горбачёве той поры: «Богат он уже тогда был несказанно». Это не пустые слова. Известны яркие факты, их подтверждающие.

Кстати, именно в Горбачёвскую пору Ставрополье приобрело славу родового гнезда советской мафии. Скорее всего, и это обстоятельство принял во внимание Андропов. Будучи опытным контрразведчиком, обладая глубокими навыками в оценке человеческих характеров, Юрий Владимирович, вне всяких сомнений, отметил также для себя примечательные черты личности Горбачёва: патологически честолюбив; умственно неглубок; хвастлив; самонадеян; отъявленный лицемер; лжёт, не краснея; владеет навыками политической демагогия-хорош в компании, на шашлыках; умеет расположить к себе, вызвать на откровенность; легко, без раскаяний, предаёт и продаёт, если ему это выгодно; не имеет стойких политических убеждений.

Было учтено, безусловно, и то, что в Ставропольском крае располагались лечебные и санаторные учреждения, подведомственные Чазову. Сюда регулярно приезжали отдохнуть и подлечиться высокие советские руководители, члены их семей, верхушечные представители советской творческой, научной и спортивной общественности. Горбачёв, к чему, наверное, склонялся Андропов, подходил на роль его личного резидента в этом, с точки зрения КГБ, Клондайке политических слухов,

сплетен, а иногда и серьёзных разговоров.

* * *

Ровно через год после своей первой встречи с Андроповым, в апреле 1970 года, Горбачёв избирается первым секретарём Ставропольского крайкома партии. В 1971 году, уже на правах партийного хозяина края, он знакомится с Чазовым. Они быстро становятся близкими друзьями на почве глубокого уважения к личности Андропова и общей заботы о судьбе государства.

Каждый раз, когда Чазов появлялся на Ставрополье, Горбачёв на два-три дня исчезал из поля зрения своих крайкомовских товарищей. Он угощал нового друга шашлыками на природе. Вместе они много гуляли, обсуждали московские новости, политические хитросплетения в Кремле и на Старой площади, состояние здоровья руководителей государства. Вместе разработали и осуществили план превращения Ставрополья в основную санаторно-лечебную базу 4-го Главного управления. Соответственно, увеличилось количество и повысился ранг приезжающих сюда отдохнуть руководящих товарищей.

Всех их Горбачёву нужно было принять, приветить, посидеть с ними за дружеским столом, выпить рюмкудругую хорошего коньяка, послушать, что говорит разомлевший от тёплого приёма гость. Если говорил лишнеё, об этом быстро узнавал Андропов. Именно так, по свидетельству В. Казначеева, нажил себе и своим друзьям крупные неприятности Юрий Чурбанов, зять Брежнева. Приехав с женой в Кисловодск в отпуск, он выпил с радушно встретившим его Горбачёвым коньяку, расслабился душой, сказал что-то не то. Горбачёв тут же доложил Андропову. В результате брежневский зять оплачивал собственными большими неприятностями Горбачёвское угощение много лет подряд...

А между тем, в Москве обстоятельства Андропова не претерпели серьёзных изменений к лучшему. Он по-прежнему пользовался полным доверием генсека, но число его скрытых и явных противников в Политбюро не уменьшалось, скорее наоборот. Это означало, что в случае кончины Брежнева он почти наверняка потеряет место председателя КГБ, а, может быть, и вообще будет вынужден уйти из политики. Понимая это, Андропов, с одной стороны, всячески содействовал сохранению Брежнева на посту генсека, а с другой, форсировал собственные приготовления к перехвату власти.

Но время играло не в его команде. В 1975 году Чазов информирует Андропова, что здоровье Брежнева резко ухудшилось, и что вопрос о его приёмнике может встать в ближайшем будущем. Андропов занервничал, сорвался и совершил тогда, как мне представляется, свою наиболее серьёзную ошибку в борьбе за власть. Нельзя исключить, что именно она стоила в конце концов самому удачливому из всех председателей КГБ его собственной жизни.

Как уже говорилось, в связи с ухудшением здоровья Брежнева возникла опасность, что на предстоявшем в феврале 1976 г. XXV съезде

КПСС произойдёт смена генсека. Перед лицом этой перспективы, не сулившей лично ему ничего хорошего, Андропов употребил все имевшиеся в его распоряжении силы и средства, чтобы обеспечить сохранение Брежнева у власти. Решая эту задачу, а, может быть, и ещё раньше, Андропову удалось установить почти партнёрские отношения с Устиновым, на тот момент секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро.

В составе Политбюро связка Андропов - Устинов обладала заметным политическим весом. Однако, стремясь ещё больше укрепить свои позиции, Андропов направляет с деликатной миссией в Киев друга Чазова. Ему поручается переговорить с руководителем украинского ЦК Щербицким на предмет подключения его к сотрудничеству с Андроповым, разумеется, в интересах Брежнева.

Именно этот ход представляется мне наиболее серьезным просчётом Андропова из всех, которые он так или иначе, но всё-таки, наверное, допускал в своих комбинациях. Ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает. А Юрий Владимирович, несмотря на все его тяжёлые болезни (последние 20 лет жизни он страдал почечной недостаточностью, нефритом, гипертонией, сахарным диабетом и чем-то ещё), был человеком деятельным. Чазов исполнил поручение. Открыв Щербицкому глаза на болезнь Брежнева, он от имени Андропова пригласил его перебраться в Москву, чтобы поддержать генсека перед съездом. Щербицкий внимательно выслушал гонца, но ответ дал резко отрицательный: «В этой политичёской игре я участвовать не хочу». Андропов был шокирован постигшей его неудачей. Ведь теперь, помимо всего прочего, Щербицкий оказался в курсе того, что председатель КГБ ведёт втайне от ПБ свою игру, формирует собственную команду. И что главный кремлёвский врач Чазов находится у него на службе.

Неизвестно, как распорядился Щербицкий полученной информацией. Однако, как я уже упоминал, температура личных отношений Андропова и Щербицкого пошла на понижение, пока не опустилась в конце концов до уровня холодного взаимного неприятия.

Тогда же перед съездом стали налаживаться неформальные контакты председателя КГБ Украины Федорчука с Черненко; в свою очередь, генерал-полковник Федорчук был доверенным человеком Щербицкого и отличался твёрдым характером. По словам автора весьма содержательной книги «МВД в лицах» Владимира Некрасова, на Украине Федорчук в качестве председателя республиканского КГБ «себя поставил в отношении центрального аппарата КГБ (читай: Андропова. - В.Л.) достаточно независимо». Со временем отношения Чернёнко и Федорчука перерастут в подлинную дружбу. А в короткую бытность Андропова генсеком изобретательный по части диагнозов Чазов публично обвинит Федорчука в том, будто бы это именно он отравил Черненко на отдыхе в Крыму. Но все это ещё впереди.

* * *

Накануне XXV съезда КПСС Андропов ни в коей мере не котировался на роль возможного преемника Брежнева. Хотя разговоры о преемственности уже шли, причём на высоком уровне. Так, советский премьер Косыгин в ходе официальных контактов со своим итальянским коллегой Дж. Андреотти счёл целесообразным предупредить последнего: «Несмотря ни на какие слухи, основной фигурой в будущей политической жизни СССР будет Г. Романов». Аналогичная информация поступила и некоторым другим европейским руководителям. Григорий Васильевич Романов, на тот момент кандидат в члены ПБ, первый секретарь Ленинградского обкома партии, имел в партии репутацию предельно честного, абсолютно не коррумпированного человека, жёсткого, умного технократа, склонного к социальным новациям и экспериментам.

XXV съезд работал в Москве с 24 февраля по 5 марта. Обстановка на нём царила приподнятая. Брежневскому ЦК было чем отчитаться. В предыдущий год подписали Хельсинкское соглашение по сотрудничеству и безопасности в Европе. Внутри страны началось строительство БАМа и формирование крупнейших топливно-энергетических и территориально-производственных комплексов: в Западной Сибири, Красноярском крае, на юге Якутии. Брежнев, и по физическим кондициям, и по результатам работы за отчётный период, показал себя на съезде молодцом. Его переизбрали на «ура!». После съезда новыми членами ПБ стали Устинов и Романов, остальные - Андропов, Гречко, Гришин, Громыко - сохранили свои посты. Черненко подрос до уровня секретаря ЦК.

А вскоре, точная дата 26 апреля, неизвестная ранее ужасная болезнь «заснул и не проснулся» посетила, не потревожив охраны, дом министра обороны СССР Гречко. Ему тогда было 72, не многим старше нынешнего юбиляра. Высокий статный маршал-красавец. Вроде бы серьёзно не болел. Умер тихо, как мышка. Новым министром обороны СССР стал свеженький член ПБ Устинов. Одновременно он сохранил за собой руководство оборонными отраслями. Сложилась своеобразная ситуация: Устинов сам формировал оборонный заказ и сам же его исполнял. Денег, разумеется, не считали. Именно в этом режиме мы насмерть перепугали американцев и настругали танков больше, чем звёзд на небе.

Чуть позже на зарубежных радиоволнах принялись за Романова. Ах, он такой-сякой, взял из «Эрмитажа» «сервиз Екатерины Второй» на свадьбу дочери, а гости в пьяном кураже *его* разбили вдребезги. Хотя свадьба была в 1974 г., вспомнили о ней почему-то в 76-м, после избрания Романова в ПБ. В ЦК потекли письма разгневанных граждан: «Партийного бонзу к ответу!»

Романов, который, разумеется, никогда никаких сервизов в «Эрмитаже» не брал и гуляний не устраивал, обратился за разъяснениями к Андропову. Тот сказал, что, по их данным, акция организована зарубежными спецслужбами с целью политической дискредитации ленинградца. Однако на просьбу Романова сделать по этому поводу от имени КГБ официальное заявление Андропов отвечал: «Ну что мы будем на каждый их «чих» откликаться. Не обращай внимания, работай». Этот

ответ укрепил Романова в его подозрениях, что в действительности утка про сервиз, сломавшая-таки в конце концов его карьеру, вылетела из закоулков КГБ.

* * *

Важные дела, которыми Андропов занимался в Москве и на международной арене, не помешали его дружбе с Горбачёвым. Более того она крепла день от дня. Друзья стали вместе проводить отпуска. Кушали знаменитые Горбачёвские шашлыки, гуляли, забивали «козла», обсуждали литературу и поэзию. Андропов любил творчество Высоцкого, Визбора. Говорили, разумеется, о театре. Если Горбачёву удавалось выведать от приезжавших в край на отдых что-либо интересное, он докладывал новости своему старшему другу.

Наконец, где-то весной или в начале лета 1978 г. Андропов сказал Чазову про Горбачёва: «Вы не ошибаетесь в нём. С ним можно дружить». Это следовало понимать так: «Горбачёв в деле». Тогда же Андропов добавил: «Конечно, было бы хорошо, если бы он был в Москве. Но на сегодня я не знаю, как это сделать».

И надо же такому случиться, вскоре после этого разговора в Москве образовалась необходимая вакансия. Причём, как на заказ, именно под Горбачёва. На этот раз «заснул и не проснулся» не кто-нибудь, а сам Федор Кулаков, наиближайший соратник Брежнева, один из наиболее реальных претендентов на его место. Зарубежная пресса и местные доброжелатели предсказывали ему блестящее будущее: «Ведь вам, Федор Давыдович, нет ещё и шестидесяти!». Однако утром 17 июля 1978 г. Кулакова обнаружили в его постели мёртвым.

Смерть Кулакова явилась шокирующим событием для всей партии. Поползли слухи, будто бы он застрелился. Ходили и другие версии, но и по сей день трагедия Кулакова остаётся одной из самых загадочных страниц в истории брежневских лет.

Интересно читать, что пишет по этому поводу Чазов, удостоенный незадолго до кончины Кулакова звания Героя Социалистического Труда. Как всегда, Чазов прибыл на работу в 8 утра (он много работал), и тут звонок. В телефонной трубке «срывающийся на рыдания голос жены Ф. Кулакова». Разумеется, Герой Труда без проволочек выехал на место. Дальше Чазов акцентирует, будто он «был первым, кто вошёл в спальню, где находился Федор Давыдович». И ему сразу всё стало ясно: «внезапная остановка сердца в связи с болезнью». Ну как же, ведь ещё никому не удавалось умереть без того, чтобы у него не остановилось сердце.

Но вот что в рассказе Чазова вызывает вопросы. Ему позвонила жена Кулакова? А где в это время были охрана, личный врач Фёдора Давыдовича, другие служилые люди, чьей главной обязанностью являлось оберегать Кулакова как государственного человека от любых опасностей, а в случае возникновения таковых обеспечивать экстренную помощь? И опять же: как удалось Чазову войти к покойному первым? Разве никто из охраны или медицинского персонала не попытался до его прибытия чем-

то помочь Кулакову, сделать, например, ему искусственное дыхание?

Чазов обходит молчанием эти важные для него как начальника 4-го главка вопросы. Зато на них отвечает бывший второй секретарь Ставропольского крайкома партии В. Казначеев, знавший семью Кулаковых. В своей книге он пишет: «Накануне вечером дачу Кулакова под разными предлогами покинули охрана и медицинский работник, прикреплённый к каждому члену Политбюро». Многозначительное совпадение, не правда ли?

Можно ли выразить словами боль, которой отозвалась в сердцах трёх друзей смерть Кулакова? Нет, нельзя. Поэтому не буду. Отмечу только, что обстоятельства, при которых произошла трагедия, выявили отдельные недостатки в работе как службы безопасности (Андропов), так правительственной медицины (Чазов). Что касается Горбачёва, то он был безутешен. Ведь покойный, ещё когда был живым, сделал так много для его партийной карьеры.

Однако, с другой стороны, уйдя в мир иной, Федор Давыдович избавил тем самым троих друзей от мучившей их головной боли: для Горбачёва открылась, столь необходимая с точки зрения политических интересов Андропова, вакансия. Поэтому едва отгремел прощальный салют по Кулакову, Андропов, призвав на подмогу Устинова, организует плотное давление на Брежнева с целью вынудить того взять на освободившееся место секретаря ЦК по сельскому хозяйству Горбачёва. Ведь он, как и Кулаков, из Ставрополья.

Генсек колеблется. Тогда Андропов снаряжает к нему на дачу в Крым (на дворе август) Чазова с поручением прояснить позицию Брежнева, а заодно и отдыхавшего с ним по соседству Черненко: не он ли тормозит дело? Вернувшись, Чазов докладывает: поводов для беспокойства нет, процесс идёт. И вот 27 ноября 1978 г. Пленум ЦК КПСС избирает Горбачёва секретарём ЦК по сельскому хозяйству.

Таким образом, гроб его первого партийного покровителя Кулакова послужил Горбачёву и первой ступенькой на лестнице, ведущей к должности генсека. Его посадил на эту ступеньку Андропов для своих собственных надобностей.

* * *

Развивая успех, Андропов энергично проталкивает «своего человека» в святая святых советской политической системы, в Политбюро. Ровно через год, 27 ноября 1979 г., Горбачёв - кандидат, а ещё через год, в октябре 1980 г., полноправный член Политбюро ЦК КПСС. Вообще-то Андропов просунул бы его в ПБ и годом раньше, без кандидатского стажа, но воспротивился Косыгин. Что-то беспокоило мудрого премьера в личности ставропольского везунчика.

Для общественной атмосферы тех лет было характерно, если не запамятовали, всеобщее возбуждение, вызванное многочисленными слухами о якобы страшной коррупции и воровстве в кругах советского руководства, в том числе в ближайшем окружении Брежнева. В своей

основе все эти слухи строились по единой схеме. Будто бы КГБ и лично Андропов смело докладывают Брежневу неопровержимые данные о колоссальных взятках, полученных его родственниками, а генсек, впавший в маразм, не даёт в обиду «своих». Болтали, к примеру, будто бы спецоперация КГБ выявила, что Галина Леонидовна, дочь Брежнева, только за два года получила в виде взяток и подношений 3,1 млн. руб. и 600 тыс. долларов; его сын, Юрий Леонидович, соответственно - 3,4 млн. руб. и 450 тыс. долларов. Ну и так далее. Однако в дальнейшем, когда Брежнев был уже мёртв, общественности не было предъявлено никаких доказательств, подтверждающих эти слухи. Поэтому не исключено, что все они вылетали из того же гнезда, что и байка про «сервиз Екатерины», то есть из лона КГБ.

Так или иначе, но кампания по распространению слухов достигла в те годы своей цели, если таковая, конечно, имелась. На переломе 70-х - 80-х имя Андропова становится в общественном мнении едва ли не символом рыцарской отваги в борьбе против мнимых или подлинных злоупотреблений брежневской команды. В это же самое время сам Юрий Владимирович прекрасно ладил с Брежневым и решал силой его авторитета многие свои личные политические задачки.

В период подготовки к XXVI съезду КПСС и во время его работы (март 1981 г.) трое друзей - Андропов, Чазов и Горбачёв - исходили из того, что «Брежнев нужен Андропову». Поэтому каждый по отдельности и все вместе всемерно способствовали переизбранию больного 74-летнего генсека на очередной срок. После съезда возобновились регулярные тайные встречи Андропова и Чазова. Они сходились либо по субботам в рабочем кабинете председателя КГБ на пл. Дзержинского, либо на его конспиративной квартире в жилом доме на Садовом кольце, недалеко от Театра сатиры. На встречах, как свидетельствует Чазов, говорили «о состоянии здоровья Брежнева, наших (?! - В.Л.) шагах в связи с его болезнью, обстановке в верхних эшелонах власти».

Ничего себе доктор, да? Интересно, а сейчас главный кремлёвский врач тоже занимается конспиративной политической деятельностью за спиной президента? Ведь соответствующие традиции, заложенные за 20 лет Чазовым в нравственный фундамент правительственной медицины, наверное, все ещё живы...

* * *

Ближе к осени 1981 г. доклады Чазова о состоянии Брежнева становятся всё более тревожными. Поэтому друзья принимают решение о необходимости перехода Андропова из КГБ в ЦК, ибо, судя по всему, не за горами последний раунд схватки за власть. Возникает традиционная проблема вакансии. И надо же так случиться... Словом, на этот раз выручил старейший, ещё сталинского призыва, член ПБ 79-летний Михаил Андреевич Суслов. Он слыл догматиком и мешал свободному творчеству художественных интеллигентов, за что они его не любили. Внешне производил впечатление продвинутого аскета, монаха дзен или бедного школьного учителя. Высокий, сухой, с тонкими, ясно прочерченными

линиями умного лица. Предельно честный, обязательный в делах, сдержанный в оценках. Он тщательно следил за своим здоровьем, подозрительно относился к врачам, в силу чего они с Чазовым были взаимно и глубоко противны друг другу. Зато Суслов и на восьмом десятке жаловался по медицинской части разве что на боли в суставах руки.

О его смерти я уже рассказывал. Умер он в январе 1982-го оригинально. В том смысле оригинально, что перед смертью успешно прошёл в ведомстве Чазова плановую диспансеризацию: кровь из вены, кровь из пальца, ЭКГ, велосипед... И всё это, заметьте, на лучшем в СССР оборудовании, под наблюдением лучших кремлёвских врачей. Итог обычный: проблем особых нет, можно на работу. Он позвонил домой дочери, предложил вместе отужинать в больнице, чтобы с утра сразу ехать на службу. За ужином медсестра принесла какие-то таблетки. Выпил. Ночью инсульт. И вот, всего через два дня после благополучной диспансеризации: «Вжик! Вжик! Уноси готовенького!..» Мне других похожих историй в жизни слышать не приходилось.

Примечательно, что Чазов отрапортовал о событии, не дожидаясь, пока Суслов испустит последний вздох. Об этом поведал в своих мемуарах Александров-Агентов, долго работавший у Брежнева помощником по международным вопросам. Он пишет: «В начале 1982 года Леонид Ильич отвёл меня в дальний угол своей приёмной в ЦК и, понизив голос, сказал: «Мне звонил Чазов. Суслов скоро умрёт. Я думаю на его место перевести в ЦК Андропова. Ведь правда же, Юрка сильнее Чернёнко - эрудированный, творчески мыслящий человек?».

Однако когда решение вопроса перешло в практическую плоскость, Брежневу лишь с великим трудом удалось добиться согласия членов ПБ на перемещение Андропова из КГБ на место Суслова. Кто-то его побаивался, кто-то не доверял, кто-то знал о его тяжёлой болезни, кто-то считал в принципе неприемлемым выдвижение в руководство партии председателя КГБ. В конечном счёте, решение в пользу Андропова было принято ценой серьёзной компенсации главным противникам его перехода: председательское место в КГБ переуступили Федорчуку. Брежнев и Щербицкий вместе позвонили из Кремля в Киев Федорчуку с этой новостью. Сначала несколько слов в трубку аппарата ВЧ сказал Щербицкий, потом, без лишних сантиментов, Брежнев: «Мы здесь посоветовались и решили назначить вас председателем КГБ страны...».

Таким образом, Андропова как бы отделили от главного источника его силы. Но, как показало время, верные люди у него там всё-таки остались. И это неудивительно, ведь его «очень уважали и даже любили» в центральном аппарате.

* * *

Андропова утвердили секретарём ЦК в мае 1982 г., а уже осенью умер Брежнев. В первой части своей книги я пытался воссоздать обстоятельства его загадочной смерти, - а кроме того, в своё время

несколько раз поднимал в печати эту тему, полагая, что рано или поздно Чазов будет вынужден публично подтвердить или опровергнуть приводимые мной свидетельства. И не ошибся. Чазов отозвался. И как! Устами великого русского поэта Пушкина он назвал меня Курилкой-журналистом и сказал, что плюёт на меня. Неплохо - для академика двух академий. Какой-нибудь доктор наук, тот просто бы обхамил. А тут всё-таки Пушкин! Но, к сожалению, по существу Чазов не смог сказать ничего. Это позволяет мне утверждать с вероятностью, близкой к единице, что он сознательно фальсифицирует истину. Для чего? Единственно правдоподобный ответ: чтобы скрыть тот факт, что в ночь с 9 на 10 ноября 1982 г. советский лидер Брежнев умер насильственной смертью, и что Андропов имел к этой акции прямое или косвенное отношение.

Всего лишь через три дня после своей последней беседы с Брежневым, а именно 12 ноября 1982 г., Андропов сидел в его кресле генсека. Не ясно, как удалось Андропову так быстро изменить настроение членов ПБ в свою пользу. В литературе на эту скользкую тему иногда туманно намекают: «его поддержала армия»...

Пожалуй, единственным, кто реально выиграл в результате всех этих передряг, оказался Горбачёв. Хотя формально его статус секретаря ЦК по сельскому хозяйству не изменился, фактически он впервые публично выдвинулся в число ближайших соратников генсека. Причём такого авторитетного, как Андропов. Это вообще поразительная черта политической карьеры Горбачёва. Он никогда нигде ничего не добивался собственными успехами, ничего не создавал. В своём последнем обращении к советским гражданам 25 декабря 1991 г., где он подытожил свои труды на благо социалистического отечества, Горбачёв ни разу не употребил таких слов, как «создали», «построили», «возвели». Как созидатель он был и остаётся величайшим ничто. А как политик он постоянно набухал силой исключительно от гробов своих покровителей.

Если проследить карьерный маршрут Горбачёва с момента, когда он, став на гроб Кулакова, впервые дотянулся до низшей ступеньки на лестнице высшей власти и пополз по ней вверх, то хорошо видно, что все его последовательные восхождения и набухания имеют в сути своей трупную природу, усиленную политическим криминалом. Как не прислушаться перед лицом этой очевидной чертовщины к голосам тех людей, которые давно предупреждают, что господь не зря пометил Горбачёва его зловещим кровавым пятном на залысине...

В августе 1983 г., находясь на отдыхе в Крыму, Черненко стал жертвой тяжелейшего отравления. Много позже, в марте 1995 г., мне довелось говорить об этом печальном событии с Анной Дмитриевной, вдовой Черненко. Она сказала: «Тогда в Крыму я с ним в душе уже простилась». Но Черненко выжил, хотя стал инвалидом. Месяц спустя, то есть в сентябре 1983-го, в Крым на отдых отправился Андропов. И с ним тоже здесь произошло нечто, в результате чего качественно осложнились все его заболевания. Чазов грешит на скамейку, на которую якобы неосторожно присел Андропов, отчего застудился. Но ведь Чазов на

выдумки хитёр. Он и в отравлении Черненко обвинил Федорчука, хотя последний, по его собственным словам, находился в это время (уже министром МВД СССР) в Москве и Черненко в глаза не видел. Разного рода шептуны поговаривают, мол, не надо было Андропову ехать в хозяйство Щербицкого. У того ведь тоже есть гордость и своё КГБ. Но кто тут что может теперь доказать или опровергнуть...

Однако факт есть факт: Андропов ладил более или менее благополучно со своими болезнями 20 лет, но как только достиг того, к чему всю жизнь стремился, - высшей власти, - смерть подобрала его. Он долго, с невероятным упорством и нечеловеческой силой воли, цеплялся за жизнь и свою новую должность, пытался руководить партией и страной из больничной палаты. Увы и ах! Похоже, будто сам Брежнев вызывал его.

И снова: кончина Андропова обернулась для Горбачёва политической выгодой. Теперь он обрёл право изредка председательствовать на заседаниях ПБ, когда Черненко болел или находился в отпуске.

Осенью 1984 г. Горбачёв и Чазов организуют сильнейшее давление на Черненко, понуждая его поехать в отпуск на родину Горбачёва, в Кисловодск, в расположенный там в горах специальный по высшему классу санаторный корпус. Это было именно сильнейшее давление, чему есть немало свидетельств. О том же говорила мне и вдова Черненко. Напомню, что ещё со времён войны Черненко страдал эмфиземой лёгких, чего, разумеется, не мог не знать Чазов, и десять дней пребывания генсека в обстановке холодного горного воздуха сделали своё дело. Черненко был в экстренном порядке на носилках транспортирован из Кисловодска в Москву без шансов на выживание. Характерно, что в своих мемуарах Чазов с партизанским упорством обходит этот немаловажный эпизод своей врачебной деятельности молчанием. Да и то сказать: даже дважды академик вряд ли сможет правдоподобно соврать, для чего нужно было человека с хронически больными лёгкими засылать в это гиблое место.

* * *

В конце декабря в Москве - трах! бах! - неожиданно умирает последний покровитель Горбачёва маршал Устинов. Его смерть - отдельная история, но о ней как-нибудь в другой раз.

С кончиной Устинова взаимное смертоубийство белых и чёрных завершилось. Тогда Горбачёв, не веря глазам своим, увидел, что путь перед ним открыт. За окнами народ, утомлённый гробовой чехардой на Красной площади, бурно желает молодого генсека. Пришёл тайными путями гонец от Громыко, предлагает бартер: Андрей Андреевич порекомендует Горбачёва в генсеки, если Черненко, упаси боже, умрёт, а взамен просит избрать его Председателем Президиума ВС СССР. Тишком ударили по рукам.

27 февраля Горбачёв и Лигачёв посетили в больнице Черненко. Как потом рассказал Лигачёв, Черненко выглядел «лучше, чем мы предполагали», обнаружил «ясный ум», намеревался скоро «вырваться»

из больницы. То же самое подтверждает и Анна Дмитриевна, регулярно навещавшая мужа. Все, как обычно. В Политбюро никто ни о чём не догадывается. В эту паузу Громыко удается спровадить в США Щербицкого во главе какой-то проходной парламентской делегации. Другой опасный человек, Романов, отдыхает в Паланге. И тут, надо же такому случиться, Чазов сделал из Кремлёвской больницы отмашку: «Поехали!»

В последней книжке Чазова «Рок» есть его, поразительное в устах врача по своему цинизму и бестактности, хвастливое откровение. Он бахвалится, что Чернёнко, даже став Генеральным секретарём, не догадывался о его дружеских отношениях с Горбачёвым. Это надо понимать так, что даже на смертном одре Черненко не озарила мысль, что у его изголовья хлопочет не врач, а политический игрок, состоящий на службе у человека, прямо заинтересованного в его (Черненко) скорейшей смерти. И она пришла ветреным, холодным воскресным вечером 10 марта 1985 г.

Рано утром в понедельник Горбачёв ехал на своём «членовозе» в Кремль, предвкушая в сладком волнении неизбежную победу. Он снял трубку спецсвязи, вызвал Чазова. Когда тот откликнулся, с чувством поблагодарил его за всё, что он бескорыстно сделал для него за годы дружбы. Помолчав, добавил: «Особенно в _последнее время_» (курсив мой. - В.Л.).

Вот так пешка прошла в генсеки. Со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями для партии и страны.

Часть 4. Горбачёв берётся за дело

Когда и для чего началась в СССР «перестройка»? Вопрос простой, а правильный ответ на него услышишь редко. Даже от людей в этой материи, казалось бы, сведущих. Вот подвернулась мне под руку книжка Ивана Лаптева «Власть без славы». Полистал странички - и вдруг наткнулся на слова, будто Горбачёв, «сразу заявивший ни много ни мало о перестройке, с первых дней своего генсекства вызвал смутную тревогу, прежде всего, у аппарата». Какая глупость!

Иван Дмитриевич прошёл большой жизненный путь. Работал в Отделе пропаганды ЦК КПСС, где слыл за хорошего человека. При тяжко больном Черненко ушлые помощники Константина Устиновича просунули Ивана как «своего» в главные редактора «Известий», где он звёзд с неба не хватал, но старался изо всех сил под присмотром и руководством своего первого зама Голембиовского.

Потом, когда пришло время, они стали вместе помогать профессиональному провокатору Александру Яковлеву дискредитировать партию, Советскую власть и социализм. За это Иван был продвинут в народные депутаты СССР и даже стал председателем Совета Союза ВС СССР. В августе 1991-го помогал Горбачёву и Ельцину расправляться с «путчистами», а также со Съездом народных депутатов и Верховным

Советом. Предполагаю, что он доктор каких-нибудь наук, потому как быть таким большим начальником и не преуспеть в науках невозможно. И вот такой компетентный свидетель эпохи утверждает печатно, будто Горбачёв сразу, т.е. в 1985 г. заявил «ни много ни мало о перестройке»!

А между тем на моей книжной полке пылится в статусе раритета изданное в 1987 г. в Москве 300-страничное пособие «для системы политической учёбы» под названием «Стратегия ускорения». Написали его совместно: один член-корреспондент АН СССР, семь докторов и четыре кандидата наук, чей совокупный интеллект, во всяком случае, не уступает интеллекту Ивана Лаптева. Из пособия следует непреложно, что ни в 1985-м, ни в 86-м, ни в 87-м перестройка ещё не имела места быть, хотя слово такое в 1987 г. и в самом деле стало появляться в партийных документах вторым планом при «стратегии ускорения».

Правда в том, что «с первых дней своего генсекства» Горбачёв провозгласил себя не перестройщиком, а великим экономистом, намеренным уже в ближайшие 1,5 - 2 года вывести экономику СССР на самые передовые рубежи. Экономику он объявил своим любимым делом, о котором способен говорить часами. И действительно - говорил...

Однако «с самого начала своего генсекства» Горбачёв лично изувечил то, в чём, как полагал, лучше всего разбирался, т.е. систему государственного управления сельским хозяйством. Несмотря на все возражения руководителей трёх крупнейших республик Союза: Казахстана (Кунаев), России (Воротников) и Украины (Щербицкий),- он добился упразднения всех сельскохозяйственных министерств и возведения на их руинах единого Госагропрома СССР. Но вскоре был вынужден признать, что эта мера была крупнейшей ошибкой. Тем не менее, аналогичная судьба постигла и систему управления машиностроительными отраслями. Соответствующие министерства (около двух десятков) пошли на слом, а вместо них возникло некое Бюро Совмина по машиностроению.

За всей этой реформаторской суетой пристальным немигающим взглядом почуявшего обильную трапезу удава наблюдала администрация США. И, абсолютно точно выбрав наилучший момент, нанесла в конце концов из-за океана по экономике СССР удар сокрушающей силы. Едва только наши тогдашние лидеры очнулись после триумфального для них XXVII съезда КПСС, американцы (воздадим должное их стратегическому мастерству), используя своё влияние в странах ОПЕК, безжалостно обрушили мировые цены на нефть. Если в конце 1985 г. цена за баррель достигала 30 долл., то в марте-апреле 1986 г. она упала до 13 долл. Вдобавок, в самом конце апреля страну постигло новое великое несчастье - чернобыльская катастрофа.

В государственной казне задули ветры разорения и нищеты. Все это нужно было как-то объяснять и без того измученному трезвостью и магазинными очередями народу. В той накалённой атмосфере былые мартовские соратники быстро перессорились друг с другом. Уже в середине 1986-го перед Горбачёвым обозначилась перспектива утраты

власти. Тем более неприятная, что ещё при Черненко МВД СССР (министр Федорчук) успело организовать небольшую проверку деятельности Горбачёва за время, когда он возглавлял Ставропольскую краевую парторганизацию. По слухам, быстро нарыли материалов, имеющих хорошую судебную перспективу. Поэтому при неблагоприятном стечении обстоятельств утрата места генсека вполне могла обернуться для Горбачёва местом на скамье подсудимых. Реальных политических ресурсов сохранения власти оставалось немного.

Правда, газетчики продолжали дружно поносить Брежнева как главного виновника всех бед, возбуждая тем самым кровь в жилах либеральных интеллигентов. Но этого было явно недостаточно для спокойной жизни.

* * *

Тогда Горбачёв обратил свой взор в сторону США. В августе 1986 г. он послал туда свой отчаянный вопль о помощи, согласившись в одностороннем порядке исключить ядерные арсеналы Англии и Франции из рассмотрения на советско-американских переговорах по разоружению. США оставались невозмутимы. Горбачёв принялся выпрашивать у Рейгана личную встречу. Подчеркнуто неохотно Рейган дал в конце концов своё согласие на таковую в Рейкьявике. В октябре, прихватив с собой Шеварднадзе и Яковлева (хорошая компания), Горбачёв отправился в Рейкьявик на приём к Рейгану.

За шесть лет пребывания в должности Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёв одиннадцать раз встречался с президентами США. Пять раз с Рейганом, шесть - с Дж. Бушем. Итог этих встреч известен. Советский Союз и его армия исчезли с политической карты мира, а США превратились в единственного абсолютного гегемона на мировой арене. Американской дипломатии есть чем гордиться. Российской - над чем смеяться и рыдать...

Встреча Горбачёва с Рейганом в Рейкьявике 11-12 октября 1986 г. положила начало тайному сотрудничеству генсека с правительством США, или шире - с правительствами ведущих государств-членов НАТО. Для мирового сообщества пропаганда подавала многочисленные прямые контакты Горбачёва с руководителями этих стран как этапные звенья процесса всеобщего ядерного разоружения. Однако в действительности, помимо разоружения, подобные контакты всегда имели второй и третий уровень, о содержании которых догадывались немногие, а знали - единицы. Переговоры велись здесь исключительно «с глазу на глаз», то есть в присутствии только иностранного переводчика.

Политбюро не имело возможности контролировать эту сторону поведения Горбачёва. Особенно с 1988 г. когда, окончательно погрязнув в склоках, ПБ утратило способность к сколь-нибудь эффективным действиям. Шеварднадзе, предусмотрительно выдвинутый Горбачёвым в министры иностранных дел СССР из провинции, мало что смыслил поначалу в сложной материи международных отношений. И лишь позже,

смекнув, наконец, о чём идёт речь, постарался не упустить возможность урвать от пирога измены что-нибудь и для себя самого.

В Рейкьявике американцы далеко не сразу смогли осмыслить ошеломляющий факт, что советский генсек готов вручить им свою политическую судьбу в обмен на гарантии безопасности и благополучия. А когда, наконец, осмыслили, дали знак о согласии. Этим знаком стала известная история с посадкой в Москве на Красной Площади немецкого пилота Матиаса Руста. Перелётом Руста американцы продемонстрировали Горбачёву, что имеют в своём распоряжении не только «кнут» в виде понижения цен на нефть, но и «пряник». Получив «пряник», Горбачёв на Политбюро разыграл страшное возмущение «беспомощностью военных», и на этом основании вычистил верхушку СА от слишком строптивых. Главное - убрали министра обороны Соколова.

Для Горбачёва «дело Руста» было, однако, не только «пряником», но и «услугой» в том смысле, в котором употреблял этот термин знаменитый герой американского кинематографа дон Корлеоне. Как помним, «крестный отец» никогда не называл заранее цену своей «услуги», но наступал час, и он безотказно получал с должника то, что ему было нужно именно в данный момент. За Руста натовцы получили голову Соколова. Так с того времени и повелось. За каждую новую «услугу» Горбачёв должен был рано или поздно расплачиваться новыми уступками в сфере жизненно важных интересов СССР и его союзников.

По мере того, как политические позиции Горбачёва у себя дома становились всё более шаткими, его потребность в «услугах» становилась все выше, словно у наркомана, «севшего на иглу». Соответственно росли и натовские цены. Заокеанские друзья подсказывали ему шаг, он делал его - и оказывался в ещё более тяжёлом положении. Тогда ему подсказывали новый шаг, он снова слушался, и снова его положение становилось хуже. В то же самое время те, кто ему подсказывали, получали все, чего на самом деле желали, то есть необратимое разрушение политических, экономических и военных устоев СССР.

* * *

С чего и когда на самом деле началась пресловутая «перестройка»? Она началась со стремления Горбачёва удалить от себя Лигачёва, ставшего опасно сильным конкурентом.

Будущий член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Егор Кузьмич Лигачёв, родился 29 ноября 1920 года в деревне Дубинкино, Чулымского района Новосибирской области. Относительно места рождения Лигачёва энциклопедические источники информируют скупо: «Чулым, г. (с 1947), райцентр в Новосиб. обл., на реке Чулым. Ж.-д. ст.». Все. О деревне Дубинкино ни полслова.

О родителях Лигачёва мне, по сути, ничего неизвестно. Однако когда во второй половине 80-х его имя привлекло к себе внимание западной публики, в зарубежных газетах появилась информация, будто происходит он из семьи сибирских староверов. Позже, как водится, тему подхватили

российские кудесники слова. Сам Лигачёв газетные пересуды о своей родовой принадлежности к наиболее древней христианской традиции русского народа, на моей памяти, никогда не комментировал.

Поскольку Егору Кузьмичу повезло родиться при советской власти, он смог поступить из деревни Дубинкино в Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе, который закончил в 1943 году. После института недолго работал на инженерных должностях на Новосибирском авиационном заводе. В 1944 году вступил в ВКП(б) и стал быстро продвигаться по ступеням комсомольской, а потом партийной карьеры.

Однако по своему характеру Лигачёв не был расположен к аппаратной работе. Поэтому всякий раз, оказавшись по воле судеб на аппаратной службе, он принимался искать малейшую возможность, чтобы уйти, пусть и с понижением, но на самостоятельную стезю, от бумаг - к живым людям, живому делу. В 50-е годы с благополучной аппаратной должности заместителя председателя Новосибирского облисполкома ушёл первым секретарем Советского райкома КПСС. Это стало одним из поворотных событий в его судьбе. На территории района быстрыми темпами создавался знаменитый на всю страну, а позже и на весь мир, новосибирский Академгородок. В совместных заботах Лигачёв сблизился с лидерами советской науки, легендарными отцами-основателями Сибирского отделения АН СССР академиками Лаврентьевым, Христиановичем, Марчуком, Соболёвым, Будкером, Александровым, другими выдающимися советскими учёными, у которых, как сам позже вспоминал, «многому, очень многому научился».

Поскольку создание Сибирского отделения АН СССР велось при активном содействии со стороны ЦК КПСС и правительства, Лигачёв в роли секретаря Советского райкома впервые оказался в поле зрения людей из высших московских инстанций. За этим последовало промежуточное повышение в секретари по идеологии Новосибирского обкома партии, и в 1961 году - приглашение в Москву на должность заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Бюро ЦК КПСС по РСФСР (было у нас такое во времена Хрущёва).

Осенью 1965 года, в очередной раз наскучив аппаратной службой, пусть даже и в столице, Лигачёв обратился к новому лидеру партии Брежневу с просьбой «направить на партийную работу куда-нибудь подальше от Москвы, желательно в Сибирь». Брежнев, славившийся своим даром разбираться в людях («умел использовать людей, как книги»,- сказал о нём его многомудрый помощник Александров-Агентов), верно оценил незаурядные способности и бескорыстную амбициозность 45-летнего ходатая, предложив ему в качестве полигона для самостоятельной деятельности забытую Богом и людьми в стороне от главных сибирских дорог Томскую область. Лигачёв отказываться не стал, хотя «особой радости не ощутил».

Много лет спустя, уже после XXVIII съезда КПСС, на котором Горбачёву наконец-то удалось лишить его всех партийных постов и вывести из состава ЦК, Лигачёв, окидывая мысленным взором пепелище

своей партийной карьеры, смог по достоинству оценить годы работы с подачи Брежнева в Томске: «Теперь, с дистанции времени, могу сказать, что томский период был самым интересным, самым прекрасным в моей жизни».

Годы работы в Томске дали Лигачёву возможность показать, на что он способен, когда действует самостоятельно, на свой страх и риск. При нём область как бы заново родилась для страны. Резко возрос её экономический потенциал. Были разведаны месторождения нефти и начата их промышленная эксплуатация. Впервые за предыдущие годы область стала обеспечивать себя продукцией сельского хозяйства. Используя свои связи в академической среде, наработанные в пору секретарства в Советском райкоме, Лигачёв добился учреждения в Томске филиалов СО АН СССР и АМН СССР, а также открытия ряда высших учебных заведений, превратив тем самым Томск в значимый научный и вузовский центр Сибири.

В эпоху Лигачёва в Томск стали наведываться высокие руководители союзного уровня, раньше не баловавшие область своим вниманием. Побывали Косыгин и Дымшиц, зачастили союзные министры, особенно нефтяники: Кортунов, Мальцев, Шашин...

Как первому секретарю обкома Лигачёву удалось с выгодой для области наладить контакт с человеком-легендой советского оборонного генералитета - Ефимом Павловичем Славским, трижды Героем Социалистического Труда, прошедшим за свою долгую жизнь головокружительный путь от батрака у помещика, затем бойца Первой конной армии РККА до министра среднего машиностроения СССР. Посвящённые знают, чем был в Союзе Минсредмаш.

Уже в ту пору, опираясь на поддержку областной парторганизации, Лигачёв пытался «в отдельно взятой области» бороться против распространённого порока пьянства на производстве и в быту, устраивая в этих целях как всевозможные оздоровительные мероприятия, вроде популярного в городе «дня лыжника», так и административные наезды на розничную торговлю алкоголем. В один из своих приездов в Томск президент АН СССР академик Александров вечером, за суровым безалкогольным ужином в обществе первого секретаря обкома, после долгой недовольной паузы ворчливо сказал сопровождавшему его человеку: «Пойди принеси из моего багажа бутылку водки. От Лигачёва, все знают, не дождёшься». «Пришлось угостить», - улыбнулся, вспомнив об этом эпизоде, Лигачёв.

Не буду дальше утомлять читателя перечислением успехов Лигачёва на посту первого секретаря Томского обкома КПСС. И без меня достаточно красноречиво говорит о них тот факт, что спустя почти два десятилетия после того как он покинул этот пост, новое поколение томичей избрало его в принципиально новых политических условиях своим депутатом в Государственную думу.

По-моему, это событие, действительно сенсационное, делает честь не

только Егору Кузьмичу, но и самим жителям Томской области. Многие годы все средства демпропаганды промывали им мозги в духе отторжения личности бывшего первого секретаря. В ходе избирательной кампании против Лигачёва был задействован немалый административный и финансовый ресурс буржуазной власти. И тем не менее томичи не поддались давлению, сделали выбор в пользу человека, который не на словах, а на деле всегда верой и правдой служил их интересам. Этот факт свидетельствует, что возможности информационного манипулирования сознанием людей в политических целях отнюдь не беспредельны. Что радует.

* * *

Возвращение Лигачёва в Москву было во многом парадоксальным. Горбачёв в своём рекламном буклете «Жизнь и реформы» не оставляет места сомнениям: это он внушил Андропову мысль пригласить Лигачёва в Москву. Какие интересы преследовали при этом Горбачёв и Андропов - остаётся загадкой, но не подлежит сомнению, что они ошиблись: Лигачёв ни разу не поступился своими принципами и до самых последних дней существования СССР оставался его яростным защитником.

Впрочем, и Лигачёву тоже случалось ошибаться в выборе союзников: наиболее красноречивым или, может быть, лучше сказать вопиющим примером этого могло бы послужить проталкивание на высшие должности в КПСС будущего махрового предателя Ельцина. Здесь Лигачёв сыграл решающую роль, движимый при этом, разумеется, искренней заботой об укреплении партии и о благе народа.

Принципы были для Лигачёва всегда самым главным. По этой причине, по моим наблюдениям, уже в 1986 году начались и далее быстро углублялись его расхождения с Горбачёвым, которого чрезвычайно беспокоили высокая деловая активность и возрастающий авторитет Лигачёва как в СССР, так и за границей.

С 1987 года Горбачёв, по-видимому, приходит к окончательному решению убрать Лигачёва. Но как это сделать? Его же нельзя было просто уволить из состава ЦК, куда Егора Кузьмича, как и Горбачёва, избрал XXVII съезд. Тогда генсеку подсказали убрать не самого Лигачёва, а Секретариат ЦК, которым тот руководил. В январе 1988 г. Горбачёв провёл через ПБ постановление «Об упорядочении деятельности Политбюро и Секретариата ЦК КПСС», в соответствии с которым Секретариат де-факто прекратил своё существование. Это и стало началом Горбачёвской «перестройки».

После упразднения Секретариата ЦК осталась, однако, проблема обкомовских первых секретарей, большинство из которых упорно поддерживали Лигачёва. Когда в марте в «Советской России» появилась статья Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», генсеку подсказали, что из неё вполне можно раздуть скандал по схеме «дела Руста», почистив под него обкомовские кадры. Идея снова понравилась. Но вскоре выяснилось, что большинство обкомовских первых секретарей

являются членами Пленума ЦК, откуда, по Уставу партии, их может вычистить только съезд.

Тогда Горбачёву подсказали, что нужно созвать Всесоюзную партконференцию, на которой почистить не только корпус первых секретарей, но заодно и весь Пленум ЦК, в котором развелось опасно много консерваторов. Понравилась и эта идея. Однако когда занялись её осуществлением, Горбачёву подсказали, что глупо рубить собаке хвост по частям, если можно отхватить его одним махом весь сразу. Предлагалось для этого на партконференции в июле 1988-го не заниматься кадровой мелочёвкой, а под шум либеральных речей протащить от имени КПСС идею политической реформы. Тем самым партия посадит на шею самой себе и Советской власти Съезд народных депутатов СССР, который легитимирует личную власть Горбачёва, уже не зависящую от партии.

В итоге, обещали Горбачёву, получится так, что сам он как генсек сохранит и даже усилит контроль над партией, а последняя останется с носом, поскольку не сможет больше угрожать власти Горбачёва. И генсек проглотил наживку. Не знаю, понимал ли он при этом, что именно проглотил.

Дело в том, что идея Съезда народных депутатов, по сути, переводила интригу Горбачёва против КПСС на качественно иной уровень. До этого борьба шла исключительно вокруг персоналий: одного выдвинуть, другого задвинуть. Занятие по форме своей для внутрипартийной жизни обычное, даже рутинное. Теперь же в повестку дня, если смотреть в корень, ставился вопрос о ликвидации КПСС как политического института. Таким образом, очередной жертвой борьбы Горбачёва за удержание власти становились уже не Лигачёв, Петров или Сидоров, но абсолютное большинство населения и Советское государство в целом.

* * *

Трудно сказать, случайно или нет, но подготовка к демократическим выборам народных депутатов СССР совпала с серьёзнейшим усилением сектора «чёрной» экономики. 8 мая 1988 г. был принят «Закон о кооперации», благодаря которому «теневики» получили новые вливания денег. Не знаю, каковы были реальные масштабы обналичивания бюджетных денег через кооперативы. Однако хорошо помню, что в то время в аппарате ЦК на этот счёт фигурировала промежуточная справка финансовых органов с указанием цифры в 29 млрд. рублей. Даже по «чёрному» валютному курсу это были гигантские деньги, а уж по официальному - тем более. Понятно, что львиная их доля осела в карманах паханов «теневой» экономики.

Предвыборная кампания проводилась по экзотическим правилам политической реформы. В Орготделе ЦК действовал, например, запрет на телефонные контакты с местными парторганизациями, «чтобы не мешать демократии». Вместе с тем открылись каналы, по которым, наверное, впервые с 20-х годов, в СССР стала возможна инфильтрация теневых

капиталов в политическую сферу. В. Грушко пишет, что в 1989 г. КГБ арестовал одного из «крёстных отцов» экономической мафии, который объединил своих сообщников на подконтрольной территории для продвижения в народные депутаты СССР своих людей. Всего по линии КГБ в 1989 г. было арестовано около 300 представителей «чёрной» экономической силы. Однако эти запоздалые меры были уже не в состоянии предотвратить обвальное насыщение политической жизни криминальными деньгами в интересах их владельцев.

В рамках Съезда народных депутатов СССР и произошла историческая смычка критической массы теневого капитала с армией истосковавшихся от безделья в своих НИИ, аудиториях и курилках советских либералов, охотно взявших на себя роль яростных идеологов капиталистического реванша. Заволновалась, почуяв смутные времена, та часть партии, которая в брежневские времена прорывалась в КПСС ради карьеры через бюрократические ограничения на приём по графе «служащие». Многие покинули партию, другие - выпали в осадок и кристаллизовались внутри КПСС в качестве агрессивной «пятой колонны». Среди рабочих первыми дали тягу из КПСС наиболее высокооплачиваемые. Так в самый ответственный момент проявила себя глубокая порочность системы отбора в КПСС нового пополнения, действовавшая при Брежневе.

Лично для Горбачёва реализация предложенной ему идеи Съезда обернулась новыми, ещё более сложными проблемами. В партийных массах окончательно утвердилось мнение, что генсек - предатель. На этой антиГорбачёвской основе начался процесс самоорганизации партии снизу, получивший своё выражение в стремлении учредить Российскую республиканскую компартию. Потенциально она могла объединить в своих рядах до 60% всего состава КПСС.

В июне 1990 г. Горбачёв как генсек потерпел своё самоё крупное с марта 1985 г. поражение. Несмотря на все ухищрения, ему не удалось воспрепятствовать учреждению Российской компартии и избранию её лидером Ивана Полозкова. Зато на XXVIII съезде КПСС партии были навязаны Горбачёвым качественно новые программные и уставные документы, в результате чего в июле 1990 г. КПСС де-юре прекратила своё существование как единая централизованная политическая организация.

По новому Уставу с чрезвычайно большим трудом, но Горбачёв всё-таки был переизбран прямым голосованием на пост генсека, уйдя таким образом из-под контроля Пленума ЦК. Заместителем генсека, также прямым голосованием, был избран представитель Украины Ивашко, человек крайне осторожный, умело косивший на публике под фольклорного хохла-балагура.

Съезд, под диктовку Горбачёва, сформировал абсолютно недееспособные символические ЦК, его Политбюро и Секретариат. Правда, в какой-то момент оппонентам Горбачёва удалось провести решение о включении в состав ПБ республиканских президентов, что

несколько повысило авторитет этого органа. На съезде, с подачи Горбачёва, членом ПБ и Секретарём ЦК был избран первый секретарь Красноярского крайкома партии Олег Шенин. В своём первом выступлении в новом качестве перед аппаратом ЦК 29 августа 1990 г. Шенин сказал: «Обстановка будет усложняться. Нам надо ориентировать себя и партийные комитеты на чрезвычайную ситуацию».

О характере отношений, установившихся после съезда между генсеком-президентом и партийными структурами говорит такая деталь. 25 июля Горбачёв разослал по закрытым каналам партийным комитетам директиву оказать содействие местным властям в организации уборки урожая, который выдался в тот год очень большим. Ответная реакция райкомов оказалась почти дерзкой. В ЦК поступили несколько вызывающих телеграмм, в которых генсеку напомнили его демагогию о недопустимости вмешательства партийных органов в дела производства.

В обстановке тотального разгрома партийных структур и полной утраты Горбачёвым (уже как Президентом СССР) контроля над ситуацией нарастала волна наглого экономического саботажа, прилавки магазинов пустели, а товарные ресурсы вывозились на свалки. Вот строчки о тогдашнем положении в СССР из французского еженедельника «Революсьон»: «Советский Союз подвергается подлинной идеологической «шоковой терапии». Она весьма своевременно подкрепляется неожиданными и довольно странными дефицитами (табак, хлеб), которые, несомненно, являются частично следствием саботажа, но в любом случае - объектом манипуляций. На этом этапе речь идёт о том, чтобы привести людей в шоковое состояние и насадить ту мысль, что ничто, уже абсолютно ничто не может быть для них хуже, чем ситуация сегодняшнего дня. А этот сегодняшний день называется социализм».

В номере за 14 ноября 1990 г. «Правда», которую редактировал Горбачёвский порученец Иван Фролов, выдала информацию о достигнутой Горбачёвым и Ельциным договорённости запретить коммерческую деятельность парторганизаций. Эта мера окончательно затянула на шее КПСС финансовую удавку. Ведь и без того из-за финансовых трудностей к этому времени были ликвидированы все платные должности на уровне первичных парторганизаций, на 70% сокращены штаты райкомов и горкомов партии. В аппарате ЦК КПСС на 1 января 1988 г. было 1922 ответственных сотрудника. На 1 января 1991 г. их осталось не более 400, причём работали они в основном на Горбачёва как президента.

* * *

Роковой 1991 год начался для партии с того, что можно было бы назвать в стилистике карманных детективов «бегом наперегонки со смертью». Вопрос стоял так: либо КПСС стремительно консолидирует свои остаточные силы вокруг ЦК КП РСФСР и сметёт Горбачёва, либо Горбачёв вместе со своим косноязычным зеркальным двойником Ельциным под руководством западных стратегов в ближайшей перспективе окончательно разгромят породившую их партию, уничтожив заодно и страну.

В ЦК КПСС и ЦККП РСФСР потоком пошли резолюции партийных собраний и пленумов, в том числе из воинских частей и гарнизонов, с требованиями созвать внеочередной или чрезвычайный съезд КПСС, чтобы избавить на нём, наконец, партию от Горбачёва. В короткий срок 46 из 72 российских обкомов приняли решения добиваться созыва съезда и отставки Горбачёва. В конце января на совещании в ЦК КПСС первых секретарей ЦК республиканских компартий, а также крайкомов и обкомов партии член Политбюро, Президент Узбекистана Ислам Каримов открытым текстом сказал Горбачёву то, о чём в среде профессиональных партийных работников догадывались уже многие: «Михаил Сергеевич, нам пора перестать делать вид, будто всё, что происходит сейчас в партии и стране, происходит стихийно. Ведь очевидно, что есть специальные центры и есть люди, которые организуют все эти опасные процессы. Нам нужно говорить о них открыто, называть их». Горбачёв даже не решился возразить.

Внутриполитический кризис в стране достиг своего пика в апреле. На Пленуме ЦК Горбачёв, в очередной раз столкнувшись с жестокой критикой со стороны партийных секретарей, прибывших в Москву из кипящей гущи народной, впал в истерику и сделал публичное заявление об отставке. Но вовремя опомнился, и дело до голосования довести не решился. Однако слово «отставка» прозвучало.

В этом месяце в Орготделе ЦК КПСС начали исподволь готовить внеочередной съезд партии. При этом предусматривались два варианта его проведения, в зависимости от политической ситуации. Один, традиционный - в Кремлёвском Дворце Съездов; другой, чрезвычайный - в Большом конференц-зале ЦК на 1200 мест. Однако уже тогда большинство опытных партработников высказывали убеждение, что этот съезд не состоится никогда, ибо Горбачёву его не пережить.

В апреле на партийной конференции аппарата и войск КГБ СССР член ПБ, Секретарь ЦК Олег Шенин выступил с речью, в ходе которой произнёс две фразы, которые, как полагаю, определили его будущую судьбу клиента «Матросской тишины». Первая: «Если посмотреть, как у нас внешние сионистские центры и сионистские центры Советского Союза сейчас мощно поддерживают некоторые категории и некоторые политические силы, если бы это можно было показать и обнародовать, то многие начали бы понимать, кто такой Борис Николаевич и иже с ним». Вторая: «Я без введения режима чрезвычайного положения не вижу нашего дальнейшего развития, не вижу возможности политической стабилизации и стабилизации экономики».

В апреле же стартовал пресловутый «новоогаревский процесс», в ходе которого, как считалось, государственные люди придумывают новый Союзный Договор. На самом деле это была неконституционная сходка, на которой Горбачёв, Ельцин и другие «отцы демократии» торговались об условиях раздела СССР.

Если отбросить в сторону словесную шелуху, реальных проблем было у них всего две. Во-первых, стремление автономных образований

участвовать в дележе на равных с республиками. Естественно, лишние рты никому не были нужны. Отсюда трудности торга. Во-вторых, и это была действительно ключевая проблема: что делать с Горбачёвым? Другими словами, кто кому будет платить?

Горбачёв, что ярко свидетельствует о его в ту пору умственной истощённости, настаивал на своём праве распоряжаться, скажем так, «постсоветским общаком». То есть он будет консолидировать в своих руках налоговые поступления из всех новых княжеств, а затем справедливо распределять их между этими княжествами. Не забывая, разумеется, и о своих, «союзных» интересах. Это называлось «двухканальной» налоговой схемой.

Другие «отцы» во главе с Ельциным, учитывая, что реальная власть находилась уже в их руках, разумно предлагали Горбачёву схему «одноканальную». То есть каждый стрижёт своих овец, читай - собирает налоги, а затем из собранного некую часть посылают Горбачёву: на содержание небольшого двора, потешного войска, а также на поездки за рубеж для получения наград и премий за успехи в борьбе с коммунизмом.

Горбачёв был к этому тогда ещё не готов и упорствовал. Вот и вся новоогаревская проблема, а что сверх того - от лукавого.

* * *

В июне 1991-го исподволь начался процесс ликвидации важнейших договорных обязательств СССР. Так разумный человек перед смертью разбирает и подчищает свои деловые бумаги. В Будапеште 28 июня объявил о прекращении своей деятельности Совет Экономичёской Взаимопомощи. Через пару дней, 1 июля в Праге состоялось заключительное заседание Политического консультативного комитета государств - участников Варшавского Договора, существовавшего как важный фактор мира и стабильности на планете с 1955 г.

Интересно вспомнить, что своё первое зарубежное путешествие в роли генсека Горбачёв совершил 26 апреля 1985 г. именно в Варшаву, также на заседание ПКК. Тогда был подписан протокол о продлении Варшавского Договора на 20 лет с последующей пролонгацией ещё на 10 лет. Вместе с Горбачёвым свои подписи под документом поставили: за Болгарию - Тодор Живков; Венгрию - Янош Кадар; ГДР - Эрих Хонеккер; Польшу - Войцех Ярузельский; Румынию - Николае Чаушеску; ЧССР - Густав Гусак. Всех этих военных и политических союзников СССР генсек предал менее чем за пять лет.

Важнейшим (судьбоносным, по Горбачёву) событием июля, в соответствии с которым закулисные операторы выстраивали иерархию политических мероприятий внутри СССР, являлась намеченная на 17-е число в Лондоне встреча руководителей стран «семёрки»: Великобритания, США, ФРГ... На её неофициальную часть, неясно в качестве кого, был приглашён Горбачёв, политический банкрот, президент державы, реально стоящей на пороге самоуничтожения. Для чего такой деятель нужён был в Лондоне?

Однако, прежде чем отправиться на доклад в Лондон, Горбачёву пришлось пережить ещё несколько неприятных моментов у себя дома. На заседании Политбюро 3 июля, где было принято решение созвать 25 июля Пленум ЦК и определить на нём дату внеочередного съезда КПСС, Горбачёв под занавес выложил на стол перед собой папку с резолюциями партийных организаций о его отставке, которую в мае передал ему Полозков и, выдержав суровую паузу, спросил: «Что будем делать с Полозковым? Он разжигает против меня «своих», подрывает авторитет генсека».

После недолгого молчания вдруг очень мягко, но совсем не в ту степь, высказался Назарбаев: «Дело, видимо, не в Иване Кузьмиче. Авторитет у вас, Михаил Сергеевич, и в самом деле понизился. Вот мы созываем съезд, а ведь на нём вас вполне могут снять с работы. А вслед за вами и нас всех». За Назарбаевым эту мысль стали подбрасывать и другие, дело мол не в Полозкове. Украинский первый Гуренко вообще выразился так: мол, у них на Украине рейтинг Горбачёва настолько «малэнькый», что его даже никто не видит. Не промолчал, разумеется, и сам Полозков.

Для генсека такая реакция ПБ на его демарш оказалась неожиданной и крайне тревожной. Договорились в конце концов, что Горбачёв будет лично присутствовать на Пленуме ЦК КП РСФСР, намеченном на 6 августа, послушает членов Пленума, выскажет свои соображения. Кроме того, на Пленуме должна была произойти замена первого секретаря российского ЦК. Полозков намеревался подать в отставку по болезни. Присутствовать на таком пленуме - святой долг генсека, о чём ему на ПБ и напомнили. Таким образом, 6 августа Горбачёв обязан был находиться на Пленуме ЦК КП РСФСР, а не в Форосе. Это факт.

На следующий день, 4 июля, в газетах появилась поздравительная телеграмма Горбачёва Дж. Бушу по случаю Дня независимости США. В ней присутствовала загадочная фраза: «советско-американское сотрудничество вступает сейчас в очень ответственный этап». Какой? - без пояснений. Через день, 6 июля, на приём к Горбачёву явился посол США в СССР Дж. Мэтлок, имея на руках срочное послание от Дж. Буша. Скорее всего, речь шла о запущенной московским мэром Гавриилом Поповым (одной из наиболее тёмных и отвратительных фигур этого периода российской истории) через посольство США в Москве утке о будто бы готовящемся в столице антиГорбачёвском государственном перевороте.

С этого момента маховики, шестерёнки и прочие детали гигантской политической провокации, получившей на своём заключительном этапе кодовое американизированное название «путч», пришли в движение. В Лондоне 17 июля главы государств и правительств «семёрки» в первой половине дня решают свои вопросы. Во второй - занимаются Горбачёвым. Сначала в 14.30 в Музыкальной гостиной правительственного Ланкастер-хауса происходит общая встреча. Все разглядывают Горбачёва, как при первом знакомстве. Невысокий, полноватый, плешивый, самоуверенный.

На плотной заднице топорщатся шлицы дорогого пиджака, что делает его похожим на воробья. И эта вот «птица» выставила на продажу СССР? Да, такого не увидишь и в века.

Потом - двусторонние встречи. Центральная - с Дж. Бушем в посольстве США в Великобритании. Полтора часа «с глазу на глаз». Президент США хочет лично приехать в Москву, встретиться с другими главными участниками будущих событий. Сговорились.

Таким образом, в Лондоне на встрече «семёрки» 17 июля принципиально была согласована окончательная судьба Советского Союза.

Часть 5. Откровения английского посла

О влиянии зарубежных друзей Горбачёва на ход «перестройки» надо сказать отдельно. Уже упоминавшийся мною посол США в СССР Дж. Мэтлок написал книгу «Смерть империи», в которой поведал о том, как готовилась «перестройка», и как из американского посольства не вылезали светочи нашей «демократии», приезжая сюда за советами и помощью. Другой посол - Великобритании - Р. Бретвейт в своём произведении «Перевернувшийся мир. За Москвой-рекой» осторожно раскрывает перед нами тайны английской политики в эти годы. Книга Бретвейта настолько примечательна, что мне хотелось бы остановиться на ней подробнее и дать свои комментарии - она, действительно, блестящий образец отношения к СССР и России со стороны Запада!..

У англичан существует давняя традиция русофобии, и Бретвейт, как истинный британец, поддерживает её. Он начинает с того, что перечисляет все хоть сколь-нибудь значительные отрицательные отзывы о России своих соотечественников, начиная с XVI века. Русские здесь, само собой, «дикари», «варвары», «лживые», «пьяницы» - и т.д., и т.п.

Бретвейт подхватывает эстафету земляков и начинает... с русского пейзажа. Он ему ну очень не нравится и свидетельствует, по его мнению, о дикости и убожестве России. Цитирую по вышеуказанной книге господина посла:

«Русский ландшафт не похож ни на один другой: необозримые равнины и леса с неожиданно возникающими кое-где небольшим городком или деревней, отделёнными от ближайшего соседа десятками (а в Сибири иногда сотнями) километров и соединёнными дорогами, искони славившимися своим ужасным состоянием.

Это неэффектный пейзаж, не впечатляющий ни красотой, ни величественностью. Обширное плоское пространство, пастбища с редкой берёзовой рощицей слева, несколькими избами-развалинами или луковкой купола маленькой церквушки справа, река, протекающая где-то вдали, - все это окружено дремучим непроходимым сосновым лесом, тянущимся до самого горизонта... Грубо выполненные гравюры, красующиеся на стенах самых простых жилищ, изображают какую-нибудь

из этих сцен.

Этот невыразительный пейзаж овладевает воображением всех русских, особенно осенью, когда они идут в лес собирать кривобокие грибы (которые только славяне считают съедобными)».

Однако не только сельская местность России производит такое нездоровое впечатление, но и города: «Несмотря на их древность, в русских городах есть что-то от жилищ кочевников, - пишет Р. Бретвейт. - Даже ровные фасады неоклассических зданий часто не имеют иной облицовки кроме штукатурки на дереве - материал нестойкий. Впечатление такое, словно обитатели боятся, что их в любой момент погонит вперёд какая-нибудь новая природная катастрофа, новое вторжение или же попросту каприз их собственного правительства».

Тут можно было бы возразить господину послу, что очень многие русские города с их памятниками архитектуры благополучно пережили множество природных катастроф, а также и «капризов собственного правительства». Кроме того, они пережили такие войны и такие иноземные нашествия, каких не знала Европа, - как же это удалось «жилищам кочевников» с одной только «штукатуркой на дереве»? Бретвейт обходит вопрос молчанием.

Особенную неприязнь у английского посла вызывает советский период, просто-таки гибельный для и без того живущего в дикости русского народа:

«Советский период был пагубным и для ландшафта, и для архитектуры. Церквам, монастырям и дёревенским домам позволили прийти в полное запустение (дома, наверно, специально не давали ремонтировать, чтобы крестьян превратить в кочевников. Эдакий очередной «каприз правительства». - В.Л.). Новые здания и заводы строились быстрейшими темпами, дабы выполнить план, не считаясь с эстетическими или экологическими соображениями (а в Англии каждое промышленное здание - шедевр архитектуры, конечно. Экология там тоже на высочайшем уровне - непонятно только, откуда взялись всякие смоги да парниковые эффекты. - В.Л.). Даже сегодня, особенно в сельских районах, Россия, пожалуй, самая неряшливая и неухоженная страна в мире. Сельская местность вблизи промышленных городов советской эпохи загрязнена до такой степени, что на Западе это просто представить себе невозможно (городские предместья-трущобы как раз для Запада и характерны. У нас при Советской власти все эти «хитровки» и «молдаванки» быстро ликвидировали, а в городах на Западе до сих пор есть такие кварталы, куда таксисты боятся ездить, и постороннему человеку страшно нос сунуть - останешься без носа. - В.Л.).

Окаймлённая деревьями дорога уступает место разбросанным там и сям серым кирпичным жилым зданиям, построенным на скорую руку, с тем чтобы удовлетворить острую нехватку в жилье, ощущавшуюся в 1950-х и 1960-х годах, бензоколонкам с пустыми насосами, ветхим деревянным строениям, еле держащимся, словно пьяные, на своём прогнившем

фундаменте. И всюду строительный мусор, груды камней для мостовых, огромные бетонные трубы, сваленные как попало у обочины, ибо для чего они предназначались и кому принадлежали, давно уже никто не помнит».

Не следует забывать, что это было написано в самом конце 1980-х годов, поэтому читается как приговор горбачёвской «перестройке», но самое поразительное - вывод господина посла: «Возмущение тем, что советская система сделала с городами и деревнями России, в конце концов, побудило миллионы простых людей восстать против этой системы».

А мы-то ломаем голову, в чём причина краха Советского Союза!

Оказывается, в том, что советская система сделала с городами и деревнями России! Правда, советская система понастроила, помимо «неэстетических» промышленных предприятий и «серых кирпичных жилых зданий», ещё школы, детские сады, больницы, дома отдыха, дворцы культуры, институты и университеты, научные центры и многое, многое другое, - но всего этого Родрик Бретвейт удивительным образом не заметил в своих частых поездках по России.

Впрочем, если следовать логике Бретвейта, то для нынешней российской власти прогноз очень печален: возмущение тем, что так называемая демократическая система сделала с городами и деревнями России, в конце концов, побудит миллионы простых людей восстать против этой системы. Вот такие революционные выводы напрашиваются из книги английского посла.

* * *

Коротко упомяну об экскурсе Бретвейта в русскую историю. Суждения дотошного англичанина о ней столь же глубоки и оригинальны, как и мнение о российском ландшафте: «Чтобы укрепить свою власть, цари намеренно и систематически прибегали к террору (ясное дело, русские понимают лишь кнут, - чего с них взять, с кочевников и азиатов! - В.Л.). Царь был над законом. И то же самое относилось к его политической полиции... Иван Грозный создал институт опричников, которые, подобно тёмным всадникам во «Властелине колец» Толкиена, проносились по всей стране, неся разрушение и смерть». Ну, это нам знакомо: Иван Грозный вот уже почти пятьсот лет не даёт русофобам покоя; с кем его и царское войско только не сравнивали, теперь дошли и до «тёмных всадников» Толкиена.

А как вам следующая картинка из истории, с удовольствием воспроизведённая послом Великобритании в СССР со слов итальянского историка еврейского происхождения Примо Леви: «Мужчины, женщины и дети в лохмотьях, сломанные грузовики, запряжённые волами и гружённые награбленным добром, - движущаяся орда кочевников»? О чём это, как вы думаете? Не догадались?.. О возвращении победоносной Советской Армии в 1945 году из Германии. Впрочем, какая армия,- орда кочевников с женщинами, с детьми, - и все в лохмотьях, и с награбленным барахлом! Не хватает кривых сабель на боку, да кистеней, да дубинок, да

заодно больших котлов, чтобы «мясо белых братьев жарить».

Не понятным, правда, остаётся, как же этой орде удалось сокрушить самую могущественную в мире, отлично вооружённую немецкую армию, от которой, кстати, родное войско сэра Бретвейта удирало в 1940 году, смазав пятки, и вряд ли удрало бы, если бы Гитлер не смилостивился и не остановил своих солдат под Дюнкерком. А ведь был ещё и драп в Арденнах в конце войны, где против бравых англичан вместе с американцами немцев было всего-то ничего, но британскому премьеру Черчиллю пришлось, тем не менее, слёзно просить помощи у той же орды: «Спасите, мол, нас, кочевники в лохмотьях, запрягите волов в свои сломанные грузовики и ударьте всем скопом, с женщинами и детьми, по проклятым тевтонам». И ударили, - да так ударили, что тевтонам стало не до наших хилых союзничков: срочно пришлось перебрасывать дивизии из Арденн на Восточный фронт...

Бретвейт, не ограничиваясь описанием столь любимых им картин из жизни русской орды, пишет далее эпическое полотно советской истории:

«Сталинская политика насильственной индустриализации, эвакуация в Сибирь в годы войны промышленных предприятий из Западной России и возобновившаяся при Хрущёве и Брежневе энергичная кампания по развитию Сибири ещё более исказили экономическую географию страны. Там, где какая-нибудь американская компания разбила бы посёлок для горняков, были построены громадные города, где нередко использовался принудительный труд для разработки минеральных богатств неприступного Севера и пустынных просторов Центральной Азии.

Жить в суровой сибирской тайге по доброй воле отправлялись очень немногие. Когда же рабской рабочей силы не стало, правительству пришлось выплачивать огромные субсидии, чтобы отапливать эти новые города, перевозить их продукцию и убеждать население оставаться жить в этих местах. Когда же Советский Союз рухнул, субсидии начали иссякать, люди стали уезжать, и состояние экономики Сибири становилось всё более бедственным».

Не будем придираться к мелочам: принудительный труд в громадных городах - это, безусловно, новое слово в исследованиях по советской истории; Центральная Азия и Сибирь - всё-таки немножко разные районы, и, как, спрашивается, города, построенные в Сибири, могли осваивать «пустынные просторы Центральной Азии»? Но не будем, повторяю, придираться к мелочам, оценим высказывание в целом. Вы чувствуете, к чему клонит посланец туманного Альбиона? «Там, где какая-нибудь американская компания разбила бы поселок для горняков, были построены громадные города», - вот в чём главное преступление советского режима. Как посмели? Кто разрешил? Кто дал русским право разрабатывать несметные богатства Сибири, да ещё строить там города всерьёз и надолго? Эдак, глядишь, американским компаниям, а вкупе с ними и англичанам, ничего не достанется. Ну, разве не преступление?.. Славу богу, что после распада Советского Союза закончилось это безобразие, говорит нам сэр Родрик.

Между прочим, сам он очень хорошо устроился при новой российской власти. Бывший английский посол возглавил одно из отделений «Дойчебанка» и стал большим человеком в России, ведущим деятелем авиакомпании «Волга - Днепр». Авиационные заводы в Ульяновске, как можно понять из сообщений прессы, попали под «плотный патронаж» Р. Бретвейта. Весной 2001 года он осматривал свою вотчину, и в Ульяновске его встречали по высшему разряду: по слухам, сэру Родрику подали персональный пароход и катали по Волге; столы ломились от пудовых осетров и серебряных вёдер с икрой, а цыганский хор, как водится, грянул: «К нам приехал, к нам приехал Родрик Бретвейт, дорогой!..».

Я рассказал об этой тёплой встрече просто так, к слову о проклятой советской власти, не допускавшей «какую-нибудь иностранную компанию» к национальным богатствам России. Вот либералы,- это другое дело, поэтому всякие нападки на них и на законы либерального типа вызывают у Бретвейта прямо-таки ненависть. При этом он не щадит никого, от него достаётся, в частности. Толстому с Достоевским:

«Достоевский и Толстой считали, что жажда «справедливости», свойственная русским, выше, человечней и нравственно чище, чем формальное и равнодушное уважение к «Закону» на Западе. Они высмеивали попытки русских либералов ввести гуманную юридическую систему. При этом они не объясняли, почему абстрактная русская жажда справедливости порождала в реальном мире так много вопиющей несправедливости».

Справедливости захотели, господа Толстой и Достоевский? А получите-ка взамен неё «гуманную юридическую систему», - только на вопрос, для кого «гуманную», Бретвейт почему-то не отвечает, да и с уважением к закону что-то эта система не больно сочетается, порождая так много «вопиющей несправедливости».

Но что взять с русских, пишет Бретвейт, когда эта нация порочна по самой своей сути. Врут на каждом шагу, - в политике, в экономике, в культуре, в частной и общественной жизни (Надо полагать, что мы соврали насчёт полёта в космос Юрия Гагарина; вот, американцы, те чистую правду рассказали о своих полётах на Луну):

«Враньё стало неотъемлемой частью общественной жизни. Враньё до сих пор пронизывает самые тривиальные стороны повседневной жизни, идя намного дальше, чем того требуют соображения самосохранения или карьеризма». Далее следует поразительный пример русского вранья: «В мае 1992 года мы остановились в удивительно хорошем отеле советского стиля в провинциальном городе Костроме. Сидение унитаза в туалете было опечатано, с надписью на четырёх языках: «Продезинфицировано для вашего удобства и безопасности». Каждый русский сразу поймёт, что это не могло быть правдой. Поверили бы только самые наивные иностранцы. Но в великой стране положено дезинфицировать сиденья унитазов, значит, появляется надпись».

Ну, не могут русские продезинфицировать сиденье унитаза, убеждён

сэр Родвик,- куда им, кочевникам из орды! Даже для чистоплотных цивилизованных иностранцев не способны они почистить это интимное приспособление.

* * *

От темы чистоты унитаза Бретвейт плавно переходит к русской национальной идее. Тут, собственно, толковать не о чем, говорит нам знающий Россию до тонкостей англичанин,- такой идеи попросту не существует. Все это «Большая Русская Ложь», никаких высших качеств у русского народа нет, никакой особой миссии он не несёт и нести не может. Россия - заурядная страна на задворках Европы, а если русским и удалось сплотить вокруг себя другие народности, так это исключительно с помощью насилия, жестокости и удачного для России политического расклада на прилегающих территориях, - впрочем, от неё самой мало зависящего; дуракам счастье, коротко говоря:

«Время от времени русские просили меня - публично и в личных беседах - поделиться британским опытом демонтажа империи. Однако большинству из них было трудно согласиться с тем, что Советский Союз тоже являлся империей. Подобно Достоевскому, они считали, что «для настоящего русского Европа так же дорога, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

На самом деле, русское, а впоследствии советское имперское правление было, по меньшей мере, столь же жестоким, как и правление других имперских держав. В своих кампаниях русификации цари сажали в тюрьму и ссылали финнов, украинцев и представителей других народов, осмеливавшихся говорить на своём родном языке и поддерживать национальную культуру.

Коммунисты продолжали эту практику с ещё большей жестокостью под предлогом искоренения «буржуазного национализма». Множество интеллектуалов, особенно на Украине и в прибалтийских республиках, было убито или отправлено в ссылку Сталиным. При его преемниках казней стало меньше, но давление не ослабевало».

Прямо-таки гестапо размером в шестую часть суши! Однако почему-то в это гестапо малые и большие народы шли добровольно, с большой охотой, умоляя их принять, - почему, Бретвейт не отвечает...

Но зато он подробно останавливается на русской военной угрозе для Запада. Исходя из его предыдущих рассуждений, вы, наверно, догадались, что он отказывает нам в самой возможности быть угрозой для кого-либо. Кочевники в лохмотьях, орда с женщинами и детьми, сломанные грузовики, запряжённые волами,- какая там угроза! Это миф, который вначале создали сами русские, а затем подхватили некоторые «умники» на Западе, уверенно поучает читателя Бретвейт. Какая угроза, прости господи, если русские унитаз толком почистить не могут, врут постоянно, в жилищах у них штукатурка отваливается - ну и так далее.

Стало быть, миф об угрозе, которую Россия, якобы, представляет собой для Запада - просто средство шантажа, дабы напугать западные страны и извлечь для себя максимальную выгоду. И не нужно было им, западным странам, тратить такие большие деньги на вооружение, не надо было трястись при мысли о возможном русском нападении. Даже Рональд Рейган попал под магическое влияние этого мифа, пишет Бретвейт: «Сам Рейган, выдающийся, хотя и немало напутавший политик, испытывал искренний нравственный ужас перед ядерным оружием. Но с миссионерским рвением продолжал поддерживать свою инициативу стратегической обороны - создание «звёздного щита», покрывающего все Соединённые Штаты, от которого советские ракеты попросту отскакивали бы, не причинив вред».

Впрочем, здесь были примешаны и чисто денежные интересы: «Американский военно-промышленный комплекс... побуждал Конгресс голосовать за ассигнования на всё более мощное, экзотическое и прибыльное для производителей вооружение. В 1979 году начальник разведки американских ВВС выбросил представленную ему оценку, из которой следовало, что Советский Союз не нападёт на Западную Европу. Такое, заявил он, только осложнит процесс убеждения американского конгресса ассигновать средства. Рейгановский министр обороны Каспар Уайнбергер не сомневался в правильности такого подхода: «Да, конечно, мы в своём анализе ориентировались на наихудший вариант. В этом деле надо всегда ориентироваться на наихудший вариант. Нельзя позволить себе ошибиться. Если бы мы обеспечили себе победу переизбытком силы, это означало бы многократное уничтожение, ну что ж, значит быть посему».

Все это было лишним, повторяет Бретвейт. Советский Союз разваливался прямо на глазах, он прогнил изнутри, и нужно было лишь «подтолкнуть его плечом», чтобы он упал, - тем более что многие из тех, кто в СССР был заинтересован в его падении, сами активно искали контакты с Западом.

* * *

Дальше Родрик Бретвейт приводит историю «перестройки» и развала Советского Союза, в чём он сыграл далеко не последнюю роль. Он начинает эту историю с хрущёвской «оттепели», что, в общем-то, правильно:

«Хрущёв, являвшийся Первым секретарём Коммунистической партии Советского Союза с 1953 по 1964 год, был не дурак. Он понимал, что перед ним стоит серьезная проблема. Он начал с краткосрочных мер - импорта западной технологии и западного зерна (А долгосрочные какие? Полная зависимость от Запада? - В.Л.). Затем он пошёл дальше: развернул широкую дискуссию по поводу экономической реформы. Советские экономисты увлеклись сложными и еретическими идеями. Они ставили вопрос о том, нельзя ли видоизменить централизованное планирование или даже вовсе заменить его рыночным механизмом (это уже не советские, но антисоветские экономисты. К чему ведёт «вовсе рыночный

механизм», мы ныне очень хорошо знаем. - В.Л.).

Но интеллектуальное брожение в годы правления Хрущёва длилось недолго; 1968 год и подавление либерального режима в Праге положили всему этому конец. В публичных дискуссиях вновь стали преобладать избитые лозунги старой идеологии. Лозунги были важны, потому что они эмоционально поддерживали геронтократов в Кремле, служили для них оправданием бессмысленных и провокационных вылазок Советского Союза в Африке и Латинской Америке.

Интеллигенция в старые лозунги больше не верила. Многие ударились в усталый цинизм, сатирически описанный биографом Ельцина Леоном Ароном:

«Эти мягкие, умные, милые и насквозь циничные бездельники... проводили целые дни в болтовне, обмене слухами и антисоветскими анекдотами, чтении и передаче подпольных самиздатовских рукописей, флирте, разговорах по телефону, часовых «перекурах», набегах на близлежащие магазины, куда, по слухам, только что прибыла новая партия японских зонтиков, финских сапог или турецких кожаных курток.

Это были ветераны уклонения от своих обязанностей, великие мастера надувательства и очковтирательства - настоящие асы в искусстве избегать работы, значительная часть которой, надо признать, была бессмысленной и выдуманной презренными «ими» - партией и бюрократией, которых эти антикоммунистические радикалы,- в большинстве члены партии,- негодуя в довольно узком кругу и не подвергая себя опасности, страстно ненавидели»«.

Хороший портрет будущих «прорабов перестройки» и «вождей демократии», нечего сказать!

«Однако не все отказались от борьбы. Некоторые отважные души - Солженицын, Сахаров, Амальрик, Щаранский и другие - высказывали своё мнение публично и публично же карались тюрьмой или ссылкой. Были и другие, чья роль в конечном итоге оказалась не менее значительной».

Кто же эти «другие», чья роль «оказалась не менеё значительной»? «Пятая колонна» в высших эшелонах власти?.. Списочек, списочек представьте, господин посол! Зачем вы прячете от нас этих скромных героев? Вы-то их знали и с ними работали,- недаром в одном из эпизодов вашей книги, где речь идёт о переговорах в Лондоне с советскими представителями, вы пишете: «Некоторые официальные советские лица явно предпочитали вести переговоры в лондонских парках, а не в своих кабинетах, где, как они, вероятно, опасались, что их подслушивали». Чего может опасаться честный чиновник, если он ведёт переговоры на благо своей страны? Ну и пусть подслушивают, ему же лучше, это лишь предателю надо бояться... Но не будем забегать вперёд, кое-кого «из официальных советских лиц» вы нам, господин посол, все же представите далее...

«4 мая 1979 года к власти в Англии пришла госпожа Тэтчер. Она увидела, или ей показалось, что она увидела, становящийся всё более

уверенным в себе Советский Союз, распространяющий своё влияние в Афганистане, Южной Африке и Центральной Америке путём подрывных действий и прямого вторжения... размещающий наступательные ракеты на территориях своих восточных сателлитов и наращивающий свои обычные вооружения так, что они намного превышают эквивалент НАТО. Запад, по её мнению, не был способен ни психологически, ни в военном и экономическом отношении к сопротивлению».

А где же, извините, гнилость и развал Советского Союза? Господину послу приходится делать оговорку про М. Тэтчер «или ей показалось», тем самым утверждая, что она страдала масштабными галлюцинациями. Вот так-то вот, - даже Тэтчер ему не угодила: ишь, вздумала говорить о мощи СССР, глупая баба!

«И всё-таки («всё-таки» означает «несмотря на её галлюцинации»? - В.Л.), не кто иной, как г-жа Тэтчер, «железная леди», первой уловила ветер перемен. Она не верила в то, что советская система может существовать вечно. Если Запад не упустит своих преимуществ, справедливо рассуждала она, он выйдет победителем, ибо опирается на уникальную, почти безграничную, творческую силу и жизнеспособность индивидуумов (на каких индивидуумов, обладающих «уникальной и почти безграничной силой», опирался Запад? Ох, как хотелось бы услышать все же их имена! - В.Л.).

Учитывая закрытый характер советской политической системы, считала она, вызов ей может быть брошен лишь «своим»,- человеком, сделавшим карьеру изнутри (прямо и ясно сказано. - В.Л.). Она утверждала, что была первым из западных руководителей, заметившим Горбачёва, потому что искала кого-нибудь, похожего на него.

Она потратила значительную часть своей громадной энергии на то, чтобы попытаться понять суть советской системы. Тэтчер стала своего рода специалистом по этому вопросу».

Да, Тэтчер, без сомнения, играла первую скрипку в начавшейся «перестройке». Помощник Михаила Горбачёва - Черняев, - о котором Бретвейт сообщает, что он «неизменно был очень полезен для нас», во время одной незначительной размолвки милой «Мэгги» с дорогим «Горби» упрекал Горбачёва:

«Она (Тэтчер) делает для нас доброе дело... Зачем же делать вид, что вы это не очень цените? И, кроме того, она женщина. Неправильно, будто это мужик в юбке. Весь её характер, даже вся её политическая манера поведения - женская. И это ещё и англичанка». Последний аргумент, надо полагать, был для Горбачёва неотразимым - «и это ещё и англичанка». Не русская же какая-нибудь, в самом деле! Что вы, Михаил Сергеевич, разве можно англичанку обижать? Ведь у нас с англичанами, сами понимаете, какие отношения...

* * *

Бретвейт продолжает: «Горбачёв продемонстрировал, что он готов продвинуться по пути реформ гораздо дальше, чем думали скептики в

России и за границей (это он продемонстрировал после разговоров с милой «Мэгги»? - В.Л.). На 19-й конференции Коммунистической партии Советского Союза, состоявшейся в июне 1988 года, он выдвинул план радикального преобразования советской политики, который знаменовал начало конца коммунистической партии и самой советской системы (а нам Горбачёв тогда твердил о другом: обновление и оздоровление партии, мол, все это означает. - В.Л.).

Горбачёв предложил создать новый, работающий Верховный Совет, который будет заседать и принимать законы чуть ли не восемь месяцев в году. Его председателю, функции которого были в основном церемониальными, будут даны реальные властные полномочия - сознательный шаг в направлении президентского правления. Правительственные функции, которые десятилетиями узурпировала коммунистическая партия, будут сильно урезаны. Старый Верховный Совет должен собраться осенью в последний раз, чтобы утвердить необходимые изменения в Конституции. Весной будут проведены всеобщие выборы, на которых каждый голосующий получит реальное право выбора, если не между партиями, то, во всяком случае, между кандидатами. Новый орган начнёт работу в апреле 1989 года.

Депутаты слушали в оцепенении (это уж точно! - В.Л.). Это был сознательный план... Таким образом, надеялся Горбачёв, он избавится от старой гвардии в партии, правительстве и местных органах управления, противившейся его реформам по идеологическим соображениям или исходя из личных интересов... Он постарался как можно скорее освободиться от консервативных партийных бюрократов и использовал процесс выборов для оказания народного давления на тех, что остались. Его либеральные критики так никогда и не поняли, не оценили и не простили сложных и часто хитрых маневров, к которым ему неизбежно приходилось прибегать (какие неблагодарные! Для них же старался, а они не оценили! - В.Л.).

...Ещё до 19-й партийной конференции некоторые из старших коллег Горбачёва стали тревожиться по поводу того, что он взял слишком быстрый темп, и начали первые выступления против него. На авансцену в качестве лидера оппозиции вышел Егор Лигачёв, угрюмый, старой закалки человек, веривший в социализм, дисциплину, коллективизацию и рабоче-крестьянское государство (вам, конечно, смешно, господин посол? - В.Л.). Он считал, что немного увеличенные капиталовложения - это всё, что требуется, чтобы сделать Советский Союз процветающим.

Исключение Бориса Ельцина из Политбюро в ноябре 1987 года и история с Ниной Андреевой в марте 1988-го вселили страх в сердца многих либералов (ну, как же им простить Горбачёва: напуганный либерал опаснее взбесившегося слона. - В.Л.). Весной 1988 года ортодоксальная газета «Советская Россия» опубликовала статью «Не могу поступиться принципами» никому ранее не известной преподавательницы Ленинградского политехнического института Нины Андреевой. Это был старомодный призыв возвратиться к «коммунистическим ценностям» и

явный выпад против реформ Горбачёва. Лигачёв, возможно, помогал в сочинении этой статьи и, конечно, способствовал тому, что она была воспроизведена в других партийных газетах по всей стране.

Горбачёв в это время находился в заграничной поездке. «Болтуны» умолкли лишь на короткое время, спрашивая себя, не побудили ли их соблазны гласности слишком далеко высунуться. По возвращении Горбачёв усмирил бунт и восстановил процесс реформ (о том, как он это сделал, я уже рассказывал. - В.Л.)».

* * *

Далее: «Лигачёв и его друзья на этом не остановились. В августе 1988 года, пока Горбачёв находился в отпуске, Лигачёв усилил нажим. Он публично выступил против «нового мышления» Горбачёва, Шеварднадзе и Яковлева, против идеи, согласно которой в международных отношениях надлежит руководствоваться не идеологией, а интересами, составлявшими основу попыток улучшения отношений между Востоком и Западом. Он настаивал на необходимости ленинской дисциплины в партии. Кроме того, Лигачёв заявил, что рыночная экономика, построенная на частной собственности, «в корне неприемлема для социалистической системы». Полиция снова начала запрещать мирные демонстрации в Москве. Консервативная печать усилила свои нападки на либеральные идеи. Были предприняты попытки наложить административные и финансовые ограничения на либеральную печать (о чём вы, господин посол? Тогда уже был шабаш «демократии» в СМИ, которые почти полностью контролировались А. Яковлевым. А деньги им поступали такие, что куда там скромному финансированию партийной прессы. - В.Л.).

К этому времени даже те, кто готов был поверить в искренность мотивов Горбачёва, засомневались: а не может ли он вместе со своими реформами быть в любой момент смещён с помощью заговора? Сахаров предупреждал, что настроения в Москве были такие же, как в дни перед падением Хрущёва. Лондонская «Таймс» под огромным заголовком «Советской программе реформ грозит поражение» писала: «Серьёзные комментаторы как в Советском Союзе, так и на Западе убеждены, что без быстрого улучшения ситуации со снабжением 57-летний советский лидер может столкнуться с опасной возможностью того, что раздражённое население и недовольные бюрократы объединятся, чтобы свергнуть его».

Однако Горбачёв все ещё пребывал в отличной политической форме. Он перешёл в неожиданное контрнаступление, чтобы вывести из равновесия своих противников (по указанию из Лондона? - В.Л.). 29 сентября все ещё в основном консервативному Центральному Комитету было предложено утвердить совершившийся факт: устранение из Политбюро нескольких представителей старой гвардии и перераспределение их обязанностей между оставшимися. Количество отделов ЦК было сокращено с двадцати до девяти, что значительно ослабило способность ЦК продолжать душить (! - В.Л.) жизнь страны.

На следующий день Верховный Совет собрался, чтобы избрать Горбачёва своим председателем вместо Громыко, угрюмого экс-министра иностранных дел, которого Горбачёв повысил в должности, чтобы освободить место для Шеварднадзе. Ошеломлённые депутаты послушно одобрили его конституционные предложения и утвердили сроки своей собственной политической кончины.

Громыко ушёл в вынужденную почётную отставку, напутствуемый хвалебными отзывами Горбачёва. Либералы облегчённо вздохнули. Только брюзги отмечали, что переворот был совершён тайно; это не вязалось с принципами открытости и демократизации, о преданности которым Горбачёв с таким энтузиазмом говорил на партийной конференции всего тремя месяцами ранее (в политике Горбачёва многое не вязалось с принципом «открытости» - от её начала и до конца. - В.Л.)».

Воспевая хвалу Горбачёву и уверяя, что «все простые люди» поддерживали его, Бретвейт вынужден признать, что были в нашем обществе и другие настроения. Разумеется, он пишет, что они исходили от воинствующих хулиганов, погромщиков или «престарелых коммунистов»:

«...Большие парады на Красной площади проводились в годовщину революции и 1 Мая: колонны солдат, моряков и лётчиков с безупречной чёткостью проходили строем, гремели и дымили танки и тягачи, тянувшие за собой ракеты, ревели металлические трубы военных оркестров. В прежние годы за солдатами двигались группы плохо одетых рабочих, крестьян и молодежи (то есть все та же оборванная орда вместо народа.- В.Л.), нёсшие знамёна с названиями организаций, которые они представляли. По мере того как Советский Союз приближался к концу своего существования, лозунги рабочих, участвовавших в демонстрациях, становились всё более смелыми. Они критиковали Горбачёва за невнятную политику, за то, что реформы проводятся слишком быстро или слишком медленно. Некоторые шли ещё дальше, угрожая советскому руководству изгнанием, а то и чем-нибудь похуже, нападая на евреев и превознося заслуги Сталина.

В мае 1990 года они согнали Горбачёва с Мавзолея, с которого многие поколения советских руководителей принимали парад. В 1990 году несколько городов вообще отказались праздновать годовщину революции, и на следующий год эти празднества были отменены. С тех пор годовщину революции отмечали лишь небольшие группы преимущественно престарелых коммунистов - своего рода «диссидентов» новой эпохи».

* * *

Словесно разгромив «престарелых коммунистов» и антисемитов, Р. Бретвейт переходит к характеристикам членов Горбачёвской команды, а также «демократического» лагеря. Они достаточно любопытны, и я дам некоторые выдержки из них.

«Шеварднадзе и Горбачёв сблизились ещё в ту пору, когда Горбачёв

был первым секретарём Ставрополья, граничащего с Грузией. Именно тогда они пришли к единому мнению, что Советскому Союзу нужны внутренние перемены и что он слишком далеко простёр свои амбиции за рубежом. У Шеварднадзе не было опыта в международных делах. Иностранцы были удивлены, а советское Министерство иностранных дел огорчено, когда Горбачёв пригласил его в Москву на пост министра. Однако он быстро освоился и вошёл в курс дела, занимаясь наиболее сложными проблемами - разоружения и Центральной Европы. Он добивался одного компромисса за другим (дипломатический термин «компромисс» я бы заменил на «сдачу позиций». - В.Л.), несмотря на противодействие Министерства иностранных дел, близкого к мятежу оборонного ведомства и становившегося всё более враждебным законодательного органа. Консервативная оппозиция и многие простые граждане стали смотреть на него, как на предателя (он и был предателем, вместе с Горбачёвым. - В.Л.).

...Ещё одним человеком, близким к Горбачёву, был Вадим Бакатин. Подобно большинству членов команды Горбачёва, Бакатин был всю свою профессиональную жизнь коммунистом, «типичным аппаратчиком», но всё-таки не совсем обычным. Живой и обаятельный, он был художником-любителем, работы которого висят на стенах в нашем доме (трогательная дружба между министром внутренних дел СССР, позже председателем КГБ - и послом Великобритании! Надо прибавить, что Бакатин был, к тому же, хорошим другом американского посла, которому передал, в знак «доброй воли», чертежи подслушивающих устройств в посольстве США в Москве. - В.Л.).

Горбачёв разглядел его в 1989 году и назначил министром внутренних дел. Он повысил зарплату и улучшил экипировку милиции, а также заслужил преданность её сотрудников, уважение многих либералов и ненависть сторонников жёсткого курса. Осенью 1990 года, когда Горбачёв качнулся вправо, последние добились смещения Бакатина, а когда в оставшиеся месяцы существования Советского Союза ему было поручено реформировать КГБ, их ненависть к нему удвоилась...

Почти так же сильно им не нравился другой главный помощник Горбачёва. Александр Яковлев, человек уже в летах, был ранен на войне, и этот факт служил убедительным доводом в его защиту, когда военные и реакционеры обвинили его впоследствии в измене родине (странная логика: если он был ранен на войне, то не может предать? На самом деле, таких примеров сколько угодно. - В.Л.).

В 1972 году его карьере был нанесён удар, когда он публично осудил русский национализм. Он был «сослан» послом в Канаду. Горбачёв встретился с ним во время своего визита в эту страну, и он ему понравился (Вот так-таки, случайная встреча и долгая любовь? Боже мой, за каких простаков нас принимают,- или считают, что некому будет опровергнуть? - В.Л.). В 1983 году Яковлев вернулся в Москву и стал директором престижного Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) (опять с подачи Андропова! - В.Л.).

В 1987 году Горбачёв сделал его членом Политбюро. Несмотря на репутацию неортодоксального человека, он ещё в 1988 году публично утверждал, что цель перестройки - вернуть страну к ленинским идеалам социализма (то-то, что «несмотря»! - В.Л.).

Он вышел из партии лишь накануне путча, немногим меньше чем за неделю до выхода из неё самого Горбачёва (то есть когда убедился, что дело сделано. - В.Л.). Иностранные журналисты называли его «отцом перестройки» (им виднее. - В.Л.). И он действительно много сделал в интеллектуальном отношении для осуществления реформы. Однако его коллеги, как реформаторы, так и реакционеры, были раздражены в равной мере. В скором времени он вступил в конфликт с Лигачёвым и другими консерваторами. Глава КГБ Крючков очень язвительно отзывается о нём в своих мемуарах».

А далее просто прелестный портрет «отца перестройки»: «На своих фотографиях Яковлев походил на страдающую поносом лягушку. Однако в жизни он производил более приятное впечатление, чем можно было ожидать, судя по его репутации или внешности».

За подобную похвалу от иностранных друзей «перестройки» Яковлеву стоило потрудиться,- пусть же он таким, похожим «на лягушку, страдающую поносом», и войдёт в историю. Заслужил.

* * *

А вот ещё одно характерное признание от Бретвейта: «Поскольку я мог рассчитывать только на эпизодические встречи с высшими руководителями, в получении информации о происходящем и её толковании я полагался на других».

Снова эти «другие», но тут английский посол сообщает о них ещё кое-что: «Моими лучшими гидами были редакторы и журналисты ведущих либеральных газет.

Редактор «Известий» Иван Лаптев и редактор «Московских новостей» Егор Яковлев горячо поддерживали перестройку и Горбачёва. Они служили проводниками его идей и часто снабжали меня важными сведениями о том, что происходит в партии». На обычном языке это называется разглашением государственной тайны...

О Лаптеве и его роли в «перестройке» я уже писал, но Бретвейт сообщает о том, как Лаптев, весьма осведомленный человек, передавал сведения англичанам: «Он ни разу не сказал мне ничего такого, чего не должен был бы говорить. Но, как бы читая между строк то, что он сказал, я обычно мог составить себе довольно ясное представление о происходящем, и оно обычно подтверждалось реальными событиями». Мастер своего дела, ничего не скажешь!

Конечно же, Бретвейт не обошёл вниманием Юрия Афанасьева, который являлся скорее «диверсантом», действующим против советского строя, чем шпионом: «Юрий Афанасьев... в 1986 году стал ректором Московского государственного историко-архивного института,

расположенного в видавшем виды старом здании неоготического стиля в Китай-городе, на месте первой в России типографии и совсем рядом со зданием ЦК. С этого удобного пункта он вёл беспощадное наступление на советскую версию истории России. Он был одним из первых среди тех, кто утверждал, что Ленин так же преступно виновен в бедствиях, которые начались после Октябрьской революции, как и Сталин.

...Я впервые посетил Юрия Афанасьева в декабре 1988 года. Мы немедленно углубились в спор относительно смысла истории, о вине и о покаянии... Пересмотр советской истории в условиях гласности начался как акт протеста. Были такие, кто считал, что исторические споры можно использовать как ещё один рычаг для свержения тех, кто находился у власти. Какое-то время царило радикальное отвержение всего, что произошло в России за предыдущие семьдесят лет.

Простые люди, знавшие только ту версию истории, которой их обучали в советских школах, были ошеломлены потоком новых фактов, разоблачений и новых интерпретаций. Они говорили в шутку, что Советский Союз - страна с непредсказуемым прошлым. Летом 1988 года в школах были отменены экзамены по истории, потому что в них больше не было никакого смысла.

К осени либеральные газеты состязались друг с другом в описании сталинских зверств. Когда солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» был, наконец, опубликован в Советском Союзе, он стал бестселлером. Ещё более шокирующим рядового советского гражданина был беспощадный обвинительный акт против Ленина в книге Василия Гроссмана «Всё течет...» и сравнение, которое он проводил между режимом Сталина и Гитлера в романе «Жизнь и судьба».

Советская внешняя политика также подвергалась тщательному анализу; прибалты объявили, что пакт Молотова - Риббентропа был не только несправедливым, но и незаконным.

Дискуссии имели немедленные и мощные политические последствия. По какому праву партия, направлявшая все эти преступления, осуществляет «руководящую роль» в стране? Демократы вовсю использовали этот довод. Реакционеры среди коммунистов пытались положить конец дискуссии. Однако эта проблема, как и многие другие, быстро вышла из-под контроля партии...

Афанасьев затронул радикально важную проблему. Сможет ли нация признать свою вину?.. Однако, в конечном счёте, так ничего и не было сделано. Были разоблачения в конце 80-х годов. Было несколько ярких речей Ельцина и его сторонников, сразу же после путча 1991 года. Однако позже лидеры России уже не выступали с официальными признаниями вины, лежащей на советском режиме. Многие лица, особенно иностранцы, считали это роковым упущением».

Позволительно спросить господина посла: а перед кем наша нация должна признать свою вину? Перед народами Восточной Европы, которых мы спасли от фашизма или, может быть, перед евреями, которых мы

спасли от холокоста? Впрочем, если они захотят, мы признаем, что виноваты в этом,- пусть только скажут; пусть Афанасьев даст нам сигнал, - и мы признаем, ещё как признаем!

* * *

Само собой, большое внимание Р. Бретвейт уделяет академику Сахарову: «В марте 1989 года я должен был передать ему письмо - в связи с подготовкой к предстоящему летом присвоению ему почётного докторского звания в Оксфорде. Он встретил меня очень вежливо, предложив место на диване в маленькой комнате его квартиры (место на диване - это как понимать? Ночевать, что ли, оставил? - В.Л.).

Он был в это время в самой гуще ожесточённой и противной борьбы за избрание на Съезд народных депутатов. Но он считал своим долгом - и я ему верил - стойко выдержать все. Особое беспокойство в тот момент у него вызывала Абхазия. Абхазское меньшинство хотело отделиться от Грузии, и это было чревато большой бедой (для кого? - В.Л.). Сахаров... постоянно предостерегал, уговаривал, критиковал Горбачёва за то, что тот недостаточно быстро продвигается в направлении конституционного государства».

«Его политическая наивность иной раз вызывала конфликты», - пишет дальше Бретвейт. В чём же была наивность Сахарова, думает заинтригованный читатель? Может быть, академик считал, что НАТО и Соединённые Штаты несут мир и процветание всем народам Земли? Посол об этом умалчивает, но сообщает поразительную подробность. Сахаров, оказывается, «заявил на Съезде народных депутатов, что советская авиация бомбила собственные войска в Афганистане, чтобы они не попали в плен к противнику. За это на него жестоко накинулись два высших армейских офицера». Не оценили, значит, наивность Сахарова армейские офицеры и сочли её тем, чем она и была в действительности - подлостью и клеветой...

Бретвейт горько сетует: «Я иногда думал, что Сахаров настроен слишком критически, что он делает жизнь для Горбачёва излишне трудной и что он с большей лёгкостью достиг бы своих целей, если был менее категоричен в своих суждениях.

Я был неправ. Его противостояние советской системе, его идея, что Россия сможет выжить лишь при условии, если она станет открытым обществом, были незаменимой интеллектуальной и политической предпосылкой перестройки...

Новая Россия, отчаянно боровшаяся за то, чтобы наконец родиться на свет, нуждалась в таком человеке, как он,- мужественном воплощении совести нации. После его преждевременной смерти, когда перестройка всё больше сбивалась с пути, его голоса отчаянно не хватало». Как можно догадаться, голоса Сахарова не хватало, чтобы сокрушить Союз, поэтому, потеряв свою совесть, нация и в 1991 году все ещё голосовала за сохранение СССР...

Об остальных «других» своих приятелях Бретвейт сообщает самые

общие сведения: «Большинство из них были выходцами из Москвы и Ленинграда и почти все без исключения были членами коммунистической партии. Некоторые были непоколебимыми поборниками «нового мышления», впервые позволившими себе смотреть на вещи не ортодоксально ещё в 60-х годах. Среди них были университетские профессора, не имевшие, несмотря на своё членство в партии, никакого политического опыта. Некоторые весьма успешно проявляли себя на ораторских трибунах, на улицах и в парламенте. Им нравились внешние атрибуты власти. Они делали всё что могли для продвижения реформы...

После крушения Советского Союза некоторые из них остались на политической арене новой республики, некоторые нашли себе странных попутчиков в среде левых неокоммунистов или отъявленных правых националистов, кое-то вернулся в мир науки или бизнеса, а кое-кто в безвестную частную жизнь».

Может быть, они и сейчас находятся среди нас, англофилы и американолюбы, и ждут своего часа, чтобы опять «смотреть на вещи не ортодоксально»...

* * *

Естественно, что противников Горбачёва английский посол ругает, чему можно лишь порадоваться. Так, например, Н. Рыжков вначале «вёл себя хорошо», но «в середине 1989 года он отдалился от Горбачёва, обвинив его в том, что тот не оказывает ему надлежащей поддержки. В ельцинской России он примкнул к правым неокоммунистам, несмотря на сравнительно либеральные взгляды, которые высказывал в разгар перестройки».

Не лучше обстояло дело с А. Лукьяновым: «Ввиду его близости к Горбачёву иностранцы были склонны видеть в нём одного из главных столпов перестройки. Но проницательные наблюдатели не обманывались на этот счёт и справедливо относились к нему с подозрением. Летом 1991 года он помогал в организации заговора против Горбачёва... Он видел, что кардинальные перемены, затеянные Горбачёвым, приведут к распаду Советского Союза и концу социализма. Об этом он не хотел даже думать. За два с половиной года, пока его не посадили в тюрьму, я виделся с ним всего раз или два. Возможности для ещё одной приятной беседы мне больше не представилось». Ну, не шёл Лукьянов на контакт с представителем Англии; что тут поделаешь - посадили в тюрьму.

Досталось от Бретвейта и В. Павлову: «В прошлом министр финансов, он походил на пухленького веселого гнома. Джилл (жена Бретвейта, о ней я ещё скажу. - В.Л.) считала его фигурой гораздо более зловещей - не гномом, а, скорее, троллем. Из всех советских политических деятелей, каких я встречал, он был наименее привлекательным...

Вскоре после вступления на свой пост, демонстрируя поразительное невежество, глупость, безответственность и ксенофобию, премьер-министр второй могущественной страны мира публично обвинил западные банки в том, что они замышляют наводнить Советский Союз

рублями... давая тем самым западным бизнесменам возможность скупить советскую промышленность по бросовым ценам. Крючков поддержал эту дикую идею в выступлениях по телевидению и радио, заявив, что КГБ располагает доказательствами этого (а мы теперь располагаем ещё большими доказательствами: они у нас в виде бывшей советской промышленности, скупленной этими самыми западными банками или их ставленниками. - В.Л). Однако, несмотря на непривлекательные качества Павлова, мои друзья предупредили меня, что недооценивать его не следует...». Кто бы то ни были эти друзья, но их информация была верной. Павлова оценили по заслугам - и вскоре в результате провокации с ГКЧП, о которой речь впереди, он попал в тюрьму вместе с так же хорошо оценённым Лукьяновым...

Особое место Бретвейт отводит советским военным. Прежде всего, он заявляет, что они составляли «отдельную привилегированную касту, изолированную от гражданского общества собственной страны и застрявшую на уровне идей Второй мировой войны или даже XIX века... Их невежественность относительно мира, находившегося за пределами их узко профессиональной сферы, ослабляла их». Помилуйте, сэр Родрик, мы и не сомневались в подобном вашем мнении: это в Англии офицеры образованные, а у нас, естественно, совершенно ничего-с не понимают - тупые азиаты-с!.. Так, ничего не понимая, по слабости, и до Берлина дошли в 1945-м, а в 1814-м - до Парижа, а ещё, без всякого понимания, в 1878-м едва не взяли Константинополь - ваша же страна, сэр Родрик, встала на дыбы, не допустила; а ещё с армией через Альпы перемахнули в 1799-м, чего никому не удавалось со времён Ганнибала - да мало ли! Все, конечно, по слабости, без понимания, все по невежеству, - где уж нам, варварам, кочевникам, с вами равняться!..

«Чтобы скрыть как свои слабые,- продолжает Бретвейт, - так и сильные стороны, военные широко пользовались, даже после того как появились разведывательные спутники, тем, что маркиз де Кюстин назвал в 1839 году «секретностью полезной и секретностью бесполезной»...

Когда Горбачёв стал в 1980 году членом Политбюро, он был шокирован, узнав, что расходы на оборону имеют приоритет перед расходами на продовольствие (только Горбачёв и мог быть шокирован этим,- или он просто притворялся шокированным. Всякий мало-мальски грамотный человек знает известное высказывание прусского генерала и военного теоретика Клаузевица, которое любил повторять Наполеон: «Если народ не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую». - В.Л.).

Действительные цифры держались в тайне, а некоторые скрывали от Горбачёва даже тогда, когда он был избран Генеральным секретарём (и правильно делали.- В.Л.)».

* * *

Олицетворением Советской Армии для Бретвейта был министр обороны Дмитрий Язов. «Лицо его походило на сморщенную картофелину, и как многие советские генералы он был краснолиц и дороден, не без

своеобразного грубоватого шарма, но готовый всегда и постращать подчинённого».

«Поскольку англичане принимали участие в воссоединении Германии и отводе войск из Восточной Европы, а также в различных мероприятиях по контролю над вооружениями, - пишет Бретвейт, - я постоянно имел дело с советской военной верхушкой... Иногда мы получали информацию из независимых источников - что позволяло мне «давить» на них сильнее, чем им хотелось бы». Снова появляются «независимые источники», теперь уже в верхушке армии.

В частности, «независимые источники» достаточно точно информировали англичан о положении дел с советским биологическим оружием, и в данном случае Бретвейт называет человека, доставившего эти сведения, - впрочем, это уже не было тайной и для советского командования:

«Согласно Конвенции о биологической войне 1972 года, русские, так же как и мы, обязались не производить биологического оружия. Конвенция страдает одним фундаментальным недостатком. Для исследовательских работ не требуется сложного оборудования, и секретные исследовательские программы трудно обнаружить даже с помощью самых изощрённых методов. Ну а после того как исследования произведены, производство оружия - уже дело сравнительно лёгкое. Мы всегда подозревали, что Советы что-то такое готовят...

Осенью 1989 года Владимир Пасечник, сотрудник Ленинградского научного института, бежавший на Запад, сообщил нам, что исследовательские работы по производству незаконного оружия прикрываются якобы коммерческой деятельностью организации, именуемой «Биопрепарат». Спустя несколько лет он повторил всю эту историю по английскому телевидению.

Разумеется, мы не могли отнестись к этому безучастно. Но Лондон видел здесь серьёзную тактическую проблему. Каким образом мы можем оказывать нажим на русских, не раскрывая наш источник информации? Я считал, что трудность преувеличивают. Наш «источник» находится теперь в безопасности в Англии. Надо полагать, русские заметили, что он перестал приходить на работу. Мы могли сообщить то, что нам было известно, не причиняя ему вреда. И если мы не дадим ясно понять, что знаем, о чём говорим, русские могут легко уйти от наших вопросов.

Моё мнение не было поддержано другими. Но в мае 1990 года Том Кинг должен был посетить Советский Союз: это был первый в истории визит британского министра обороны. Нам надо было действовать, но мы боялись, что ссора испортит визит. Джек Мэтлок и я предупредили Черняева и заместителя министра иностранных дел Бессмертных, о чём может зайти речь. Кинг задавал вопросы Язову во время частной встречи, но подходил к делу всё время окольным путём. Язов пробормотал своему адъютанту, что англичанин, по-видимому, что-то узнал от «того перебежчика»; Кинг покраснел, но вежливо отрицал, будто ему что-то

известно».

Переговоры закончились через два года неожиданным для англичан образом: «Когда Дуглас Херд посетил в январе 1992 года президента России, Ельцин без всякой просьбы и понуканий сказал: «Мне все известно о советской программе биологического оружия. Она все ещё действует, хотя её организаторы утверждают, что это всего лишь оборонные исследовательские работы. Они фанатики и добровольно не остановятся. Я лично знаю этих людей, знаю их фамилии, знаю адреса институтов, где они работают. Я закрою институты, отправлю в отставку руководителя программы и заставлю остальных заняться чем-нибудь полезным. После того как я сам проверю, прекратили ли институты свою работу, я намерен пригласить международных инспекторов». Мы были поражены, и могли лишь поблагодарить его».

* * *

Бретвейт продолжает свой рассказ о военных: «В июне 1990 года г-жа Тэтчер прибыла в Москву в последний раз в должности премьер-министра. Она пыталась убедить Горбачёва, что присутствие объединённой Германии в НАТО будет определённо выгодно Советскому Союзу. Она была несколько удивлена, когда не встретила негативной реакции с его стороны на это утверждение (а уж как мы-то были удивлены! - В.Л.).

Советских генералов не пригласили участвовать в переговорах о Германии, хотя именно им предстояло справляться с последствиями принятых решений: отводом полумиллиона солдат и офицеров вместе с их снаряжением и членами семей в страну, где не было необходимых условий для их размещения и обустройства. К тому времени, когда в сентябре 1990 года германский договор был подписан, они были уже в беде. Примерно за два года до этого, 7 декабря 1988 года Горбачёв объявил в сенсационном выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, что Советский Союз сократит свои вооружённые силы на 500 тысяч человек и соответственно уменьшит численность своих войск в Восточной Европе.

По своему стилю, лексике и содержанию его речь резко отличалась от речей его предшественников. Главный специалист ЦРУ по советским делам заявил через несколько дней в Конгрессе США: «Если бы нам неделю тому назад сказали, что Горбачёв может явиться в ООН и предложить в одностороннем порядке сократить на полмиллиона свои вооружённые силы, нас назвали бы сумасшедшими».

Джек Мэтлок, американский посол, был в Нью-Йорке, слышал собственными ушами выступление Горбачёва и поражался тому, что дожил до такого дня, когда ему доведётся услышать подобные речи из уст генерального секретаря (не лукавьте, господа из ЦРУ и господа послы! От Горбачёва вы именно этого и ждали. - В.Л.).

Отвод войск, о котором распорядился Горбачёв, уже осуществлялся, когда к нам пожаловал первый военный гость. В конце ноября 1989 года в

Москву прибыл Ричард Винсент, заместитель начальника штаба обороны. Он посетил в Кривом Роге на Украине танковую дивизию, предназначавшуюся к ликвидации в соответствии с решением Горбачёва об одностороннем сокращении вооружённых сил (вот и пожаловал первый ревизор от НАТО, но далеко не последний. - В.Л.).

...Винсент был приглашён на что-то вроде вечеринки в палатку. Атмосфера сразу стала непринуждённой. Генерал-майор, командовавший дивизией, поднялся и сказал: «Некоторые начинают поговаривать, что всю армию бросают на помойку (пауза)... Я согласен с теми, кто так говорит». Начальство постаралось изо всех сил загладить происшедшее, но слова были произнесены».

Но что взять с этих невежественных русских генералов, - обидели дорогого гостя! И ведь не один такой нашёлся в нашей армии: Бретвейт жалуется ещё на начальника Генерального штаба Моисеева:

«...Он мог неожиданно и агрессивно «показать зубы». Время от времени он покрикивал на меня, как полковой старшина, шёл ли разговор о необходимости мира и дружбы, или о прегрешениях НАТО, или о крайней нежелательности войны в Персидском заливе против Саддама Хусейна. Он был русским патриотом старой закваски. Он хотел возродить дореволюционные гвардейские полки, а когда на него находило особенно экспансивное настроение, рассказывал истории о военных героях России, звучавшие, как статейки из английского «Журнала для мальчиков», содержавшего назидательные материалы для юношества.

Он считал, что сталинский период был хорош, потому что в то время люди были дисциплинированны и горели энтузиазмом. Его глубоко возмущала критика, которой подвергались вооружённые силы».

Хорошо, что среди упёртых советских генералов нашелся такой светоч демократии, как Волкогонов, - сэру Родрику было с кем душу отвести:

«Он сломал интеллектуальный панцирь, в котором застряли столь многие из его коллег. К тому времени, когда я с ним познакомился, он уже начал ратовать за ликвидацию ячеек коммунистической партии в армии. Он получал огромную враждебную почту из-за недавно опубликованной им новой оценки роли Сталина, основанной на архивах Министерства обороны, к которым он имел доступ...

По мере развития Горбачёвской революции Волкогонов всё больше отдалялся от своих старых коллег. Окончательный разрыв произошёл в марте 1991 года, когда его раскритиковали за гигантский труд по истории Великой Отечественной войны. То было судилище, учинённое высокопоставленными военачальниками. Их возмущало, что он не признал, что Советский Союз создал накануне войны удобный стратегический плацдарм, «освободив» Западную Украину, проведя войну с Финляндией и включив в свой состав страны Балтии и Молдавию. Они не могли ему простить того, что катастрофические поражения Советского Союза в первые месяцы войны он объяснял неподготовленностью

вооружённых сил и тем, что Сталин уничтожил после 1937 года офицерский корпус. Они назвали его книгу антипатриотической и антикоммунистической. Все это напоминало коллективные нападки на писателей и учёных в брежневскую эпоху и до неё.

Написанная им история не была опубликована. Волкогонова уволили из Института военной истории. Но к тому времени он был уже депутатом российского парламента, близким к Ельцину, и мог себе позволить показать нос динозаврам».

Как видите, в лексиконе английского посла появляется новое словечко, - «кочевники» и «орда» кажется ему теперь слишком человечными терминами, лучше назвать русских генералов просто вымершими пресмыкающимися, динозаврами.

* * *

К динозаврам, а то к кому-нибудь и похуже Бретвейт относит также председателя КГБ СССР Владимира Крючкова:

«Я встретился с ним, маленьким, морщинистым человеком, сопровождаемым пухленькой женой, лишь на двух-трёх официальных церемониях. Я не видел смысла в более серьёзной встрече, так как мы всё равно стали бы без толку препираться по поводу взаимных высылок дипломатов и журналистов или отказа КГБ разрешить Лейле Гордиевской воссоединиться со своим мужем, двойным британским агентом Олегом Гордиевским (бессердечный Крючков! - В.Л.).

...Его психология имела глубокие корни в прошлом. Подобно своему царскому предшественнику графу Бенкендорфу, он, по-видимому, искренне верил в то, что истинная и незаменимая роль тайной полиции - служить главным стражем государства и его интересов (а в Великобритании Координатор служб разведки и безопасности кабинета министров, как ныне называется английский глава госбезопасности, верит, наверно, что основная его, Координатора, задача - раздавать подарки на детских утренниках. - В.Л.). В своих мемуарах Крючков говорит о практиковавшемся КГБ подслушивании: «Я не видел и сейчас не вижу в этом никакого нарушения прав человека, поскольку это диктовалось интересами государства» (в других стран, подслушивание, конечно, не применяется - да, господин посол? - В.Л.).

Крючков был апологетом Сталина... Когда начались реальные перемены, он не мог этого выдержать. Стал презирать Горбачёва, хотя умело маскировал свою враждебность. Ещё в марте 1991 года, за пять месяцев до путча, он заявил Ричарду Никсону, что твёрдо поддерживает реформы, и Никсон, видимо, ему поверил. Однако Крючков передал одному из лиц, сопровождавших Никсона в поездке, сообщение, в котором предупреждал, что Горбачёв может быть в скором времени свергнут в результате парламентского переворота, возглавляемого Лукьяновым и поддерживаемого армией и КГБ.

В то время я не слышал об этом предупреждении, однако он точно заранее описал «конституционный переворот», который Лукьянов и

Крючков попытались произвести в июне следующего года...».

Этот переворот всё время не давал покоя англичанам. «В январе 1989 года Форин Офис запросило, верно ли, что Горбачёва того и гляди свергнут в результате переворота,- сообщает Бретвейт.- Моё мнение было таково. Было уже ясно, что экономические мероприятия Горбачёва были путаными, непродуманными и неэффективными. С началом выборов делегатов на новый съезд политическая нервозность усилилась. У Горбачёва не было ораторского искусства, чтобы вдохновить простой народ на жертвы, как это сделали в своё время Черчилль и Рузвельт. Его бесконечные наставления всё больше раздражали слушателей. Некоторые начинали поговаривать, что питались лучше при Сталине. Как русские, так и наблюдатели извне начали бояться, что толпа может выйти на улицы. Это был бы не первый случай, когда русская революция начиналась с «хлебного бунта»...

Возможен был и захват власти военными националистами, русскими шовинистами, антисемитами, об «агрессивном мстительном консерватизме» которых не так давно предостерегал в публичной речи Александр Яковлев. Горбачёв и его сторонники составляли в партии меньшинство. И, скорее всего, мы не получили бы никакого, а тем более заблаговременного предупреждения о его падении. Даже в условиях гласности мы мало что знали о внутреннем механизме деятельности Политбюро: Горбачёв мог исчезнуть в один миг, как это было с Хрущёвым».

Далее Бретвейт хвалит Горбачёва, сравнивая его с Петром Великим, но без «садизма» последнего, а заканчивает тем, что обращает внимание Форин Офис на Ельцина, вернувшегося тогда из поездки в США, где он заручился мощной поддержкой американцев. Думается, что и без Бретвейта в Форин Офис уже знали, на кого делать следующую ставку в политической игре в России.

* * *

«Ельцин,- пишет о нём Р. Бретвейт, - был естественным центром притяжения для всех, кто надеялся на радикальные перемены. Мы увидели его впервые в 1988 году на приёме в Кремле по случаю годовщины Октябрьской революции. Он стоял в стороне от руководителей Политбюро и правительства. Некоторые нерешительно к нему подходили, другие осторожно избегали. Джилл хотела сразу же подойти к нему и заговорить. Но я считал, что во время нашего первого появления на публике нас не должны были видеть общающимися запанибрата с человеком, все ещё пользующимся скверной политической репутацией. С моей стороны это было проявлением малодушия и одновременно дипломатического благоразумия, о котором я впоследствии сожалел (американцы шустрее оказались. - В.Л.).

Простым русским он понравился с самого начала. Понравился потому, что, в отличие от Горбачёва, пил и сваливался в реку так же, как и они сами (можно было бы добавить: валялся в грязи, как они, ходил в

лохмотьях и запрягал вола в сломанный грузовик, - ну и конечно, не чистил сиденье унитаза. В общем, свой в доску. - В.Л.). А также потому, что выступал против системы, которую они ненавидели, боялись и презирали. И ещё он понравился им потому, что был жертвой несправедливости, а у русских слабость к её жертвам...

Вокруг него группировалось всё большее число демократов и антикоммунистов. По всей стране люди соревновались за то, чтобы иметь его своим кандидатом: в его родном Свердловске и в таких местах, как, например, Архангельск, с которыми раньше он никак не был связан. Но его окончательный выбор пал на Московский регион, электорат которого был равен почти семи миллионам. Как рассказал мне впоследствии Андрей Сахаров, в день голосования Ельцин поставил возле каждой кабины для голосования двух или трёх человек, которые должны были следить за тем, чтобы всё было по-честному (и не давать голосовать по-другому. - В.Л.). Это почти десять тысяч человек - громадное достижение, учитывая, в сколь невыгодное положение он был поставлен (чьё достижение? - В.Л.).

Соперничество между Ельциным и Горбачёвым стало теперь движущим фактором русской политики. Однако в этом заключался главный парадокс. Оба они проделали путь от нищеты и безвестности в провинции к центральной власти, и путь этот был ими проделан самым традиционным советским образом - благодаря их личным талантам и покровителям в самой партии (именно покровителям! - В.Л.).

Ельцин... на практике пользовался идеей независимой России для того, чтобы ослабить и дискредитировать советское правительство и таким образом изолировать Горбачёва - шаг к тому, чтобы вовсе его устранить. Если не считать нескольких лозунгов, никакой политической философии у него не было (а где же личные таланты? - В.Л). Различные тонкости насчёт правового государства, нового мышления в вопросах внешней политики, мира, свободного от ядерного оружия, - все это было не для него. Его познания в области экономики были скудны (да, действительно очень талантливый человек. - В.Л.). Он часто не следил систематически даже за повседневной политической жизнью. Номенклатурные чиновники и их жены либо презирали Ельцина, как клоуна, либо боялись его, как демагога.

Я относился к нему с подозрением почти до самого конца, отчасти, без сомнения, под влиянием слухов и сплетен не всегда ложных, усердно распространявшихся против него».

Да, сэр Родрик, чувствуется, что до сих пор вы не можете простить американцам, что они обошли вас в обработке Ельцина. Промашку вы дали, господин посол!

* * *

События, между тем, стремительно развиваются, и к Бретвейту зачастили гости из Англии. «Ни один уважающий себя член кабинета не мог себе позволить отправиться в Лондоне на званый обед, если он не

побывал перед этим в Москве или вот-вот не собирался туда отправиться, - сообщает он. - Ко времени нашего отъезда из Москвы нас посетили: Маргарет Тэтчер три раза, Джон Мэйджор - дважды, министр иностранных дел - 6 раз. Кроме того, у нас побывали 9 других членов кабинета, 4 младших министра, 3 члена королевской семьи, директор Английского банка, начальник Штаба обороны, начальник Генштаба, Первый лорд Адмиралтейства, американский Главнокомандующий НАТО и множество других менее значительных сановников».

И чего это они все в Москву, да в Москву, - неужто для поднятия аппетита перед зваными обедами? Но вот что удивительно, сам Бретвейт в это время всё больше ездил по республикам СССР. Приведу лишь небольшие фрагменты из описания его путешествий:

«...На окраине Киева мы обедали с главой «Народного Руха» Иваном Драчом и его коллегами. Люди постарше вели себя осторожно. Более молодые бормотали что-то насчёт независимости. Вечер закончился народными танцами и бесчисленными тостами.

Уолдгрэйв неосторожно провозгласил тост за «Украинскую независимость». Тут же вмешался один английский чиновник, заявивший, что в своём тосте министр в действительности имел в виду «Украинскую культурную независимость». «Ничего подобного!» - твёрдо возразил Уолдгрэйв и вновь поднял свой бокал. В последующие годы я нередко напоминал лидерам Руха, что первым официально высказался в поддержку независимости Украины англичанин...

Двумя месяцами позже, возвращаясь после отдыха летом 1990 года, мы заехали во Львов. В центре города находились руководящие органы Пушкинского общества и Общества Сахарова. Последнее, как сообщил нам наш украинский гид, было «прогрессивным», первое таковым определённо не являлось. Во Львове, как в Веймаре, русские националисты превратили Пушкина в символ имперской державы, и местным жителям это не нравилось.

Совсем рядом с нашей гостиницей на холме находился собор Святого Георгия в стиле барокко. Русская православная церковь завладела им, когда Западная Украина была присоединена к Советскому Союзу. Теперь собор был возвращён греко-католикам...

Представители Руха заверили нас, что в независимой Украине не будет этнических беспорядков, несмотря на то, что история страны знает немало проявлений антисемитизма и кровопролитных столкновений между поляками и украинцами. То же самое говорил председатель Львовского городского совета...

Бюст Ленина был уже вынесен из парадного входа в старое муниципальное здание. Руководители местной коммунистической партии занимали теперь только один этаж. От них осталась лишь тень того, чем они были раньше; они всё время оправдывались и извинялись. Они признавали, что партия в прошлом совершала преступления, и соглашались с тем, что она не может больше рассчитывать на

привилегированное положение в состязании с другими партиями. В прошлом это были большие люди, уверенные в себе, наделённые властью. Теперь они не играли никакой реальной роли в жизни города.

...В апреле 1990 года мы с семьёй отправились в Казахстан и Киргизию - отчасти по делам службы (по делам службы, заметьте! - В.Л.), отчасти для отдыха. Я прибыл в Алма-Ату поздно вечером и прямо из аэропорта поехал к родителям Марата Бисенгалиева, молодого казахского скрипача, вместе с которым я часто музицировал в Москве. Семья Бисенгалиевых, которые были музыкантами более двухсот лет, жила в небольшом доме на окраине города. Позади дома у них был сад с юртой, овцами и козами, а внутри дома, на стенах - портреты британской королевской семьи...

В Алма-Ате моим главным официальным визитом было посещение Нурсултана Назарбаева, Первого секретаря компартии и Председателя Верховного Совета Казахстана. Я нашёл его внушительным, но лишённым обаяния, - правда, впоследствии он стал производить более приятное впечатление. Он считал, что для разрешения многочисленных проблем страны нужны, быстрые реформы. Он стоял за экономическую автономию для республики и намеревался предоставить большую свободу бизнесу...

В Бишкеке я посетил премьер-министра и министра иностранных дел. Премьер-министр Джумагулов оказался более мягким и разговорчивым человеком, чем Назарбаев. Он тоже говорил о растущей экономической автономии своей республики... Люди хотели восстановления киргизских традиций».

А вот ещё ответ Бретвейта на запрос Лондона относительно Прибалтики: «Лондон запросил у меня оценку состояния Союза. Я повторил свою стандартную линию. Реформа породила сопротивление. Переворот против Горбачёва возможен...

Я обращал особое внимание на ухудшающееся положение в прибалтийских государствах, особенно в Литве. Москва, возможно, позволит прибалтам покинуть Союз мирно. Но нам надо заранее определить свою публичную линию поведения на тот случай, если Горбачёв прибегнет к силе. Мы могли бы поддержать насильственное восстановление порядка. Но применение силы для подавления законных политических чаяний народов Прибалтики - это было бы уже нечто совсем другое».

* * *

Итак, английский посол разъезжает по Советскому Союзу, встречается с сепаратистами, даёт рекомендации по их поддержке, а английский министр в открытую провозглашает тост за отделение одной из республик - Украины - от СССР! А если бы советский посол в Великобритании поехал бы, положим, в Ольстер, поговорил бы там с представителями Ирландской Республиканской Армии, борющейся за независимость всех графств Северной Ирландии от Англии, а советский министр провозгласил бы при этом соответствующий тост? Что сказали бы

по этому поводу в Лондоне даже трудно себе представить!.. Но, погодите, впереди нас ждут более удивительные признания Бретвейта:

«Вечером 4 февраля 1990 года несколько сотен тысяч человек собрались на Крымском мосту возле Парка Горького, - рассказывает английский посол. - Они прошли по Садовому кольцу, мимо Музея Революции на улице Горького до Манежной площади, находящейся прямо под стенами Кремля. Впервые демонстрации оппозиционеров позволили подойти так близко к самому центру власти. Некоторые несли царские флаги и флаги Временного правительства, созванного в феврале 1917 года, как бы намеренно пытаясь перекинуть мост в докоммунистическое прошлое. Другие несли лозунги: «Долой КГБ!», «Армия, не стреляй!», «Партийные бюрократы, помните о Румынии!».

Шла с ними и Джилл, которая пошла просто посмотреть, а затем присоединилась к общей массе. На Манежной площади к ним обратились Ельцин, Гавриил Попов, Коротич и поэт Евтушенко. Большинство демонстрантов составляли пожилые люди, принадлежавшие к средним классам. Молодёжи среди них было сравнительно мало. Несколько человек узнали Джилл, которая недавно выступала по телевидению: «О! Вы жена «нашего» английского посла!».

Вдумайтесь, - жена английского посла, полномочного представителя Великобритании в СССР, участвует в демонстрации, направленной против законного порядка управления в Советском Союзе! Попробуем, опять-таки, вообразить, что нечто подобное происходит в Лондоне: жена советского посла встаёт в ряды демонстрантов, выступающих за изменение конституционного строя Соединённого Королевства и угрожающих его правительству. Что бы заявило по такому случаю Форин Офис, как бы отреагировал британский парламент, каково было бы возмущение общественности!.. Впрочем, это не последнее изумительное деяние сэра Родрика Бретвейта и миссис Джилл Бретвейт в СССР, будут и ещё - о них я расскажу в следующей главе.

Пока же вернёмся в 1990 год. Демократы одерживают одну победу за другой, радуется сэр Родрик:

«Гавриил Попов был избран в апреле председателем Московского городского совета - ещё одна ключевая позиция в старой коммунистической структуре власти. Станкевич был его заместителем. В июне г-жа Тэтчер посетила Попова в его новом кабинете в московской «ратуше» на улице Горького.

Попов вошёл в свой кабинет шаркающей походкой с надетым в честь г-жи Тэтчер галстуком. За ним шёл новый председатель городского исполкома, коренастый популист Юрий Лужков, ставший впоследствии его преемником. Советский Союз, сказал Попов, похож на маленького мальчика, который вскарабкался на высокое дерево, а как с него спуститься, не знает. Демократия расширена, но она не имеет экономической базы. Нынешняя волна радикального популизма может отхлынуть и превратиться в правый популизм, который приведёт страну

обратно к бюрократическому социализму. Горбачёв довольно успешно действует в сфере международной дипломатии. Но что касается дипломатии внутренней, дела у него обстоят не так хорошо. Он не может руководить в одиночку, пространство для манёвра у него сокращается и руководство сейчас непопулярно на всех уровнях.

Г-жа Тэтчер была в восторге: она узнала в Попове настоящего «тэтчериста», верного последователя Милтона Фридмана и Чикагской школы экономики (ей-богу, так у Бретвейта и написано, я ни слова не добавил, не убавил. - В.Л.).

...Массовая пресса становилась всё более нетерпеливой. «Комсомольская правда», печатный орган комсомола, ставшая видным рупором либеральной общественности, напечатала манифест Солженицына «Как нам обустроить Россию». К этому времени идеи Солженицына уже не были особенно оригинальными. Многие из них стали частью общего мировоззрения в Москве... В манифесте содержались некоторые великолепные выпады. «Часы коммунизма пробили в последний раз».

Сентябрьский номер журнала «Огонёк» напечатал «Манифест Крестьянской партии России». Никаких свидетельств того, что такая партия существует в реальном мире, не было. Но язык «Манифеста» был поджигательским!

«Страна накануне голода. В год небывало богатого урожая магазины в городах пусты. Миллионы тонн нашего собственного зерна гниют, а мы покупаем за золото зерно за границей. Это - не следствие глупости какого-нибудь министра, это предсмертные судороги системы, возмездие за десятилетия насилия и надругательства над теми, кто трудится на земле, и над самой землёй. В результате чудовищного социального эксперимента русское село приближается к XXI веку разорённым, обезлюдевшим, обнищавшим. Импорт продовольствия - прямая поддержка агроГУЛАГа. Никто кроме русского крестьянина не может накормить Россию. Пора прекратить попытки спасти колхозы - мы должны спасти народ!»

Процесс покорения альтернативного Российского государства достиг кульминации девятью месяцами позже, 12 июня 1991 года, когда в результате выборов, происходивших в ожесточённой борьбе, Ельцин был избран президентом РСФСР. Была создана власть, противостоящая старой советской системе»

* * *

Приближалась развязка. Как я уже упоминал, а Бретвейт описывает это по-своему, «в июле 1991 года Горбачёв прилетел в Лондон на встречу глав государств и правительств Англии, Франции, Германии, Италии, Японии, Канады и США - на «экономический саммит группы Семи (С7)». После заседания Джон Мэйджор пригласил его в Ковент-Гарден на оперу Россини «Золушка». Когда Горбачёв вошёл в театр, зрители его приветствовали, а по окончании спектакля, когда он вышел на улицу, ему

устроили овацию. В своей собственной стране такого восторга он уже более не вызывал.

Обед при свечах был устроен в Доме Адмиралтейства, в маленькой столовой с чудовищными обоями и претенциозными картинами, изображающими морские победы над французами. Горбачёв и Раиса вошли, держась за руки. Горбачёв был в своей наилучшей форме: обаятельный, живой, откровенный, оптимистичный, но в то же время серьёзный.

Он утверждал, что ничто не заставит его отказаться от стратегической цели - преобразования страны и создания рыночной экономики. Но каждая страна должна найти наиболее подходящие для неё формы, в России существует сильное сопротивление переменам. Иностранцы придают большое значение приватизации земли, но русские крестьяне считают, что земля - от Бога... Изменить их взгляды гораздо труднее, чем это представляется иностранцам.

Как сказал Горбачёв, если он добьётся успеха, люди забудут о своей критике, если же потерпит неудачу, «тогда и десять ангелов нас не смогут спасти»... Но он уверен, что всё будет в порядке».

Да, Горбачёв был уверен, что «всё будет в порядке», - а какой смысл был заложен в его словах, мы узнали в августе 1991-го.

Часть 6. ГКЧП. Переворот Горбачёва и Ельцина

Вернувшись в Москву из Лондона, Горбачёв немедленно развернул кипучую деятельность по подготовке государственного переворота. Активно подыгрывал ему Ельцин. В субботу 20 июля он подписал Указ, запрещающий деятельность парторганизаций «в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». Это называлось «департизацией» (термин Г. Попова). Акция была рассчитана на то, чтобы спровоцировать резкую реакцию предстоящего через несколько дней Пленума ЦК КПСС.

Как президент СССР, Горбачёв был полномочен отменить Указ Ельцина, однако под разными предлогами отказался это сделать. В то же время в Москве провокаторы, среди которых выделялся, конечно же, Александр Яковлев, по-прежнему похожий «на лягушку, страдающую поносом», - распространяли слухи, будто Шенин намерен возглавить в ближайшее время «реваншистский демарш». В эти же дни сам Горбачёв окружил Шенина исключительным личным вниманием. «Ни разу спать не лёг,- рассказывал Олег Семёнович,- не позвонив сначала мне. Что да как? Яковлева называл сукой».

Задним числом смысл этих ухаживаний понятен. В том составе Секретариата ЦК Олег Шенин, в силу малого опыта жизни в московском политическом серпентарии и некоторых черт своего характера, был единственным, кого можно было бы в принципе спровоцировать на

решительные шаги. Все остальные были осторожными и недоверчивыми. Поэтому ставка была сделана на втягивание в провокацию именно Олега Семёновича.

Во вторник 23 июля - последняя сходка в Ново-Огарево. Горбачёв возбуждённо деловит, открыт для компромиссов, торопит: «Я не знаю, товарищи, до вас доходит или нет, но я уже чувствую опасные тенденции. Нам нужно быстрее завершить с Договором. Быстрее!» Кое-как собравшиеся соглашаются назначить подписание Договора на сентябрь - октябрь 1991 г. на Съезде народных депутатов СССР. До этого, однако, нужно досогласовать некоторые моменты, а именно: опять же, кто кому будет платить? И что делать с автономиями? Т.е., по сути, ни о чём не договорились. Дата 20 августа, как утверждает бывший при этом Лукьянов, не фигурировала.

В четверг 25 июля - Пленум ЦК КПСС, скучный, тягучий. Обсуждают проект новой Программы КПСС. Смешно: дом пылает свечой, а внутри сидит сумасшедший хозяин и строит планы на светлое будущее. Выделялось из ряда прочих выступление Лукьянова, который верно предсказал, что вслед за партией станут громить Советы: «Зачем и с какой целью? Одна из целей - вывести из-под контроля представительных органов решение практических вопросов перехода к рыночной экономике, в первую очередь, разгосударствление и приватизацию». Как в воду глядел Анатолий Иванович!

На удивление легко Горбачёв согласился на созыв осенью внеочередного съезда КПСС. Вообще, многие тогда обратили внимание, что выглядел он со стороны в этот раз очень уверенным в себе, даже надменным. «Похож был на Муссолини», - поделился со мной впечатлениями от генсека один из участников Пленума. Секрет такого высокомерия сегодня разгадать не трудно: Горбачёв единственный среди всех знал, что не будет осенью ни пленума, ни съезда, ни нового Союзного Договора. Он точно знал все это уже 25 июля.

* * *

Поздно вечером 29 июля (понедельник) в Москве объявился с последней инспекцией Дж. Буш-старший, в прошлом директор ЦРУ США, то есть высокий профессионал по части организации в чужих странах всевозможных путчей. Накануне визита московская пресса маскировала его цели необходимостью подписать очередной договор по разоружению. Однако сам президент США в своём последнем интервью перед вылетом из Вашингтона сказал без лукавства: «Это не будет встреча в верхах по контролю над вооружениями», - и тут же назвал цену, которую Горбачёву назначат США за очередную «услугу»: «Проблема Прибалтики, вопрос о советских расходах на оборону и помощь СССР другим странам».

В первой половине дня 30 июля Дж. Буш обстоятельно поговорил в Кремле «с глазу на глаз» с Горбачёвым. После обеда, там же в Кремле, обстоятельно пообщался «с глазу на глаз» с Ельциным. На следующий день, в среду 31 июля президент США явил себя в Ново-Огарёво, где к

нему был допущен Назарбаев. И случилось чудо. После этой встречи Горбачёва, Ельцина и Назарбаева словно бы подменили. Все противоречия, которые так долго разделяли их в отношении нового Союзного Договора, стали вдруг неактуальны настолько, что они объявили на весь мир о своей готовности срочно подписать Договор, не дожидаясь, пока пелена упадёт с глаз и остальных участников новоогаревского процесса. Назвали и дату подписания - 20 августа. За это Дж. Буш публично похвалил их. Отобедав, он подмахнул в Кремле для прессы очередной разоруженческий Договор и улетел в Киев для разговора «с глазу на глаз» с Кравчуком. После чего в Москве всё вдруг пошло кувырком.

На следующий день, 1 августа, Шенин позвонил Полозкову и спросил: «Ты знаешь, что Горбачёв уходит в отпуск?». Тот опешил: «Как уходит? Ведь у нас пленум, он должен быть». Шенин посоветовал: «А ты позвони ему». Полозков позвонил: «Правда, что вы уходите в отпуск?». Горбачёв сказал в трубку: «Иван, ты что, белены объелся? Никого не слушай. Будет, как договорились. Давай работай. Тут у меня делегация».

На следующий день, в пятницу 2 августа, встревоженный Полозков (ведь речь шла о замене первого секретаря ЦК КП РСФСР) отыскал в 9-м Управлении КГБ знакомого офицера: «Правда, что Горбачёв улетает в отпуск?» Офицер ответил, что да, и самолёт уже готов. «А на 6-е он планирует быть в Москве?». «Нет, не планирует». Полозков снова к Шенину: «Что делать?» Тот сказал: «Звони Горбачёву». Позвонил, снова спросил про отпуск. Горбачёв завёлся: «Ну, что ты пристал? Сам видишь, какой тяжёлый был месяц». Полозков упёрся: «Я так не могу. Нужно посоветоваться по кандидатурам». Горбачёв подумал и сказал: «Я сейчас тоже не могу. У меня делегация. Заходи вечером. С Шениным».

Вечером Горбачёв увлёк товарищей по партии в угол кабинета, усадил, рассказал пару свежих хохм про Буша, порадовался, что удалось выйти на Союзный Договор. Затем взялись «лопатить кандидатуры». Полозков показал на Шенина: «Пусть Олег Семёнович берётся». Горбачёв обиделся: «Ты что, хочешь меня одного с этими суками оставить?» - и кивнул куда-то в сторону.

Рассказывая мне эту полуанекдотическую историю своей последней встречи с Горбачёвым, Полозков сказал, что его неприятно задело, даже насторожило подспудное безразличие генсека к тому, кто станет во главе российского ЦК. Год назад он бился насмерть, чтобы провести туда своего человека, а сейчас проглядывало хоть и замаскированное нужными словам, но всё-таки равнодушие.

Горбачёв выпроводил Полозкова из своего кабинета первым. Довёл до двери и на прощание, явно в расчете на уши Шенина, повторил громко: «Олега не трогай, он у меня один на всех этих...» И снова дёрнул головой в сторону.

* * *

Прежде чем отбыть в отпуск, Горбачёв сделал по телевидению

торжественное обращение об открытии к подписанию Союзного Договора. Хорошо видно, что в тексте обращения полностью отсутствует какая-либо конкретика. Чистейший дешёвый пиар, ориентированный на то, чтобы создать в обществе иллюзию, будто 20 августа и в самом деле состоится подписание. Однако в тех политических условиях, в которых находились тогда и Горбачёв, и Ельцин, ни о каком подписании для них в действительности не могло быть и речи. Если, конечно, сладкая парочка не планировала совершить вместе политическое самоубийство. Дата 20 августа была блефом государственного масштаба.

Отбывая спешно в Форос, Горбачёв оставил «на хозяйстве» в ЦК Шенина, поскольку официальный зам. генсека Ивашко лёг «подлечиться». Между тем в Москве развили страшную активность академик Яковлев, его ближайший той поры сподвижник генерал-предатель Калугин, российский вице-президент Руцкой, грузинский лис Шеварднадзе.

Мощно и по сути открыто действовала несметная иностранная агентура. Кипели какие-то антисоветские съезды, конференции. Сновали озабоченные, яростные люди, похожие на голодных крыс.

В пятницу, 16 августа в печати появился, наконец, текст пресловутого Договора. Подчеркну ещё раз, что его подписание 20 августа, с точки зрения интересов политического выживания Горбачёва и Ельцина, было абсолютно немыслимым. Ибо, пойди они на этот шаг, в ответ получили бы молниеносную консолидацию на базе итогов мартовского Всесоюзного референдума тех громадных сил, которые не желали раздела СССР. А это: сохранившиеся организации и структуры КПСС; Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР; значительное большинство народных депутатов и членов ВС РСФСР; правительство СССР; все советские силовые структуры и, наконец, подавляющее большинство граждан страны.

Помимо этого, уже тогда в окружении Ельцина определяющую роль играли люди, для которых главной и единственной целью являлось обращение в личную собственность природных ресурсов России. Прежде всего, конечно, нефти и газа. Новоогаревский Договор не давал им такой возможности.

В своей совокупности все эти обстоятельства означали, что в случае подписания Договора Горбачёв и Ельцин вынуждены были бы тут же, не вставая с места, застрелиться. Поэтому публикация Договора 16 августа являлась не более чем плановым провокационным ходом в череде подготовительных мероприятий, призванных, в конечном счёте, высечь из общества искру неосторожного вооружённого сопротивления. Сохрани тогда будущие деятели ГКЧП хладнокровие, не делай резких движений - Горбачёву и Ельцину пришлось бы с большими для себя политическими потерями отрабатывать назад.

* * *

В понедельник 19 августа я узнал из телевизионных новостей, что произошло. Отправился на работу в ЦК. Там в коридорах наблюдалось

некоторое оживление. Надо сказать, в последнее время в комплексе зданий ЦК КПСС на Старой площади все громче свистел ветер запустения и развала. В буфетах исчезли нормальные столовые приборы. Появились грязные гнутые алюминиевые вилки. По ночам в кабинетах сотрудников кто-то взял моду срезать кнопочные телефонные аппараты. Иногда вскрывали рабочие сейфы, и, если находили что-то ценное, уносили.

Утром 19 августа было много звонков с мест. Образование ГКЧП в основном поддерживали, но вызывала насторожённость версия, будто Горбачёв болен. В неё не верили. Если бы объявили, что ему предъявлено обвинение в государственной измене, и на время следствия он изолирован, это было бы принято без сомнений и с одобрением.

Между сотрудниками прошёл слух, будто бы состоялось заседание Секретариата ЦК под председательством Шенина, но что «они» решили - неизвестно. Потом новый слух, будто на места ушла шифровка с указанием поддержать ГКЧП. Позже выяснилось, что Шенин действительно разослал за своей подписью шифровку: «В связи с введением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии ГКЧП». После разгрома она оказалась в руках прокуроров, по сути, единственным материальным свидетельством причастности партии к делам ГКЧП.

Ближе к обеду прошелестел новый слух, на этот раз о созыве Пленума ЦК. И потом вдруг, как отрезало, полная тишина. Со временем я узнал, что во второй половине дня в ЦК приехал из Барвихи Ивашко, отодвинул Шенина и взял ручку управления на себя. Сразу стало тихо, как в детской игре в «замри». Никто ничего толком не мог объяснить. Кругом роились только слухи. В душе возникло и стало нарастать чувство, что все мы в западне, из которой нет выхода.

Во вторник 20 августа в коридорах Орготдела не было никого. Все, как мышки, сидели по кабинетам. Иногда заглядывал кто-нибудь из коллег, оставлял слух и исчезал. Прошелестело, будто переметнулся Лебедь. Куда? К кому? Александр Иванович был членом ЦК КП РСФСР. На Пленумах гудел, как иерихонская труба, правильные вещи. Я не мог вообразить его демократом.

Потом заговорили, будто к Ельцину перебегает милиция. Будто организует это заместитель министра Пуго генерал Громов. Снова не поверил. Громов - герой афганской кампании. Боевой советский генерал. Такие не перебегают.

Во второй половине дня, устав от безделья и слухов, решил отправиться домой. Пешком. Посмотреть, что в городе. Есть такой журналистский штамп: «тщательно организованная провокация». Провокация августа 91-го была организована грубо, я бы даже сказал, вызывающе хамовато. На площади Свердлова, у Большого Театра, дальше по проспекту Маркса и в начале Манежной площади танки и много солдат в строю. Зачем? Ежу понятно. По периметру три крупнейших гостиницы: «Интурист», «Москва» и «Националь». Каждая нашпигована

иностранными журналистами, репортёрами, резидентами. Сцена устроена для них.

На углу улицы Горького, у подземного перехода, танк. На нём молодой мужик лет 30, полноватый, машет полосатым флагом (тогда такие называли «бесиками»: белый, синий, красный). Время от времени выкрикивает: «Горбачёв, Ельцин - да! Военный переворот - нет!» Рядом массовка человек 10, подхватывают этот лозунг. Кто же позволил мужику забраться на боевой танк с «бесиком»?

Офицеры кучкуются группками в стороне, не вмешиваются. Солдаты в строю - в основном мальчишки. Выглядят очень усталыми, похоже, давно стоят. Жарко. Они все в керзачах. Вижу, как на одного, совсем молодого, коршуном налетает женщина лет 40-45: «Ты будешь стрелять в матерей!? Будешь стрелять в матерей?!» Тот стоит замученный, безучастный, глаза чуть завёл под веки. Сейчас бы я сказал этой тётке, попадись она мне: «Пусть в тебя чечен стреляет, дура!» Тогда промолчал, пошёл дальше вверх по Горького.

У красного здания Моссовета - бодрая суета, оживление. Вроде как в большой молодёжной компании перед хорошей выпивкой. Туда-сюда снуют озабоченные революцией люди, в руках - пачки прокламаций, обращений, ельцинских указов. Все это рассыпают по городу, суют в руки военным. В здании функционирует штаб Александра Яковлева. Ему помогают два его бывших (в ЦК КПСС) помощника: Валера Кузнецов и Коля Косолапов. Оба, само собой, коммунисты, мои бывшие хорошие товарищи по аппарату ЦК. В этот день мы с ними оказались по разные стороны - не баррикад, а корыта. Они - с той, где берут, а я - где отнимают.

На углу площади Маяковского и 1-й Тверской-Ямской улицы стоит иномарка. Задняя дверь поднята в небо. В просторном багажнике две мощные колонки гонят на всю площадь информацию «Эха Москвы». Диктор торопливо перечисляет номера воинских частей, фамилии командиров, названия и фамилии капитанов военно-морских судов, которые блокируют Горбачёва в Форосе. Позже выяснилось, что все это было вранье. Но ведь кто-то его сочинял и загонял в эфир.

И вот, следуя таким путём, отмечая про себя все грубые постановочные швы буфф-переворота, я начинал потихоньку прозревать, что на самом-то деле все эти ребята: и те, которые трясутся от страха в ГКЧП; и те, которые жрут водку с коньяком в удобном бункере Белого Дома; и сам богомерзкий форосский сиделец, умудрившийся за пять лет испоганить жизнь на целой планете,- все эти ребята, на самом деле, заодно. И что в конце концов они между собой полюбовно договорятся. А вот подлинным объектом их путчевых манипуляций, их подлинной несчастной жертвой является не кто иной, как все тот же безмолвный многострадальный народ, ставший «пиплом, который всё схавает». Чтобы его облапошить, даже напрягаться особо нет смысла.

* * *

Поздним вечером этого дня хлынул дождь, и шёл всю ночь. В тоннеле под Новым Арбатом, в давке, в мешанине пытавшейся вырваться прочь бронетехники и разгорячённой спиртным и провокаторами толпы, случайно погибли трое молодых людей. Через несколько дней Примаков придумал дать им Героев Советского Союза, и Горбачёв издал соответствующий Указ. Поставил этих несчастных в один ряд с советскими героями-мучениками: Олегом Кошевым (17 лет), Серёжей Тюлениным (18), Сашей Матросовым (19).

Более подробно об этом рассказала Тамара Шенина статье «ГКЧП. Как это было», размещённой на сайте zapravdu.ru: «В ночь на 21 августа, после введения комендантского часа, в тоннеле на пересечении ул. Чайковского и Нового Арбата гражданскими лицами были блокированы 8 БМП Таманской дивизии. В результате возникшего столкновения погибли Дмитрий Комарь, Владимир Усов, Илья Кричевский; 12 человек, включая военнослужащих, получили ожоги и телесные повреждения.

О гибели этих «героев» стоит сообщить читателю подробнее из материалов уголовного дела ГКЧП.

«Выставив по ходу движения три поста, командир батальона №1 Суровкин с 14 БМП подошёл к пересечению Садового кольца, где неожиданно обнаружил баррикаду при въезде в тоннель, БМП и военнослужащие собравшимися гражданами были забросаны камнями, палками, бутылками с зажигательной смесью, другими предметами.

За тоннелем военные обнаружили ещё одну, более мощную, чем первая, линию заграждений.

Поскольку путь назад был отрезан (по методу чеченских боевиков. - Т.Ш.), перестроиться в тоннеле БМП технической возможности не имели, а связь с командиром полка была прервана, Суровкин принял решение продолжить выполнение стоящей перед ним задачи.

Колонне БМП, двигавшейся по правой стороне Садового кольца, удалось пробить в преграде брешь и пройти через неё.

Из БМП, двигавшейся по левой стороне, не удалось пройти ни одной машине. БМП-601 провалилась в яму, БМП-602 при маневрировании сбросила гусеницу, БМП-535 была зажата между троллейбусами, а другие машины не могли двигаться из-за преграды, созданной ими. Увидев, что БМП, в которой находился командир их роты, прошла преграду, экипаж БМП-536 решил, что они остались одни. Поскольку из-за повреждения антенного провода на БМП оборвалась связь с командиром, экипаж самостоятельно принял решение выполнять приказ и продолжать движение вперёд. В то время, когда БМП выходили из тоннеля, находившиеся там граждане бросили в них заготовленные камни, палки, другие предметы, вставляли в траки арматуру. Сотрудник редакции военного журнала «Морской сборник» - Головко М.А., набросив плащ-палатку на смотровую щель двигавшейся БМП, предложил другим следовать его примеру. Люди стали запрыгивать на БМП, расстёгивали тенты и закрывали ими обзор экипажу.

Одну из машин накрыли Комарь и Чуркин, но она прошла заграждение. Тогда они накрыли БМП-536, однако закрепить брезент не смогли, т.к. оператор-наводчик Нурбаев, вращая башню, сорвал брезент, но и после этого у механика-водителя видимость не появилась, поскольку были разбиты смотровые приборы (триплекс), а смотровая щель накрыта одеждой; при маневрировании от удара о колонну тоннеля открылся правый люк десанта. Догнавший БМП Комарь, имея в руках ломик, попытался им нанести удар Баймуратову, на предупреждение последнего о возможном применении оружия он не реагировал, и Баймуратов, не имея намерения поразить Комаря, произвёл выстрел.

При движении БМП Комарь выпал из машины в открытый люк, ударился головой об асфальтовое покрытие дороги и получил черепно-мозговую травму, повлёкшую его смерть.

Опасаясь проникновения в БМП других лиц, Баймуратов сделал через открытый люк несколько предупредительных выстрелов, при этом пуля попала в незафиксированную кормовую дверь и Усов получил смертельное ранение в голову.

Граждане стали наполнять бутылки бензином и бросать их в БМП, которая загорелась. Когда огонь прорвался во внутренние отсеки машины, экипаж по команде сержанта Семенеги предпринял попытку эвакуации. В механика-водителя Булычёва, открывшего люк, бросили камень, а затем вылили ведро бензина, и он загорелся, получив ожог рук. Отдельные лица препятствовали выходу экипажа из загоревшейся БМВ.

Во время посадки в БМВ-521 члены экипажа горевшей машины продолжали делать предупредительные выстрелы в воздух. Кричевский бросил в них камень, сделал шаг в сторону БМП, но был неустановленным лицом убит выстрелом в голову.

Бывший командир Таманской дивизии Марченков В.И. показал, что дивизия выполняет особые задачи, и в случае объявления повышенной боевой готовности обязана выходить из места постоянной дислокации с боеприпасами. Ситуация, в которую попали военнослужащие батальона Суровкина, была непредсказуема, условия экстремальные, нужно учитывать и то, что солдаты и офицеры выполняли приказ.

Свидетель Зуев показал, что подойдя ближе, увидел колонну БМП, которая следовала в тоннель по Садовому кольцу. Он обратил внимание на то, что в тоннеле несколько машин-водовозов перегораживали проезжую часть. После того как БМП проехали первую баррикаду, они направились в сторону Смоленской площади. Когда Зуев подошёл ближе, то увидел, что БМП уже стояли перед баррикадой, сооружённой из троллейбусов. Ему известно, что на Б. Ордынке находится троллейбусный парк, и все троллейбусы были из него. Было три ряда троллейбусов, которые перегораживали Садовое кольцо.

В БМП стали бросать различные предметы. Это были камни, железки, брёвна. В это время он увидел, как подъехала водовозка. Молодые ребята принесли ящик пустых бутылок и стали заполнять их бензином. После их

затыкали тряпкой и поджигали» (Материалы следственного дела ГКЧП. Т. 132, лл. д. 20-24).

«Среди присутствующих раздавались крики, призывы отобрать оружие, физически расправиться» (там же, т. 134, лл. д. 187-190,191-196,197-202, 204-206, 209-213).

«При осмотре БМП на них обнаружены многочисленные вмятины, царапины, деформация, частичное или полное разрушение, а также отсутствие отдельных наружных узлов и агрегатов, смотровых приборов, следы возгорания в виде оплавления металла и вспучивание краски» (там же, т. 133, лл. д. 106-115, 116-120).

Вот так действовали последние по указу предателя Горбачёва «герои» Советского Союза. Я специально выписала для читателя, как это было. Хулиганы - герои, а солдаты, выполняющие приказ и пострадавшие, - кто? Это был уже не первый удар по доблестной Советской Армии, теперь её практически добили.

Но самое интересное - это выводы следствия: «Противодействуя ГКЧП, незаконному (? - Т.Ш.) вводу в город войск и объявлению комендантского часа, люди вышли на защиту конституционного строя, выполняя свой гражданский долг по ликвидации опасности, угрожавшей законно избранным органам власти, и действовали в соответствии с крайней необходимостью» (Материалы следственного дела ГКЧП. Т. 138 лл. д. 226-238).

Вот так стряпалось «нашими прокурорами» Степанковым и Лисовым следствие.

Была бы у нас нормальная Дума и депутаты, то давно бы и Степанков, и Лисов, и Трубин, и кое-кто ещё сидели бы в тюрьме. Мы же, оставшиеся ещё в живых так называемые гекачеписты и их жены, соберёмся с силами и с деньгами, наймём честных адвокатов и выиграем процесс. Пусть они все, начиная с Горбачёва, посидят хотя бы тот же срок, что наши мужья, но одно условие - в «Матросской тишине» (конец цитаты).

* * *

Спустя годы, из книжки Коржакова я узнал, что в ту жуткую ночь, когда в Москве хлестал дождь, гибли люди, и многие за тёмными бессонными окнами думали с тревогой о том, что может быть завтра с ними и их семьями, Ельцин крепко спал в бункере Белого дома. В какой-то момент Коржаков хотел вывезти его тело от греха подальше в посольство США, но Ельцин проснулся и велел положить себя на место.

Прочитав этот эпизод, я подивился наивности ельцинского топтуна. Ведь это Ельцин, а не Коржаков, беседовал «с глазу на глаз» с Бушем-старшим. Соответственно, в ту ночь Ельцин - знал! А Коржаков, разумеется, нет! Вот где был источник мужества Беспалого.

Рядом, по свидетельству Коржакова, пил водку с коньяком и блевал по углам московский мэр Гавриил Попов. Тут же отдыхал и вице-мэр Лужков с молодой женой в положении. Как рачительные хозяева, они

заранее запаслись продуктами, и теперь кушали.

А чего им было опасаться, когда их иностранные друзья уже открыто встали на их сторону? Вот как об этом пишет все тот же Р. Бретвейт:

«Гай Спиндлер и Ричард Асл, два молодых сотрудника посольства, провели ночь в Белом доме... Я испытывал крайнюю досаду оттого, что вынужден торчать у себя в кабинете, когда рядом вершится история. Все остальные были на улицах города. Я уже высказал Стивену Уоллу, личному секретарю Мэйджора, мнение, что мне следует продемонстрировать солидарность, отправившись в Белый дом. Тот пообещал мне позвонить и сообщить, каков будет ответ. Тем временем я уехал из посольства на «Ниве» с Дэвидом Мэннингом и Джеффом Марреллом, начальником посольского отдела по вопросам внутренней политики. Джилл села в другую «Ниву» со Стивеном, нашим поваром, и Энн Браун.

Мы припарковались на набережной напротив Белого дома, нелепого помпезного здания. Новоарбатский (Кутузовский) мост, ведущий к Белому дому, был блокирован танками, на которых развевались русский и украинский флаги...

Джилл позвонила мне из квартиры Сенокосовых (московские друзья Бретвейтов. - В.Л.). Она встретила их возле Белого дома и слышала радостные крики толпы, когда было объявлено, что премьер-министр Мэйджор позвонил Ельцину, и снова - когда в здание вошёл Шеварднадзе. На следующий день Джилл призналась, что вместо того, чтобы соблюдать комендантский час, она пошла с Сенокосовыми к защитникам Белого дома. Сейчас, объяснила она, пришло время, когда все либеральные интеллектуалы должны ясно заявить о своей позиции».

Вот вам ещё одно интересное приключение английской посольской четы в нашей стране. Мало того, что чуть ли не все сотрудники британского посольства присоединились к «демократам», жена английского посла самолично полезла на баррикады защищать Ельцина. Но ведь, строго говоря, законной властью был ГКЧП, а Ельцин со своими сторонниками являлись мятежниками.

А если бы подобное происходило в Лондоне, опять спрошу я вас, и жена нашего посла влезла бы на баррикады, чтобы защитить тех, кто бросил вызов законному английскому правительству? Или что позволено Юпитеру, не позволено быку?.. Двойные стандарты так привычны для западной политики.

* * *

Под утро ельцинские «демократы» стали по очереди выходить из бункера. Последним вышел Гавриил Попов и, ещё не вполне придя в себя после перепоя, объявил, что у него имеются неоспоримые доказательства причастности КПСС к организации военного переворота.

У «них» - день победы. В утренних «Известиях» знаковая статья под угрожающим заголовком: «Запомним всех, обдумаем все». Автор - Отто

Лацис, политически выморочный субъект, тогда член ЦК КПСС, первый заместитель главного редактора теоретического органа ЦК «Коммунист», один из Горбачёвских подпевал среднего звена. В роковой для его партии день не нашёл себе лучшего занятия, чем разжигать с газетных страниц антипартийную истерию.

Где-то в 15.30 у главного подъезда ЦК неожиданно возникла возбуждённая толпа. Свист, крики: «Долой КПСС!». Комендатура закрыла все массивные наружные ворота. От руководства поступило сообщение, что жёнщины могут покинуть здание, не дожидаясь окончания рабочего дня. Называли номера подъездов, через которые пока ещё можно выйти. Прошла зловещая информация о самоубийстве министра внутренних дел СССР Бориса Карловича Пуго и его супруги. По работе в ЦК я достаточно хорошо знал Бориса Карловича. Для меня он был человеком чести. В ситуации тех дней, по моим понятиям, генерал-полковник Пуго поступил как мужчина и воин.

Об этом говорит, в частности, и Тамара Шенина в уже упоминавшейся статье «ГКЧП. Как это было»: «Из показаний Б.В. Громова следует, что после совещания у Ачалова он доложил Б.К. Пуго об его итогах. Борис Карлович сказал, что данная задача должна быть выполнена. Несмотря на такой приказ, он, Громов, в 16 часов позвонил Грачёву и сообщил, что внутренние войска он вводить не будет. Грачёв так же заверил его, что и он не будет вводить два полка ВДВ, вызванные на подкрепление. После этого Громов дал указание своему заместителю Дубинеку без его ведома дивизию внутренних войск в Москву не вводить, даже если это будет приказ Пуго (Материалы следственного дела ГКЧП. Т. 82, лл. д. 124-134, Т. 92 лл. д. 33-44).

...Я не знаю, убили ли Бориса Карловича и его жену (зачем приехал к нему тогда Явлинский и что он там оставил?) или он сам принял такое решение, но это был человек светлый, порядочный, жизнелюбивый. И в добровольный его уход из жизни вместе с женой что-то не очень верится...»

В пятницу 23 августа, снова в 15.30, у здания ЦК опять собирается толпа. На этот раз действуют более организованно. Заблокировали все выходы. Покидающих здание женщин освистывают, вырывают у них сумки, обыскивают.

В 16.00 по внутреннему радио заговорил какой-то представитель из команды Г. Попова. Сообщил, что, по согласованию с президентом СССР Горбачёвым, принято решение о «приостановлении функционирования здания ЦК КПСС». Всем сотрудникам предложено покинуть здание до 17.00, взяв с собой только личные вещи.

Неизвестно, можно ли будет вернуться ещё раз. У многих в кабинетах остаются рабочие библиотечки, какие-то архивы. Через внутренний двор ЦК к выходу в Никитников переулок потянулись люди. У ворот - знакомые ребята из комендатуры. Предупреждают не вступать ни с кем в разговоры.

По ту сторону массивной ограды ликует взвинченная толпа. Пытаются обыскивать. Распорядитель с трёхцветной повязкой на рукаве призывает к порядку. Немного впереди меня за ворота вышла средних лет жёнщина. У неё из хозяйственной сумки выхватили свёрток. Оказалась, упаковка мясного фарша из буфета. Моментально разметали. Гогот, свист, крики: «Зажрались!..»

Под этот шум я без приключений вышел через проходную, смешался с толпой, огляделся. У разных подъездов на охране стоят и сидят группки молодёжи, все с трёхцветными повязками. Было заметно, что свой революционный долг они исполняют с удовольствием. Много людей любопытствующих, праздных. Много тех, кого раньше называли «деклассированными элементами». Очень активны женщины, скажем так, второй свежести. Что-то требуют, горячатся.

Самый главный, 2-й подъезд ЦК, над которым пока ещё желтеет золотом надпись «Центральный Комитет КПСС», отделён от сравнительно небольшой толпы переносными ограждениями. За ними - милиция и снова распорядитель с трёхцветной повязкой. Толпа не очень кипит энергией. Моё внимание привлекла пожилая жёнщина. Высокая, жилистая, о таких говорят иногда - изработанная. В странной для центра Москвы одежде, похожей на русскую телогрейку. Я много видел в жизни похожих женщин. В колхозе, где работал отец; на шахте, где довелось поработать самому; позже среди укладчиков железнодорожных шпал в Подмосковье. Эта женщина была настроена очень воинственно, на худом сером лице решимость. Она выкрикивала в сторону подъезда: «Пусть выходят!». Улучив момент, черт знает почему, я спросил: «Кто пусть выходит?». Женщина оглянулась на меня, и ответила: «Начальство ихнее». Я кивнул в сторону двери: «Его там нет». Она недоверчиво спросила: «А куда же они подевались?». Я сказал: «Кто куда. Горбачёв и Яковлев в Кремле. Шеварднадзе у себя в министерстве. Ельцин в Белом Доме. Бывал здесь часто Гавриил Попов, но и он давно переехал. Никого нет». Тогда она, уже не очень уверенно, спросила: «А где Ивашко?» Я на это: «А зачем вам Ивашко? Он больной и вообще тут ни при чём». Тогда она отвернулась и принялась смотреть на подъезд молча. В эту минуту мне стало её жутко жалко, ведь её снова обманули.

* * *

Днём и вечером на телеэкранах мерцало лицо академика Яковлева. Профессионально клеил политические ярлыки «путчистам», требовал крови и доносов. Бретвейт так пишет о своей встрече с Яковлевым в это время:

«...Мы с Джеффом Марреллом посетили Александра Яковлева в здании Моссовета на улице Горького. На этот раз Яковлев был весел и раскован и не походил на «диспепсическую лягушку». Он критиковал Горбачёва за его выбор советников. Он тоже считал, что КГБ должен быть подчинён гражданскому контролю, в противном случае он будет продолжать действовать как самостоятельная сила. Политическая полиция должна быть распущена. Службу внешней разведки следует

сохранить. Такую службу имеют все страны, хотя, как бывший посол, он может по опыту сказать, что, как правило, внешняя разведка бесполезна. Я ответил, что, поскольку я посол пока ещё действующий, вряд ли он ожидает, что я с ним соглашусь.

Когда мы уходили, он сказал, что толпа уже бьёт окна в здании ЦК на Старой площади. Мы с Джеффом недоумевали, почему до сих пор москвичи не снесут памятник «железному Феликсу» на Лубянке. Они это сделали в ту же ночь под приветственные крики громадной толпы. Вернувшись в посольство, мы пригласили русских сотрудников выпить шампанского. Я поздравил их с победой, мирной народной победой, уникальной в русской истории, третьей великой победой в битве за Москву после битв 1812 и 1941 годов...».

Хорошее сравнение, правда? Поставить в один ряд две Отечественные войны нашего народа и шабаш «демократов» 1991 года - это лишь не отягощённому комплексами англичанину придёт в голову.

В выражении лучших чувств к «демократам», бойкие американцы снова, однако, обошли Бретвейта: «Боб Страусе, новый американский посол, без приглашения взобрался на трибуну у Белого дома, чтобы процитировать Патрика Хенри: «Дайте мне свободу, или дайте мне умереть!» - блестящий жест, которому позавидовали его профессиональные коллеги из Европы»...

Шабаш продолжался; под заклинания Яковлева столичный образованный слой бросился на всякий случай делать доносы на ГКЧП. Доносили много, с пониманием. Из множества слышанных мною на эту тему поучительных историй больше других задела та, которую поведал как-то под настроение Олег Шенин. По его словам, ещё работая в Красноярском крае, он познакомился по стечению обстоятельств с семьёй Валерия Чкалова, знаменитого советского лётчика. Шенины и Чкаловы быстро подружились семьями. Ездили друг к другу в гости, в Москву, в Красноярск. Обычная история.

Когда пришло время Олегу Семёновичу в камере «Матросской тишины» знакомиться с материалами своего «путчевого дела», он, среди прочих бумажек, с изумлением обнаружил и донос, написанный на него в 1991-м сыном Валерия Чкалова Игорем, другом семьи Шениных. Оказывается, тот мельком увидел Шенина выходящим из кабинета Павлова, и на этом основании составил донос о причастности Секретаря ЦК КПСС к попытке военного переворота.

Трогает в этой истории не тривиальный сам по себе факт предательства со стороны «друга семьи», а не воспринимаемое на слух нормального человека сочетание слов: «Чкалов» и «политический донос». Сейчас, говорят, младший Чкалов - лётчик, на рейсах в Канаду, уважаемый человек...

В понедельник, 26-го начался открытый пир победителей: московская мэрия в лице вице-мэра Лужкова, не дожидаясь судебных решений, принялась изымать в свою пользу партийную собственность в Москве. По

моим сведениям, накануне вечером Лужков затребовал к себе на беседу Управляющего делами ЦК КПСС Николая Ефимовича Кручину. Тот в это время находился в дачном посёлке «Усово» вместе с группой последних секретарей ЦК, дожидавшихся решения своей судьбы.

Договорились, что после встречи с Лужковым, Кручина вернётся в «Усово» и расскажет, о чём шла речь. Однако он почему-то не вернулся, а уехал от Лужкова, если их встреча состоялась, к себе домой. Утром 26-го, согласно официальной версии, Николай Ефимович выбросился из окна собственной квартиры. О чём накануне вечером шёл у него с вице-мэром разговор, мне неизвестно.

Так или иначе, но московская мэрия запустила процесс экспроприации партийной собственности буквально через несколько часов после смерти Управляющего делами ЦК. Здесь уместно добавить, что в последние месяцы перед августом у Кручины были напряжённые отношения с Горбачёвым, поскольку Управляющий делами изо всех сил препятствовал махинациям генсека с партийной кассой...

* * *

Ещё через пару дней мне позвонил на квартиру кто-то из сотрудников секретариата Орготдела ЦК и сказал, что утром 31 августа я могу последний раз войти в свой рабочий кабинет и быть там до 15.00. В назначенный день, захватив с собой большую дорожную сумку, отправился на Старую площадь. За 10 лет работы в ЦК в кабинете скопилось множество книг, разных справочных материалов, читательские отклики на мои статьи в печати. Словом, образовался солидный архив. Чтобы в нём разобраться, нужны были бы несколько дней, а не часов. Но выбора не было. Сложив в сумку, как полагал, самое главное, остальное оставил в кабинете. Пусть новые хозяева пользуются, мне не жалко

Не без волнения двинулся к лифту. Внизу на выходе предстоял первый в моей жизни обыск. Ничего подобного раньше со мной не случалось. Но оказалось, что все не так уж и страшно. Двое худощавых, спортивного вида молодых людей, предварительно извинившись и сославшись на служебный долг, деловито и проворно перешерстили сумку. Изъяли листок информации ТАСС, которые обычно рассылают по газетным редакциям, и оттиски двух моих статей в газете «День». Не знаю, почему. После этого вежливо попрощались. Я поблагодарил за обслуживание. Они занялись следующим.

Я потащил свою сумку к проходной. Там стояли двое провинциального вида ментов с «бесиками» в петлицах и автоматами за спиной (позже выяснилось, что милиционеров действительно завозили из провинции). Один из них сказал открыть сумку. Я возразил: «Меня уже обыскивали». Мент ответил: «Там другая служба, у них свои дела, у нас свои». «Ну уж вы между собой разберитесь!» - решил я показать гонор. Мент небрежно ковырнул пару раз рукой в сумке, и обронил: «Проходи».

В это мгновение к нам подошёл пожилой мент в чине майора, тоже провинциального вида и с «бесиком» в петлице, тихо скомандовал:

«Отставить!» После чего принялся лично перебирать содержимое сумки. Извлёк небольшую сувенирную подставку для авторучки. Мне её подарил мой друг из Таджикистана. Отложил в сторону. Я промолчал.

Дальше майор достал из сумки маленькую записную книжку, годами без пользы валявшуюся в моём столе как память о студенческой молодости. Принялся спокойно перелистывать странички. Я не выдержал: «Скажите, что вы ищете. Я вам сам это отдам». Мент, продолжая перелистывать, ответил: «Смотрю, нет ли у вас библиотечных книг».

Я оглянулся - за мной уже выстроилась очередь на обыск аккуратных, терпеливых, покорных судьбе. По знакомому мне двору двое рабочих катили куда-то холодильник. Жарко. Время обеда. От столовой медленно, раскуривая на ходу сигаретку и сытно отрыгивая, шёл ещё один провинциальный мент.

В этот миг, отлично это помню, я разом проснулся. Так, что в самой сокровенной глубине самого себя осознал во всей его немыслимой значимости факт, что я навсегда уехал из Советского Союза. И приехал в совсем другую страну, для которой я никто и ничто. А вот этот пожилой провинциальный мент с «бесиком» в петличке, спокойно листающий мои личные записи, есть теперь соль земли и её хозяин. Совсем, совсем другая страна...

Вместо послесловия

В заключение снова предоставлю слово Бретвейту: «Первая неделя января 1992 года была страшно холодной. Государственный министр по вопросам развития заморских территорий Линда Чокер прибыла в Санкт-Петербург проверить, как доставляется британская экстренная помощь. Осмотрев партию британского зерна в доках, мы заглянули в один современный супермаркет на окраине города; приятное, чистое, сравнительно неплохо построенное здание. Длинная очередь - в основном, конечно, женщины - стояла снаружи на 12-градусном морозе и пронизывающем ветру. Г-жа Чокер сообщила, кто она и зачем здесь. Одна женщина тут же на неё накинулась: никакая иностранная помощь до простых людей не доходит, её всю захватывают и перепродают мошенники...»

Если вы думаете, что это плохо, то вы ошибаетесь, - русские, оказывается, сами не понимают своего счастья:

«При Горбачёве и Ельцине русские начали новую жизнь... За одно десятилетие, несмотря на неразбериху и лишения, обман и неудачи, Россия стала плюралистическим обществом. Её границы были открыты. По меркам прошлого, её пресса, радио и телевидение стали свободными, хотя все ещё зависят от финансовых или политических сил. Тайная полиция сокращена, хотя и недостаточно... Принимая эти факты во внимание, это не такое уж плохое начало для русской демократии».

И что же ждёт нас в будущем?

Бретвейт отвечает:

«Мои русские друзья, как видно, считают, что посол наделён даром астролога предсказывать будущее, и часто спрашивают меня, что будет с их страной. Я отвечаю им: «Не знаю». Но я думаю, что за три поколения ухабистого пути и семьдесят лет культурной революции Россия может надеяться создать жизнеспособную либеральную политическую и экономическую систему...

Если Россия хочет стать процветающей, удобной для жизни страной, уважаемой своими соседями, то её будущие политические и экономические институты должны строиться в основном на тех же принципах, что показали свою действенность везде. «Русский путь» - это миф».

И последнее от Родрика Бретвейта, неутешительное:

«Мои друзья были воспитаны на коммунистических обещаниях, согласно которым Светлое Будущее находится чуть ли не за предпоследним углом. Им было не особенно приятно вновь осмысливать тот факт, что сами они не увидят конца пути...»

Вот так вот: сами мы не увидим конца светлого демократического пути. Быть может, лет эдак через семьдесят... Быть может, следующие поколения...

Впрочем, у нас уже сейчас есть люди, которые не только увидели, но и живут в этом «светлом демократическом будущем». Они, безусловно, только выиграли от гибели СССР и крушения советской системы, - но долгим ли будет их процветание? Время покажет: оно все и всех расставит на свои места.

Приложение. Кто и как готовил ГКЧП

По материалам А. Нагорного и Н. Конькова, опубликованным на сайте zavtra.ru

История ГКЧП начинается задолго до августа 1991 года - её корни лежат в куда более глубинных пластах отечественной истории. Но «по плодам их узнаете их» - и раз главными плодами ГКЧП стали разрушение Советского Союза и запрет КПСС, то необходимо восстановить всю цепочку событий, приведших к таким результатам.

11 марта 1985 года - буквально на следующий день после внезапной смерти К.У. Черненко Генеральным секретарём ЦК КПСС избирается член Политбюро ЦК КПСС (с октября 1980 г.), секретарь ЦК КПСС (с ноября 1978 г.) Михаил Сергеевич Горбачёв. Решающую роль в его избрании сыграла позиция министра иностранных дел СССР (с февраля 1957 г.) Андрея Андреевича Громыко, а также весьма удачное для Горбачёва отсутствие в стране первого секретаря ЦК КПУ (с мая 1972 г.), члена Политбюро ЦК КПСС (с апреля 1971 г.) Владимира Васильевича Щербицкого, который в это время находился с официальным визитом в

США.

Громыко на этот шаг подтолкнули контакты с Яковлевым, Арбатовым и Примаковым, которые через сына Громыко Анатолия, работавшего тогда директором Института Африки, настаивали на необходимости выдвижения и утверждения Горбачёва. Не менее интересна и ситуация с Щербицким.

«Щербицкий спешил участвовать в выборах нового генсека, нового высшего руководителя СССР. Но опоздал. В нью-йоркском аэропорту Джона Кеннеди посол А.Ф. Добрынин сообщил, что спешить, собственно, некуда - генсеком уже стал Михаил Сергеевич Горбачёв» (Станислав Кондрашов. «Литературная газета», 2005, № 11).

«Щербицкий хорошо понимал: в связи с драматическими событиями в Кремле его ставки как члена Политбюро слишком высоки, а следовательно, оставаться пассивным наблюдателем, да и ещё на таком расстоянии, - для него политическая смерть. Поэтому он не колеблясь решил прервать визит и возвратиться домой. Этому помешала задержка в Сан-Франциско: нужно было перегнать в Нью-Йорк с Кубы Ил-62, а делать это почему-то не спешили. Почему?» (Виталий Врублевский. «Владимир Щербицкий: правда и вымыслы»).

Хронология событий I этапа «перестройки»

11 апреля 1985 года - первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Николаевич Ельцин по рекомендации Егора Кузьмича Лигачёва назначен заведующим отделом строительства ЦК КПСС.

23 апреля 1985 года - Пленум ЦК КПСС, на котором состоялось первое публичное выступление М.С. Горбачёва в качестве лидера партии и Советского Союза. Провозглашена стратегия «ускорения социально-экономического развития страны», отмечены «застойные явления» предыдущего периода.

1 июля 1985 года - Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе становится членом Политбюро ЦК КПСС, Б.Н. Ельцин и Л.Н. Зайков - секретарями ЦК КПСС

2-3 июля 1985 года - А.А. Громыко избирается Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Э.А. Шеварднадзе назначается Министром иностранных дел СССР.

5 июля 1985 года - Александр Николаевич Яковлев утверждён Политбюро ЦК КПСС в должности заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС. «Июльская кадровая революция» Горбачёва практически завершена, будущие «перестройщики» обеспечили себе контроль за идеологией и внешней политикой.

30 июля 1985 года - М.С. Горбачёв объявляет односторонний мораторий СССР на ядерные взрывы.

27 августа 1985 года - Президиум Верховного Совета СССР назначает Председателем Совета Министров СССР Николая Ивановича Рыжкова.

Николай Александрович Тихонов освобождён от этого поста по собственному заявлению в связи с состоянием здоровья. Окончательное утверждение состоялось 26 сентября 1985 года на Политбюро ЦК КПСС.

19-21 ноября 1985 года - состоялась встреча М.С. Горбачёва и президента США Рональда Рейгана в Женеве. Именно там были заложены первые кирпичи в здание «перестройки» внешней и внутренней политики СССР.

2 декабря 1985 года - в результате острой сердечной недостаточности на 76-м году жизни скончался член Политбюро Центрального Комитета Социалистической Единой Партии Германии, министр национальной обороны ГДР генерал армии Хайнц Хофман.

5 декабря 1985 года - на 59-м году жизни в результате сердечной недостаточности скоропостижно скончался член Центрального Комитета Венгерской Социалистической Рабочей Партии, министр обороны Венгерской Народной Республики генерал армии Иштван Олах.

24 декабря 1985 года - Б.Н. Ельцин избирается первым секретарём Московского горкома КПСС. Сразу после избрания он начинает «чистки» в аппарате МГК КПСС и в московских райкомах партии, где на учёте стоят все высокопоставленные деятели КПСС.

9 января 1986 года - принимается совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию потребительской кооперации», предусматривающее возможность создания частных торгово-закупочных кооперативов с июля 1986 года.

25 февраля - 6 марта 1986 года - проходит XXVII съезд КПСС. М.С. Горбачёв в своём отчётном докладе впервые указывает на то, что «всякая перестройка хозяйственного механизма, как известно, начинается с перестройки сознания, отказа от сложившихся стереотипов мышления и практики, ясного понимания новых задач». Принимается новая Программа КПСС.

8 апреля 1986 года - посещение М.С. Горбачёвым Волжского автозавода в Тольятти. Концепция «перестройки» сменяет концепцию «ускорения»: «Без перестройки не может быть ускорения».

26 апреля 1986 года - авария на 4-м блоке Чернобыльской АЭС.

13 мая 1986 года - снятый в 1984 году фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» демонстрируется участникам съезда кинематографистов. В ноябре он будет выпущен в широкий прокат как символ перестройки и демонтажа сталинизма.

16 июня 1986 года - М.С. Горбачёв выступает на Пленуме ЦК КПСС: «В реальной жизни, как мы видим, развиваются не только позитивные тенденции - они, разумеется, доминируют в обществе, - но действуют и тормозящие факторы, на которые наталкивается процесс перестройки. Подчас они носят объективный характер, но чаще всего идут от инерции, от застарелых привычек, застывшей психологии. Сегодня активно проявляют себя те, кто твёрдо встал на позиции XXVII съезда... Немало и

таких товарищей, которые политически понимают необходимость работать по-новому, но просто не знают, как это осуществить практически... Мы не можем не замечать и тех, кто ещё не понял сути идущих перемен, кто выжидаёт или не верит в успех задуманного партией экономического и политического поворота... Я бы сказал, что и сама перестройка идёт пока медленно». Первый намёк на существование «врагов перестройки».

Июль 1986 года - создание первых «неформальных» общественно-политических объединений с целью «содействия перестройке».

14 августа 1986 года - принимается совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек».

31 августа 1986 года - катастрофа пассажирского парохода «Адмирал Нахимов» на рейде Новороссийска. Гибель 423 человек, находившихся на пароходе.

11-12 октября 1986 года - встреча Рональда Рейгана и М.С. Горбачёва в Рейкьявике, по свидетельству очевидцев, положившая начало прямому сотрудничеству последнего Генерального секретаря ЦК КПСС с американцами.

1 декабря 1986 года - на заседании Политбюро ЦК КПСС принято решение о прекращении ссылки академика А.Н. Сахарова в Горький и его возвращении в Москву. Как следствие, снимаются преграды перед деятельностью «диссидентских прозападных элементов» в столицах и национал-сепаратистов в союзных и автономных республиках.

17-18 декабря 1986 года - массовые беспорядки на национальной почве, вызванные решением Пленума республиканского ЦК, освободившего Д.А. Кунаева от должности первого секретаря ЦК компартий Казахстана и избравшего на эту должность Г.В. Колбина.

25 декабря 1986 года - принимается «Закон о потребительской кооперации», разрешающий организацию кооперативов при предприятиях, что снимает централизованный контроль за безналичными активами предприятий, расчищает дорогу к гиперинфляции и вымыванию товарной массы из магазинов.

13 января 1987 года - издаётся Указ Президиума Верховного Совета СССР о вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления.

5 февраля 1987 года - Совет Министров СССР издаёт постановления, разрешающие создание и работу кооперативов в сферах общественного питания, бытового обслуживания населения, а также производства товаров народного потребления.

3 марта 1987 года - торжественная презентация первого выпуска журнала «Бурда Моден» на русском языке.

28 мая 1987 года - в День пограничника на Большом Москворецком мосту, в непосредственной близости от Кремля, приземляется лёгкий одномоторный самолет «Cessna 172B Skyhawk», который по маршруту Гамбург - Хельсинки - Москва пилотировал 19-летний гражданин ФРГ Матиас Руст.

Итогом стал разгром М.С. Горбачёвым военного руководства СССР и удаление большей части высшего командного состава. ПВО следило за самолётом Руста, но не получало команды сбить его, находясь под влиянием инцидента с южнокорейским «Боингом» в августе 1983 года.

30 июня 1987 года - принимается Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)».

Июль 1987 года - публикация в газете «Известия» сообщения ТАСС о требовании крымских татар воссоздать Крымскую АССР и массовые акции крымских татар в Москве.

23 августа 1987 года - демонстрации в Эстонии против «пакта Молотова-Риббентропа».

21 октября 1987 года - первый секретарь Московского горкома КПСС Б.Н. Ельцин выступает на Пленуме ЦК КПСС с критикой перестройки «слева», включая зарождение «культа личности» Горбачёва.

31 октября 1987 года - первое массовое (более 200 человек) выступление армян Нагорного Карабаха с требованием «воссоединить Арцах с Арменией».

1 ноября 1987 года - "презентация" книги М.С. Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира».

9 ноября 1987 года - Б.Н. Ельцин попадает в больницу, якобы в связи с попыткой самоубийства.

11 ноября 1987 года - М.С. Горбачёв выступает на пленуме Московского горкома КПСС по «делу Ельцина». Ельцина освобождают от обязанностей первого секретаря МГК КПСС.

7 декабря 1987 года - встреча М.С. Горбачёва с Маргарет Тэтчер в Лондоне по пути в США.

8 декабря 1987 года - в Вашингтоне М.С. Горбачёв и Рональд Рейган подписывают договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

7 января 1988 года - принимается совместное решение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о восстановлении наименований населённых пунктов, улиц и площадей, носящих имя Л.И. Брежнева.

14 января 1988 года - Б.Н. Ельцин назначен министром СССР, первым заместителем Председателя Государственного комитета СССР по строительству.

Январь 1988 года - начинается изгнание этнических азербайджанцев с территории Армянской ССР.

* * *

В 1988 году начинается II этап «перестройки» - полная сдача внешнеполитических позиций Советского Союза, антисоветская ревизия идеологии и истории нашей страны, демонтаж централизованной системы управления, нарастает вал экономических трудностей и социальных конфликтов. Этот этап завершается падением Берлинской стены и встречей Горбачёва с Бушем на Мальте.

Хронология II этапа

18 февраля 1988 года - М.С. Горбачёв выступает на Пленуме ЦК КПСС с речью, посвящённой развитию гласности и сути «нового мышления» - учёту «общечеловеческих ценностей». Вносится тезис о «доминировании морали в политике», что окончательно демонтирует идеологический базис для административных и силовых действий по защите государства и государственных учреждений. СМИ в лице центральных каналов развертывают серии массированных передач о «преступлениях сталинизма и коммунизма».

27-29 февраля 1988 года - резня в Сумгаите под лозунгами мести за изгнание этнических азербайджанцев с территорий Армянской ССР и Нагорного Карабаха.

13 марта 1988 года - публикация в газете «Советская Россия» статьи Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» - «первого антиперестроечного манифеста». Позицию автора поддерживает Е.К. Лигачёв. На телевидении и в других средствах массовой информации под руководством А.Н. Яковлева начинается тотальная кампания против «догматиков» и «сталинистов».

14-15 марта 1988 года - встреча в Берне министра обороны СССР Д.Т. Язова и его американского коллеги Ф. Карлуччи. Обсуждаются вопросы сокращения стратегических ядерных сил и отказа СССР от наиболее передовых систем тактического ядерного оружия, в частности, комплекса «Ока».

3 апреля 1988 года - в газете «Московские новости» появляется интервью с Тельманом Гдляном, который говорит о «мафии в высших эшелонах власти». Тем самым советская власть (хотя бы в части своей) была объявлена организованным преступным сообществом.

5 апреля 1988 года - газета «Правда» публикует «установочную» статью А.Н. Яковлева «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», где содержится не только жёсткая критика статьи Н.А. Андреевой, но также осуждается Сталин, а состояние СССР к апрелю 1985 года характеризуется как «предкризисное». «Мы твёрдо и неуклонно будем следовать революционным принципам Перестройки: больше гласности, больше демократии, больше социализма». Дан старт выхода в легальное пространство антисоветских группировок.

Май 1988 года - участники неформальных группировок

«Демократическая перестройка», «Перестройка-88», «Социалистическая инициатива» и ряда других образуют Межклубную партийную группу, целью которой заявлено «содействие подлинной перестройке и демократизации КПСС».

7 мая 1988 года - в Москве проходит учредительный съезд «Демократического союза», куда подтягивается весь спектр диссидентствующей «творческой интеллигенции» с антисоветским вектором.

15 мая 1988 года - начинается вывод советских военных частей из Афганистана. При этом правительству Наджибуллы даны гарантии поставок необходимых объемов боеприпасов, военной техники и горюче-смазочных материалов.

29 мая - 2 июня 1988 года - визит президента США Рональда Рейгана в Москву. Подписан Договор о сокращении ракет средней и меньшей дальности, включая комплекс «Ока», не подпадавший под условия договора - «бонус американским партнёрам». Горбачёв и Рейган совершают совместную прогулку по Красной площади. (Вылет из Москвы американского борта №1 был "по некоторым странным обстоятельствам" приурочен к окончанию рабочего дня в зданиях ПГУ КГБ СССР, и, пролетая над территорией нынешней Службы внешней разведки в Ясенево, специальная фототехника высокого разрешения на американском борту Boeing-747 запечатлела весь состав ПГУ - как технический, так и оперативный, приготовившийся к посадке на служебные автобусы после окончания рабочего дня и поднявший лица в созерцании редкого зрелища - "Боинга" американского президента; из воспоминаний бывших сотрудников службы).

28 июня - 1 июля 1988 года - XIX конференция КПСС. Противники Горбачёва терпят фиаско, он сохраняет пост Генерального секретаря партии и проводит решения об «углублении перестройки».

4 июля 1988 года - во исполнение решений XIX партконференции Политбюро ЦК КПСС принимает постановление «О сооружении памятника жертвам беззаконий и репрессий».

5-12 июля 1988 года - визит начальника Генштаба ВС СССР, первого заместителя министра обороны СССР, маршала Советского Союза С.Ф. Ахромеева в США.

4 августа 1988 года - публикация в латвийских газетах «Юрмала» и «Советская молодёжь» первого после отставки с поста первого секретаря МГК КПСС интервью Б.Н. Ельцина. Ельцин заявил о необходимости борьбы с привилегиями номенклатурной верхушки и улучшения снабжения трудящихся продовольствием и товарами первой необходимости.

8-12 августа 1988 года - посещение А.Н. Яковлевым Литовской и Латвийской ССР, после чего в Прибалтике началось уже организованное и открытое национал-сепаратистское движение. Горбачёв обзванивает руководителей республик и требует скорейшего создания «массовых организаций национально-демократической направленности».

Сентябрь 1988 года - начинается вооружённое наступление армянских отрядов на территории Степанакерта и Агдамского района Азербайджана. Там вводится особое положение с комендантским часом.

1 октября 1988 года - А.А. Громыко уходит в отставку с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Этот пост занимает М.С. Горбачёв, объединяя в своих руках высшую партийную и государственную власть.

7 октября 1988 года - на демонстрации «Демократического Союза» в Ленинграде впервые поднят «триколор».

21 октября 1988 года - министром внутренних дел СССР назначен первый секретарь Кировского обкома КПСС В.В. Бакатин.

22-23 октября 1988 года - в центральной печати публикуются тексты законопроектов об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР, а также о выборах народных депутатов СССР - «для всенародного обсуждения».

3 ноября 1988 года - на Политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачёв требует сокращения армии и конверсии оборонного производства. «Зачем нам нужна такая большая армия?.. Мы в 2,5 раза тратим больше США на военные нужды, и ни одно государство в мире... не расходует на эти цели в расчёте на душу населения больше, чем мы. Если мы предадим это гласности, то все наше новое мышление и вся наша новая внешняя политика полетят к чёрту... Мы не решим задач перестройки, если с армией оставим все как есть... В ГДР мы имеем мощную ударную группировку, танковую, плюс понтонные средства. Когда это «над ними» нависает, как они, американцы и другие, могут поверить в оборонительность нашей доктрины?..»

11 ноября 1988 года - в Москве открывается первый «банк нового типа» - Инновационный коммерческий банк (Инкомбанк).

1 декабря 1988 года - Верховный Совет СССР принимает законы «О выборах народных депутатов СССР», а также «Об изменениях и дополнениях в Конституции СССР». В перерыве сессии М.С. Горбачёв встречается с депутатами от Азербайджанской и Армянской ССР.

7 декабря 1988 года - встреча М.С. Горбачёва с Рональдом Рейганом и с новым президентом США Джорджем Бушем-старшим в Нью-Йорке. В Армении происходит мощное Спитакское землетрясение.

30 декабря 1988 года - ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР принимают решение об упразднении имён Л.И. Брежнева и К.У. Черненко в наименованиях предприятий, учебных заведений, названиях улиц городов и населённых пунктов как логическое завершение критики «эпохи застоя» (1964-1985 гг.).

12-19 января 1989 года - проходит Всесоюзная перепись населения («предсмертная маска» Советского Союза). Согласно её итогам, население во всех республиках за 1979-1989 гг. увеличивалось от 1,5% до 2% ежегодно. Нигде не зафиксировано убыли населения.

18 января 1989 года - публикуется решение ЦК КПСС об отмене правовых актов, связанных с увековечиванием имени А.А. Жданова. М.С. Горбачёв принимает делегацию «Трёхсторонней комиссии».

2 февраля 1989 года - завершаются длившиеся более 15 лет переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. СССР принимает на себя обязательства поэтапного вывода своих частей из государств Центральной (Восточной) Европы.

12 февраля 1989 года - открытие Культурного центра им. С. Михоэлса.

15 февраля 1989 года - завершение вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Командовавший операцией генерал-полковник Борис Громов назначен командующим войсками Киевского военного округа.

Март 1989 года - резкий рост цен и вымывание товарной массы с полок магазинов. Заработные платы резко отстают от темпов инфляции. Первые забастовки рабочих и шахтёров.

17 марта 1989 года - регистрация в Литве движения в защиту перестройки «Саюдис».

21 марта 1989 года - Указ Президиума Верховного Совета СССР «О сокращении Вооружённых Сил СССР и расходов на оборону в течение 1989-1990 годов».

26 марта 1989 года - состоялись выборы народных депутатов СССР. Вся выборная кампания с повторным голосованием и повторными выборами продлилась до 21 мая. По территориальному округу № 1 (г. Москва) 90% голосов получает Б.Н. Ельцин.

4 апреля 1989 года - начало массовых «антиимперских» манифестаций в Грузии.

8 - 9 апреля 1989 года - «тбилисские события», гибель гражданских лиц и военнослужащих.

12 апреля 1989 года - Горбачёв посещает с официальным визитом ФРГ и проводит переговоры с её высшим руководством.

17 апреля 1989 года - декларация Верховного Совета Литовской ССР о суверенитете республики. Силовые структуры СССР бездействуют.

25 апреля 1989 года - на Пленуме ЦК КПСС из его состава выводятся 74 члена и 27 кандидатов в члены, практически вся «старая партийная гвардия».

11 мая 1989 года - начало вывода советских войск с территории ГДР. В Москву с визитом прибывает госсекретарь США Дж. Бейкер.

12 мая 1989 года - выступление по телевидению следователя Н.В. Иванова с обвинениями Е.К. Лигачёва во взяточничестве. Разворачивается кампания против «консервативного крыла в Политбюро КПСС».

17-20 мая 1989 года - визит Горбачёва в КНР и начало массовых

выступлений в центре Пекина. Демонстрантов поддерживает Генсек КПК Чжао Цзыян. Визит пришлось свернуть по требованию китайской стороны.

18 мая 1989 года - осуждение Верховными Советами Литовской и Эстонской ССР советско-германского договора 1939 г. с требованием признать его незаконность.

25 мая - 9 июня 1989 года - в Москве проходит I съезд народных депутатов СССР. На съезде формируется Межрегиональная депутатская группа во главе с Афанасьевым, Ельциным, Поповым, Сахаровым и Собчаком.

3-4 июня 1989 года - После нескольких дней колебаний и ожесточённых дискуссий руководство КПК под давлением Дэн Сяопина вводит войска в центр города. На площади Тяньаньмынь в Пекине армия разгоняет демонстрантов, требующих «китайской перестройки». В Ферганской долине происходят межнациональные столкновения, направленные в основном против турок-месхетинцев.

7 июня 1989 года - Председателем Совета Министров СССР назначается Николай Иванович Рыжков, который до этого являлся членом Политбюро и Председателем Госплана.

4-18 июня 1989 года - победа движения «Солидарность» на выборах в Польше.

12-15 июня - очередная поездка Горбачёва в ФРГ для переговоров с Г.Колем «о будущем Германии».

25 июня 1989 года - митинг Народного фронта в Кишинёве, который проходит под антисоветскими и антирусскими лозунгами.

27 июня 1989 года - в Ереване проходит массовый митинг с требованием признать за Нагорным Карабахом право на самоопределение.

Июль 1989 года - начинается «рыночная» забастовка шахтёров Кузбасса, к которой затем присоединяются шахтёры Караганды, Донбасса, Печорского угольного бассейна и Воркуты.

28 июля 1989 года - декларация Верховного Совета Латвийской ССР о суверенитете республики.

Сентябрь 1989 года - визит Б.Н. Ельцина в США. Его принимают в Белом доме якобы на неофициальном уровне. Между тем с ним и его сопровождающими лицами ведётся плотная работа по координации дальнейших действий «демократических сил» в Москве.

23 сентября 1989 года - встреча М.С. Горбачёва с Маргарет Тэтчер. Верховный Совет Азербайджанской ССР заявляет о суверенитете республики.

Октябрь 1989 года - по всей ГДР проходят массовые антиправительственные выступления. Кренц приветствует «новые веяния». Толпы громят и захватывают официальные здания. КГБ и

руководство Вооружённых Сил СССР безмолвствуют. Рушатся итоги Второй мировой войны.

11 октября 1989 года - встреча Н.И. Рыжкова с председателем совета управляющих Федеральной резервной системы США Аланом Гринспеном.

17-18 октября 1989 года - М.С. Горбачёв встречается с канцлером ФРГ Вилли Брандтом. Отставка Эриха Хонеккера и избрание первым секретарём ЦК СЕПГ Эгона Кренца. В ГДР начинается массированный переход границы с Венгрией, через которую тысячи беженцев получают возможность через Австрию въехать в ФРГ и получить там гражданство.

9 ноября 1989 года - падение Берлинской стены.

14 ноября 1989 года - Верховный Совет СССР принимает постановление о полной реабилитации репрессированных народов и «восстановлении их прав».

1 декабря 1989 года - по настоянию президента США Дж. Буша-старшего Горбачёв выезжает для встречи с ним «на нейтральной территории». По пути в Ватикане проходит встреча М.С. Горбачёва с папой римским Иоанном-Павлом II.

2-3 декабря 1989 года - у берегов Мальты Горбачёв и Дж. Буш-старший на борту теплохода «Максим Горький» проводят переговоры «с глазу на глаз». Решается судьба СССР - он должен быть сдан следом за своими союзниками.

* * *

Предпоследний год существования СССР стал годом «парада суверенитетов», окончательного разрушения советской экономической и политической системы, а также отработки режима «чрезвычайного положения» как механизма трансферта власти.

Хронология III этапа «перестройки»

25 декабря 1989 года - государственный переворот в Румынии, инициированный событиями в Тимишоаре, где неизвестные стреляли по демонстрации шахтеров. Николае и Елена Чаушеску расстреляны.

Январь 1990 года - массовые армянские погромы в Баку. В Армении комитет «Карабах» объявляет мобилизацию. Журнал «Time» признаёт М.С. Горбачёва «человеком 1989 года» (первый раз - в 1987 г.) и «человеком десятилетия».

15 января 1990 года - Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области.

19-20 января 1990 года - Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении чрезвычайного положения в Баку. В столицу Азербайджанской ССР по приказу министра обороны СССР Д.Т. Язова вводятся войска.

20-21 января 1990 года - на Всесоюзной конференции партийных

клубов в Москве создаётся «Демократическая платформа в КПСС».

22 января 1990 года - Верховный Совет Азербайджанской ССР объявляет действия парламента и правительства СССР агрессией против республики.

29 января 1990 года - на заседании Политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачёв предлагает ввести пост Президента СССР.

4 февраля 1990 года - массовая (свыше 200 тысяч человек) демонстрация в Москве с требованием отменить 6-ю статью Конституции СССР.

20-21 февраля 1990 года - образуется избирательный блок «Демократическая Россия», который становится альтернативным КПСС политическим центром.

27 февраля 1990 года - постановление Верховного Совета СССР о созыве III внеочередного Съезда народных депутатов СССР и введении поста Президента СССР.

4 марта 1990 года - Б.Н. Ельцин избирается народным депутатом РСФСР в Свердловске от блока «Демократическая Россия» и заявляет о своём намерении бороться за пост председателя Верховного Совета РСФСР.

11 марта 1990 года - Верховный Совет Литовской ССР провозглашает независимость республики.

12-15 марта 1990 года - на III Съезде народных депутатов СССР М.С. Горбачёв избран Президентом СССР, внесены изменения в текст Конституции СССР, в том числе отменена 6-я статья, что «создаёт условия для перехода к многопартийной политической системе».

16 марта 1990 года - установлены дипломатические отношения между СССР и Ватиканом.

21 марта 1990 года - встреча М.С. Горбачёва с новыми руководителями Литовской ССР В. Ландсбергисом и К. Прунскене, которая де-факто легитимизирует балтийских сепаратистов.

30 марта 1990 года - Верховный Совет Эстонской ССР провозглашает независимость республики.

3 апреля 1990 года - М.С. Горбачёв подписывает Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Верховный Совет СССР принимает закон о порядке выхода союзной республики из состава СССР, тем самым открывая возможность расчленения страны.

13 апреля 1990 года - заявление ТАСС о «катынской трагедии» возлагает ответственность за расстрел польских офицеров «весной 1940 года» на советскую сторону.

20 апреля 1990 года - Г.Х. Попов избирается председателем Московского городского Совета народных депутатов.

1 мая 1990 года - на первомайской демонстрации на Красной

площади проносят несколько самодельных плакатов с требованием отставки правительства и М.С. Горбачёва.

4 мая 1990 года - Верховный Совет Латвийской ССР принимает декларацию о независимости республики.

14 мая 1990 года - Верховный Совет СССР принимает закон «О защите чести и достоинства Президента СССР».

16 мая 1990 года - начинает работу съезд народных депутатов РСФСР.

3 мая 1990 года - А.А. Собчак избирается председателем Ленинградского городского совета народных депутатов.

29 мая 1990 года - Б.Н. Ельцин с третьей попытки после выступления М.С. Горбачёва избирается Председателем Верховного Совета РСФСР.

1-2 июня 1990 года - визит М.С. Горбачёва в США. Э.А. Шеварднадзе подписывает договор о линии разграничения морских пространств, согласно которому Соединённые Штаты получили 46,3 тыс. кв. км. шельфа в Беринговом море.

4 июня 1990 года - принятие Верховным Советом СССР закона «О предприятии», который определяет полный развал плановой экономики.

8 июня 1990 года - встреча и совместная пресс-конференция М.С. Горбачёва и Маргарет Тэтчер в Москве.

12 июня 1990 года - Верховный Совет РСФСР принимает декларацию о суверенитете РСФСР, а также о департизации органов власти, армии, служб безопасности и судов России. М.С. Горбачёв и Н.И. Рыжков встречаются с лидерами прибалтийских республик, после которой соглашаются принять «компромиссную формулу урегулирования конфликта», предложенную Г. Колем и Ф. Миттераном.

13 июня 1990 года - Верховный Совет СССР заявляет о переходе к «регулируемой рыночной экономике».

19 июня 1990 года - начинает работу Комитет конституционного надзора (председатель - С.С. Алексеев, земляк и единомышленник Б.Н. Ельцина).

29 июня 1990 года - решение Госбанка СССР о переходе расчётов со странами СЭВ с 1 января 1991 года на свободно конвертируемую валюту.

Июль 1990 года - на территории Украинской ССР вводится дополнительная валюта, «купоны».

2-10 июля 1990 года - проходит XXVIII съезд КПСС, Б.Н. Ельцин и ряд его сторонников заявляют о выходе из КПСС.

16 июля 1990 года - встреча в Архызе М.С. Горбачёва и Э.Шеварднадзе с Г. Колем, тотальные уступки советского руководства по процессу объединения ФРГ и ГДР, а также по статусу объединённой Германии. Верховный Совет Украинской ССР принимает декларацию о суверенитете республики.

17 июля 1990 года - звонок Дж. Буша М.С. Горбачёву по поводу договорённостей с Г. Колем.

19 июля 1990 года - Верховный Совет РСФСР принимает постановление о подчинении себе банковской системы РСФСР, включая Сберегательный банк.

27 июля 1990 года - декларацию о суверенитете принимает Верховный Совет Белорусской ССР.

Август-сентябрь 1990 года - в Москве из продажи на несколько дней «исчезают» хлеб и табак. Идут «табачные бунты».

10 августа 1990 года - декларацию о суверенитете впервые принимает Верховный Совет АССР (Карельской).

13 августа 1990 года - указ Президента СССР о восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-х - 50-х годов.

29 августа 1990 года - Верховный Совет Армянской ССР вводит в республике чрезвычайное положение.

2 сентября 1990 года - провозглашение Приднестровской Молдавской ССР.

14 сентября 1990 года - Комитет конституционного надзора приостанавливает действие указа президента СССР об ограничении массовых мероприятий в пределах Садового кольца.

16 сентября 1990 года - массовая манифестация в центре Москвы с требованием отставки правительства.

15 октября 1990 года - М.С. Горбачёву присуждена Нобелевская премия мира «в знак признания его ведущей роли в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества».

18 ноября 1990 года - «Московские новости» публикуют открытое письмо «Страна устала ждать!», подписанты которого (Т. Абуладзе, Ю. Афанасьев, В. Быков, Г. Старовойтова, Ю. Черниченко и др.) призвали М.С. Горбачёва или «начать реальные реформы», или уйти в отставку.

19 ноября 1990 года - в Киеве подписан российско-украинский договор о взаимном признании суверенитета двух республик.

17-27 декабря 1990 года - проходит IV съезд народных депутатов СССР.

20 декабря 1990 года - на съезде народных депутатов СССР министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе объявляет об уходе в отставку и о готовящемся в стране государственном перевороте.

23 декабря 1990 года - председатель КГБ В.А. Крючков с трибуны съезда сообщает о «заговоре ЦРУ» и «агентуры влияния» против СССР.

25 декабря 1990 года - «инфаркт» у Н.И. Рыжкова, который в этот день должен был поставить на голосование съезда вопрос о смещении

М.С. Горбачёва с поста Президента СССР.

1 января 1991 года - на всей территории СССР вводится 5%-ный налог с продаж, сразу же названный «Горбачёвским гробовым». Президент СССР выступает с поздравлениями народу США.

8-13 января 1991 года - в Литве проходят столкновения между сторонниками «Саюдиса» и движения «Единство». Воинские подразделения и спецназ группы «Альфа» штурмует телевизионную башню в Вильнюсе.

13 января 1991 года - прибывший в Таллин Б.Н. Ельцин подписывает документы о взаимном признании суверенитета РСФСР и трёх прибалтийских республик, а также обращается к «российским воинам, находящимся на территории Прибалтики».

14 января 1991 года - председателем кабинета министров СССР назначается В.С. Павлов. Н.Я. Петраков заявляет об уходе с поста помощника Президента СССР, С.С. Шаталин - с поста члена Консультативного Совета при Президенте СССР.

16-17 января 1991 года - войска многонациональных сил по мандату ООН и под военным руководством США начинают операцию «Буря в пустыне», направленную на освобождение Кувейта от иракской оккупации. Первая война «нового мирового порядка».

22 января 1991 года - М.С. Горбачёв подписывает указ об изъятии из обращения в трёхдневный срок 23-26 января 50- и 100-рублевых купюр. Европейские страны заявляют о прекращении поставок продовольственной помощи СССР в знак протеста против событий в Литве.

26-27 января 1991 года - в Харькове проходит межреспубликанский съезд демократической оппозиции.

28 января 1991 года - Б.Н. Ельцин заявляет о том, что РСФСР будет самостоятельно определять параметры своего бюджета, включая отчисления в союзный Центр.

6 февраля 1991 года - М.С. Горбачёв по телевидению заявляет о предстоящем референдуме СССР по вопросу о сохранении и обновлении Советского Союза.

7 февраля 1991 года - председатель КГБ СССР В.А. Крючков направляет М.С. Горбачёву записку с планом введения режима чрезвычайного положения на всей территории СССР.

19 февраля 1991 года - Б.Н. Ельцин выступает с требованием отставки М.С. Горбачёва. Европарламент снимает запрет на поставки продовольственной помощи для РСФСР. Первое косвенное признание российского суверенитета и предоставление дополнительных материальных ресурсов в руки Б.Н. Ельцина.

22-24 февраля 1991 года - в Москве проходят массовые митинги с поддержкой требований Б.Н. Ельцина.

25 февраля 1991 года - принимается решение о роспуске Организации Варшавского Договора с 31 марта 1991 года.

26 февраля 1991 года - В.А. Медведев и А.Н. Яковлев назначаются главными советниками президента СССР.

Март 1991 года - начинается вторая волна шахтёрских забастовок. Шахтёры выступают против М.С. Горбачёва и в поддержку Б.Н. Ельцина.

6 марта 1991 года - проект Союзного договора, парафированный представителями девяти союзных республик, обсуждается Советом Федерации Верховного Совета СССР.

9 марта 1991 года - Текст проекта Союзного договора, предусматривающий создание вместо СССР Союза суверенных республик, публикуется в печати. Б.Н. Ельцин выступает против Союзного договора.

13 марта 1991 года - М.С. Горбачёв встречается в Москве с президентом ЕБРР, представителем Бильдербергского клуба Ж. Аттали. При президенте СССР создается Президентский Совет.

15 марта 1991 года - выступление Б.Н. Ельцина на «Радио России», посвящённое предстоящему референдуму: «Референдум проводится в расчёте на то, чтобы получила поддержку нынешняя политика руководства страны. Она направлена на сохранение имперской унитарной сути Союза, системы».

17 марта 1991 года - состоялся Всесоюзный референдум о сохранении СССР и одновременно на территории РСФСР - Всероссийский референдум о введении поста президента РСФСР.

19 марта 1991 года - «первоапрельская шутка» президента СССР М.С. Горбачёва: указ «О реформе розничных цен и социальной защите населения», по которому со 2 апреля 1991 года розничные цены на товары народного потребления повышались от 2 до 5 раз.

25 марта 1991 года - указ президента СССР о запрещении манифестаций в Москве.

26 марта 1991 года - постановление кабинета министров СССР о запрещении манифестаций в Москве с 26 марта по 15 апреля 1991 года, то есть на период работы III внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР.

28 марта 1991 года - оглашение итогов Всесоюзного референдума: участвовало 75,9% граждан СССР, 76,43% (113,5 млн. человек) из них высказались за сохранение «обновлённого Союза».

Апрель 1991 года - массовые забастовки против повышения цен. Начинается «бюджетная война»: республики не перечисляют в союзный бюджет собранные налоги и другие отчисления.

2 апреля 1991 года - беседа М.С. Горбачёва с экс-президентом США Р. Никсоном.

4 апреля 1991 года - III внеочередной Съезд народных депутатов

РСФСР принимает решение о выборах президента РСФСР и назначает их на 12 июня 1991 года.

15 апреля 1991 года - «Известия» публикуют интервью с Б.Н. Ельциным, в котором тот отрицает наличие «непримиримого раскола» между ним и М.С. Горбачёвым.

16 апреля 1991 года - выступление Б.Н. Ельцина в Европарламенте, где он заявляет о невозможности реформ в рамках «старого унитарного Союза», то есть фактически подписывается под программой уничтожения СССР.

19-20 апреля 1991 года - визит М.С. Горбачёва в Сеул. Подписывается договор о предоставлении Республикой Корея кредита Советскому Союзу объёмом 1,5 млрд. долл.

"Там Горбачёв "фактически" получил взятку от тогдашнего южнокорейского президента Ро Дэ У (впоследствии обвинённого в коррупции и осуждённого на 22 года тюрьмы) - банковским чеком на 100 тысяч долларов. Ро Дэ У положил этот чек президенту СССР в карман на виду у многочисленных делегаций и журналистов. В любой, как принято говорить, нормальной стране (в той же Южной Корее) за подобный проступок государственного руководителя отправили бы сначала в отставку, а затем и в "места не столь отдалённые". Но у нас нормальной страны нет вот уже более двух десятилетий. Потому и печатают громадными тиражами "откровения" главного разрушителя Советского Союза, посредством коих он, ну конечно же, отрицает все обвинения в его адрес. А тем временем идёт рекламировать пиццу или мчится на Запад - читать свои бесценные лекции за баснословные гонорары." Янаев Г.И. Книга "Последний бой за СССР".

23 апреля 1991 года - начало «новоогаревского процесса», первая встреча М.С. Горбачёва с руководителями девяти союзных республик, посвящённая согласованию текста нового Союзного договора.

5 мая 1991 года - встреча М.С. Горбачёва с американским медиа-магнатом Р. Мэрдоком.

9 мая 1991 года - газета «День» публикует беседу А.А. Проханова с главнокомандующим ВМФ СССР В.Н. Чернавиным, заместителем председателя Совета обороны при президенте СССР О.Д. Баклановым и с начальником Военной академии Генштаба И.Н. Родионовым, участники которой выступают с полным неприятием «перестроечного» курса.

16 мая 1991 года - М.С. Горбачёв и Цзян Цзэминь подписывают соглашение о советско-китайской границе. Остров Даманский переходит под юрисдикцию КНР.

21 мая 1991 года - рижский и вильнюсский ОМОН громит таможенные пункты, устроенные соответственно на границах Латвии и Литвы республиканскими правительствами.

24 мая 1991 года - прекращение «фронды автономий», представители автономных республик соглашаются подписывать Союзный договор в

составе делегации РСФСР.

25 мая 1991 года - Молдавская ССР переименована в Республику Молдова.

27 мая 1991 года - М.С. Горбачёв и М. Тэтчер встречаются в Кремле. Происходит телефонный разговор М.С. Горбачёва с президентом США.

30 мая 1991 года - Е.М. Примаков, В.И. Щербаков и Г.А. Явлинский с «группой экспертов» прибывают в Вашингтон «для консультаций с администрацией США» по личному поручению президента СССР.

1 июня 1991 года - встреча М.С. Горбачёва с личным представителем Г. Коля, статс-секретарём министерства финансов ФРГ Х. Келером.

12 июня 1991 года - выборы президента РСФСР, на которых побеждает Б.Н. Ельцин (57,3% голосов). Второе место занимает Н.И. Рыжков (16,85%).

15 июня 1991 года - очередная встреча президента СССР с Ж. Аттали. В Кремле проходит совещание по вопросам разгосударствления и приватизации под председательством М.С. Горбачёва.

17 июня 1991 года - закрытое заседание Верховного Совета СССР, на котором В.С. Павлов требует предоставления Кабинету министров чрезвычайных полномочий.

27 июня 1991 года - публикуется текст Договора о создании Союза суверенных государств.

1 июля 1991 года - Верховный Совет СССР принимает закон «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий», Э.А. Шеварднадзе заявляет о своём выходе из КПСС.

5 июля 1991 года - встреча М.С. Горбачёва с Г. Колем в правительственной резиденции под Киевом.

10 июля 1991 года - «Известия» публикуют «Программу совместных действий Кабинета Министров СССР и правительств суверенных республик по выводу экономики страны из кризиса в условиях перехода к рынку».

17-18 июля 1991 года - в Лондоне проходит заседание «Большой семёрки» с участием М.С. Горбачёва.

20 июля 1991 года - указ Б.Н. Ельцина о департизации государственных структур в РФ.

23 июля 1991 года - «Советская Россия» и «День» публикуют «Слово к народу» за подписями Ю.В. Бондарева, Ю.В. Блохина, В.И. Варенникова, Э.Ф. Володина, Б.В. Громова, Г.А. Зюганова, Л.Г. Зыкиной, В.М. Клыкова, А.А. Проханова, В.Г. Распутина, В.А. Стародубцева и А.И. Тизякова.

27 июля 1991 года - А.Н. Яковлев уходит в отставку с поста главного советника президента СССР.

29 июля - 1 августа 1991 года - официальный визит в Москву

президента США Дж. Буша. Подписание Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). М.С. Горбачёв встречается с Б.Н. Ельциным и Н.А. Назарбаевым.

3 августа 1991 года - М.С. Горбачёв выступает по телевидению с заявлением о том, что «новый союзный договор будет открыт к подписанию с 20 августа 1991 года».

4 августа 1991 года - М.С. Горбачёв отправляется в крымскую резиденцию президента СССР Форос на отдых.

5 августа 1991 года - на режимном «объекте АБС» в Москве проходит первое совещание будущих членов ГКЧП.

6 августа 1991 года - первый секретарь ЦК Компартии РСФСР И.К. Полозков подаёт в отставку. Его преемником становится В.А. Купцов.

16 августа 1991 года - Б.Н. Ельцин вылетает в Алма-Ату.

17 августа 1991 года - А.Н. Яковлев заявляет о готовящемся государственном перевороте.

19-21 августа 1991 года - Образование и действия ГКЧП. Его поражение предопределяет окончательный распад Советского Союза и победу «демократии».